

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM



AVON/N304/95¢

Isaac Asimov **FOUNDATION**



Winner
of the
HUGO AWARD
for the best all
time science
fiction
series!

In a future century the Galactic
Empire dies and one man creates
a new force for civilized life

Annotation

Действие первой части основной трилогии «Основание» разворачивается в далеком будущем, когда заселены планеты миллионов звездных систем Галактики. Математик и психоисторик Хари Сэлдон предсказывает крах и возрождение через много лет несокрушимой Галактической Империи. Чтобы смягчить последствия катастрофы, он разрабатывает проект создания Основания, которое должно стать центром зарождения новой Империи...

- Айзек Азимов

- Часть первая.
Психоисторики

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8

- Часть вторая.
Энциклопедисты

- 1
- 2
- 3
- 4

- 5
- 6
- 7

- Часть третья. Мэры

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9

- Часть четвертая. Торговцы

- 1
- 2
- 3
- 4

- 5

- 6

- Часть пятая. Торговые магнаты

- 1

- 2

- 3

- 4

- 5

- 6

- 7

- 8

- 9

- 10

- 11

- 12

- 13

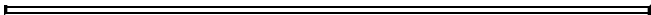
- 14

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)

- [\$\simeq\$](#)

- [notes](#)

- [1](#)



Айзек Азимов

ОСНОВАНИЕ

Часть первая.

Психоисторики

*Хари Сэлдон — ...
родился в 11968 г.
Галактической эры,
скончался в 12069 г.
Обычно эти даты даются
в текущем исчислении эры
Основания: 79-й год
будущей эры (б. э.). Родился
на Геликоне, зона Арктура,
где его отец, если верить
сомнительной легенде,
занимался выращиванием
табака на гидропонных
плантациях планеты, и с*

*малых лет проявил
незаурядные способности к
математике.*

*Многочисленные
рассказы о том, как
проявлялись эти
способности, анекдотичны
и часто противоречат друг
другу.*

*Говорят, что в
возрасте двух лет...*

*...Несомненно, что
самый большой вклад был
сделан им в области науки,
называемой психоисторией.
Сэлдон рассчитал поле, как
ряд непонятных аксиом.
Этим он значительно*

углубил и дал полную картину статистике, как науке...

...Лучшей и наиболее полной его биографией является труд Гаала Дорника, который, будучи еще совсем молодым человеком, встретил Сэлдона за два года до его смерти. Рассказ об их встрече...

Галактическая
энциклопедия^[1]

Его звали Гаал Дорник и он был всего лишь обычным провинциальным мальчишкой, который никогда до сих пор не бывал на Транторе. Он, конечно, много раз видел планету по гипервидению и издалека в колоссальных трехмерных газетных репортажах о коронации императора или открытии Галактического Совета. И хоть всю жизнь он провел на планете Синнакс, вращающейся вокруг звезд в скоплении Голубой Туманности, он не был оторван от цивилизации, да в то время это было и невозможно нигде в Галактике.

В то время Галактика насчитывала около двадцати пяти миллионов населенных планет, и все они составляли одну империю с центром Галактики на планете Трантор. За последние полвека мощь империи значительно возросла.

Для Гаала это путешествие было блестящим венцом его молодой научной карьеры. Вне всякого сомнения. В космосе он бывал уже не раз и полет сам по себе мало что для него значил. Правда, его путешествия не шли дальше Синнакса, где он добывал необходимые данные по механике метеоритного скольжения. Но для космического путешествия не имело

особого значения — полмиллиона миль или полмиллиона световых лет.

Он лишь немного волновался перед прыжком через гипер-космос — это ощущение было невозможно испытать при межпланетных перелетах. Гипер-скачок был, и по видимости всегда останется, единственным способом полетов к звездам. В обычном пространстве скорость звездолета не превышала скорости света (только эта часть давно забытых данных сохранилась со времен забытой зари человеческой истории), а это значило, что даже от одной населенной звездной системы до ее ближайшей соседки придется путешествовать долгие годы. Через

нуль-пространство, эту невообразимую область, которая не является ни пространством, ни временем, ни энергией, чем-то, а может быть и ничем, можно было пролететь всю Галактику из конца в конец за время, исчисляющееся долями секунды.

Гаал ожидал первого прыжка, чувствуя подкатывающую тошноту, но ничего не произошло, разве что едва уловимое колебание воздуха, какое-то смутное ощущение и внутренний толчок, который кончился, прежде чем он успел его почувствовать. Это было все.

А затем остался один лишь звездолет, большой и сверкающий,

совершенная продукция
двенадцатитысячелетнего прогресса
Империи, и он сам, новоиспеченный
доктор математических наук,
который получил приглашение в
столицу Империи, на Трантор, от
самого великого Хари Сэлдона,
чтобы принять участие в каком-то
загадочном сэлдонском проекте.

После разочарования,
полученного при прыжке через
гипер-космос, Гаал с нетерпением
ждал, когда же появится Трантор. Он
не покидал комнаты общего обзора.
Стальные покрышки иллюминаторов
откатывались назад в заданное
время, и он тут же кидался вперед,
всматриваясь в слепящую жесткость

звезд, наслаждаясь их россыпями, похожих на спешащих к свету мошек, неожиданно застывших на месте. Когда заслонки откатились в очередной раз, он увидел газовое скопление примерно в пяти световых годах от звездолета: оно проскользнуло мимо иллюминатора как выплеснутое молоко, наполнив комнату ледяным звоном, и исчезло часа через два, после очередного прыжка.

Сначала солнце Трантора показалось как маленькая жесткая точка, затерянная среди мириад других и отличающая от них только благодаря направлению звездолета. В Галактическом Центре скопления

звезд были густыми. Но с каждым прыжком одна звездочка сияла все ярче и ярче, заслоняя собой остальные.

В комнату обзора вошел один из офицеров корабля и сказал:

— Обсерватория будет закрыта всю остальную часть пути. Приготовьтесь к посадке.

Гаал шел за ним следом, цепляясь за рукав белой формы с вышитым на ней изображением звездолета и солнца.

— Может, мне все-таки можно будет остаться? — спросил он. — Я бы очень хотел увидеть Трантор.

Офицер улыбнулся, и Гаал покраснел. Ему пришло в голову что

он говорит с провинциальным акцентом.

— Мы приземлимся на Трантор только утром, — сказал офицер.

— Да нет, мне хочется понаблюдать за планетой из космоса.

— А-а. К сожалению, это невозможно, мальчик. Мы не на космической яхте и заходим на посадку с солнечной стороны. Ведь не хотите вы ослепнуть, сгореть и получить смертельную дозу радиации в одно и тоже время, а?

Гаал повернулся и, ни слова не говоря, пошел прочь. Офицер окликнул его:

— Трантор из космоса виден как смазанное пятно грязно-голубого

цвета. Так что нечего жалеть. А когда будете на планете, купите себе билет на космический тур. Это недорого стоит.

— Спасибо вам большое, — ответил Гаал, поворачиваясь к офицеру.

Получив отказ, Гаал почувствовал себя совсем маленьким, и хотя детство так же естественно для взрослого, как и для ребенка, к его горлу внезапно подкатил горький ком. Он никогда не видел Трантора во всей его необъятной мощи, большой, как сама жизнь, и он не хотел задерживать это зрелище ни на минуту.

Звездолет приземлился в сумятицу и неразбериху шумов. Шипела атмосфера, скатываясь с металлических бортов корабля. Мерно шумели кондиционеры, справляясь с перегревом, гудели тормозные двигатели. Раздавались мужские и женские голоса, обслуживающий персонал готовил трапы, по которым людей высаживали на особые разгрузочные платформы.

Гаал почувствовал легкий толчок и понял, что звездолет отключил свои двигатели. Теперь в течении долгих часов

гравитационное поле корабля будет уравниваться с гравитационным полем планеты. тысячи пассажиров терпеливо ожидали в дебаркационных помещениях с силовым полем, которое ориентировалось на изменяющееся направление гравитационных полей. Высадка началась.

У Гаала почти не было багажа. Он стоял на палубе, пока его чемодан быстро и со знанием дела разобрали и сложили вновь. Внизу его тщательно исследовали, поставили штамп на паспорт. Сам он не обратил на эти процедуры внимания.

Это был Трантор! Воздух здесь казался чуть менее разреженным,

гравитация чуть большей, чем на его родной планете Синнакс, но к это легко было привыкнуть. Привыкнет ли он когда-нибудь к этой необъятности?

Дебаркационное здание было огромным. Свод потолка почти невозможно было разглядеть. Гаал чуть ли не физически чувствовал, что где-то далеко наверху собираются облака. Противоположной стены тоже не было видно: насколько хватало глаз были лишь одни столы и люди за ними.

— Идите же, Дорник, — сказал ему один из таможенников. Говорил он раздраженно и прежде чем назвать Гаала по фамилии, вновь

открыл паспорт с визой.

— Но куда? — нерешительно спросил Гаал.

Таможенник небрежно ткнул пальцем в воздух.

— Стоянка такси направо и третий поворот налево. Гаал отошел от стола и увидел, как воздухе из ничего формируется надпись: «Такси по всем направлениям».

Человек, возникший неизвестно откуда, подошел к столу, от которого только что отошел Гаал. Таможенник кивнул ему головой. Человек кивнул ему в ответ и последовал за молодым эмигрантом.

Он подоспел как раз к тому времени, когда Гаал называл свой

адрес.

Гаал тяжело оперся на барьер.

Небольшая вывеска гласила:
«Супервизор».

Человек который сидел под этой
вывеской, спросил, не поднимая
головы:

— Куда?

Гаал сам этого не знал, но даже
секундное колебание было не
допустимо: сзади немедленно
начинал скопляться очередь.

— Так куда?

Денег у Гаала почти не было,
следовало перебиться хотя бы одну
ночь, потом он уже устроиться на
работу. Он постарался, чтобы голос
звучал бесстрастно:

— В хороший отель. На супервизора это не произвело никакого впечатления. — Они все хорошие. В какой именно? — В ближайший, — с отчаянием в голосе ответил Гаал. Супервизор дотронулся до кнопки. Тонкая световая линия легла на пол, рассыпавшись разнообразными цветами и оттенками. В руке у Гаала оказалась карточка. Она слабо светилась.

— С вас один-двенадцать, — сказал супервизор. Гаал сунул руку за мелочью. — Куда мне идти? — спросил он. — Идите за световой линией. Вот вам карточка. Она будет светиться, пока вы идете правильно.

Гаал расплатился и двинулся

вперед. Сотни таких же людей, как он, шли по своим индивидуальным маршрутам, колеблясь, когда свет их карточек ослабевал, и вновь продолжая идти дальше.

Его собственная карточка внезапно потухла. Человек в сверкающей желто-голубой форме из сверхпрочного пластостеклолита поднял его багаж.

— Прямая линия до Люксора, — сказал он.

Неизвестный следовавший за Гаалом, все слышал. Он также слышал, как Гаал ответил: «Хорошо», и пошел после этого в машину.

Такси поднялось в воздух вертикально. Гаал взглянул в

изогнутое прозрачное окно, наслаждаясь ощущением полета в закрытой машине и инстинктивно вцепившись за сидение водителя. Люди внизу стали сразу похожи на муравьев в растревоженном муравейнике. Затем и они провалились куда-то прочь.

Впереди виднелась стена. Она начиналась в воздухе и тянулась несколько хватало глаз. В стене виднелись широкие дыры отверстий. Такси Гаала подлетело к к одному из них и нырнуло внутрь. На секунду Гаал удивился: откуда водитель узнал, что им нужно именно сюда.

Темноту вокруг рассекал лишь узкий луч света. В воздухе было

шумно. Такси резко затормозило, и Гаал подался вперед, стараясь сохранить равновесие.

Затем машина вылетела из туннеля и затормозила на одном из уровней.

— Отель Люксор, — сказал шофер.

Он помог Гаалу выгрузить багаж, получил десять кредитов на чай с деловым видом, а потом взял очередного пассажира и повел свое такси вверх.

Трантор... — в начале
тринадцатого
тысячелетия его
возможности достигли
своего максимума. Являясь
центром Имперского
правления в течении сотен
тысяч поколений, будучи
расположен в центральных
районах Галактики среди
наиболее плотно
населенных и
индустриально развитых
миров системы, он не мог
не быть самым
значительным и богатым

скоплением человечества,
которое когда-либо видела
человеческая раса.

Значение этой
планеты, стабильно
увеличиваясь, достигло
наконец своего апогея. Вся
поверхность Трантора,
75 000 000 квадратных
миль протяженности,
составляло всего лишь один
город. Население во время
самого большого расцвета
превышало сорок
миллиардов человек. Все
это огромное количество
людей занималось
исключительно

административными
нуждами Империи, и тем
не менее их было
недостаточно для решения
задачи такой сложности.
(Следует помнить, что
невозможно правильно
вести административную
работу Галактической
Империи под
невдохновляющим
руководством последних
императоров, и это
послужило решающим
фактором в падении
Империи) Каждый день
целые флотилии
звездолетов из десятков

тысяч кораблей привозили продукты с десятков сельскохозяйственных планет на обеденные столы Трантора...

Зависимость планеты от внешних миров не только в области сельскохозяйственной, но и во всех других областях, сделали Трантор исключительно ранимым для нападения и долгой осады. За последнее тысячелетие императоры хорошо поняли это, подавляя восстание за восстанием, и вся политика

*императорского двора
свелась к тому, чтобы хоть
как-то защитить это
место...*

*Галактическая
энциклопедия*

Гаал не знал, светило ли на небе солнце, и если уж на то пошло, то не мог даже понять, день сейчас или ночь. Он стеснялся это спрашивать. Казалось, вся планета закована в металл. Правда, на еду ему сейчас подали консервы с этикеткой «завтрак», но он по опыту знал, что существует множество планет,

живущих по особому распорядку и не обращающих внимания на неудобное чередование дня и ночи. А с какой скоростью Трантор вращался вокруг солнца, он не знал.

С начала он было ткнулся в дверь с надписью «Комната солнца», но она оказалась оказалась обычным помещением с искусственным радиационным освещением. Он остался в ней всего на несколько минут, а затем вернулся в главный холл Люксора.

— Скажите, где я могу купить билет на космический тур? — спросил он у администратора.

— Здесь.

— А когда он начинается?

— Он уже начался, вы опоздали на несколько минут. Но следующий тур завтра. Вы можете купить билет прямо здесь, мы зарезервируем для вас место.

— Понятно. Завтра будет уже поздно. С самого утра ему нужно будет идти в университет.

— Скажите, у вас нет здесь чего-нибудь вроде наблюдательного пункта? — спросил Гаал. — Я имею ввиду на открытом воздухе.

— Ну конечно, есть! Если хотите, могу продать вам билет и туда. Только лучше сначала проверить, не идет ли дождь.

Он передвинул какой-то рычажок рядом со своим локтем и

посмотрел на матовый экран, по которому скользили цифры. Гаал посмотрел вслед за ним.

— Хорошая погода, — сказал администратор. — Теперь я кажется вспомнил — у нас сейчас лето. Сам-то я не очень люблю выходить наружу, — и он добавил доверительно: — Последний раз я выходил года три назад. Один раз посмотришь и сразу все становится ясно... Вот ваш билет. Специальный лифт рядом с черным ходом отеля. На нем написано: «Башня». Садитесь в него и все будет в порядке.

Лифт был новинкой: он поднимался, используя отрицательные и положительные

гравитационные поля. Гаал вошел первым, остальные экскурсанты последовали за ним. Лифтер нажал на кнопку. На секунду когда наступила невесомость, Гаалу показалось, что он снова в космосе. Но лифт набирал ускорение и вес постепенно появился вновь. Правда, ненадолго. После резкого, хотя и нечувствительного торможения, его ноги оторвались от пола, и он невольно вскрикнул.

— Засуньте ноги под скобы на полу, — проворчал лифтер. — Вы что, читать не умеете?

Все остальные поступили так с самого начала. Сейчас они, улыбаясь смотрели на его тщетные попытки

спуститься со стены на пол. Их ботинки торчали из-под сверкающих хромом скоб, которые располагались на полу двумя параллельно двум рядам. Гаал видел эти скобы, но не обратил на них никакого внимания.

Затем чья-то вытянутая рука потянула его вниз.

Немного запыхавшись, он пробормотал слова признательности, а тем временем лифт остановился.

Он вышел на открытый балкон, залитый слепящим светом, от которого становилось больно глазам. Человек, чья уверенная рука только что помогла ему, вышел за ним следом.

— Здесь сколько уютно

свободных мест, — сказал он с добротой в голосе. Гаал закрыл рот — он все еще немного запыхался — и сказал. — Да, мест более чем достаточно. Он сделал по направлению к креслам несколько шагов, затем остановился: — Если вы не возражаете, я постою немного у перил, — сказал он. — Мне... мне хочется немного посмотреть.

Человек помахал рукой, он явно был добродушно настроен. И Гаал, опершись о перила, которые были ему по плечо, буквально окунулся в окружающую панораму.

Землю он не увидел. Она терялась в постройках все возрастающей сложности. Горизонта

он тоже не увидел: один лишь металл на фоне неба, серый металл, и Гаал знал, что такое зрелище он увидит повсюду на планете. Все как бы застыло — лишь несколько прогулочных машин лениво плыли по небу, но он знал, что биллионы людей сновали и куда-то торопились там, внизу, под металлической кожурой этого мира.

Зеленого цвета вообще не было видно: ни зелени, ни земли, ни неба, ничего, кроме металла. Где-то в этом мире, смутно осознал он, был дворец Императора, который стоял на настоящей земле, окруженный высокими зелеными деревьями и радугами цветов. Это был маленький

островок среди океана стали, но с балкона, на котором стоял он, дворца видно не было. Может, он находился за десятки тысяч миль отсюда. Гаал не знал.

Ничего, пройдет немного времени и он выкроит часок-другой для своего космического тура!

Он глубоко вздохнул и неожиданно осознал, что он наконец-то на Транторе, на планете, которая являлась центром Галактики и сутью человеческой расы. Он не видел ее слабостей. Он не видел, как приземляются на планету корабли с продуктами питания. Он и не подозревал о той самой жизненно важной сонной артерии, которая так

слабо соединяла сорок миллиардов жителей Трантора с остальной Галактикой. Он видел только самое могущественное создание человека: полную и почти презрительную победу над миром.

Он отошел от перил балкона как в тумане. Его знакомый по лифту махнул рукой, указывая на свободное рядом с ним место, Гаал подошел и опустился в кресло.

Человек улыбнулся.

— Меня зовут Джерилл. Вы впервые на Транторе?

— Да, мистер Джерилл.

— Так я и подумал. Кстати, Джерилл, мое имя, а не фамилия. Трантор впечатляет, в особенности

если у тебя поэтическое воображение. Сами транториане, однако, сюда не ходят. Им здесь не нравится. Они видите ли, нервничают!

— Нервничают?... Да, кстати, меня зовут Гаал. Из-за чего же они здесь нервничают? Это великолепно!

— Объективное восприятие, Гаал. Если вы рождаетесь в инкубаторе, становитесь взрослым в коридорах, работаете в погребе, а отпуск проводите в переполненной «Комнате Солнца», то выйдя наружу и не увидав у себя над головой ничего, кроме неба, вы можете серьезно заболеть. Транториане разрешают своим детям выходить

сюда раз в год, после того как им исполниться пять лет. Не знаю, право, дает ли это им что-нибудь. Во-первых, этого явно мало, а во-вторых, когда детей приводят сюда впервые несколько раз, они закатывают жуткие истерики. Следовало приносить их сюда сразу после рождения, и по меньшей мере раз в неделю.

— В общем-то это не имеет такого уж большого значения, — продолжал он. — Ну и что с того, что они никогда не увидят неба? Они счастливы там, внизу, и они управляют Империей. Как вы думаете, на какой высоте мы находимся?

— Полмили? — неуверенно ответил Гаал, — подумав про себя, что со стороны он, наверное, выглядит неопытным, наивным мальчиком.

Так должно быть и было, потому что Джерилл ухмыльнулся.

— Никак нет, — сказал он, — всего лишь в пятистах футах от земли.

— Что? Но ведь мы ехали в лифте больше чем...

— Все правильно. Но большую часть пути лифт прошел под землей. Сооружения Трантора расположены на милю в глубь. Он как айсберг. Девять десятых просто не видны. Более того, используя одну лишь

температурную разницу между глубинами земли, где мы живем, и поверхностью, можно получить энергию для обслуживания всего нашего сложного комплекса. Вы этого не знали?

— Нет. Я думал, что вы используете атомные генераторы.

— Когда-то использовали, но так дешевле.

— Я думаю!

— Как вам все нравится?

На секунду все добродушие слезло с человека, как кожура, уступив место острой пронизательности. Во взгляде его появилась жесткость.

— Великолепно, — вновь

повторил Гаал, хотя в голосе его на сей раз чувствовалась неуверенность.

— Вы здесь в отпуске? Путешествуете?

— Не совсем так... Хотя я всегда мечтал посетить Трантор. Прибыл я в основном на работу.

— О!

Гаал почувствовал себя не совсем удобно и поспешил объясниться.

— Я буду работать над проектом доктора Сэлдона в Университете Трантора.

— Ворона Сэлдона?

— Что вы, нет. Я имею в виду Хари Сэлдона... психоисторика Сэлдона. О вороне Сэлдоне я никогда

не слышал.

— Я имею в виду Хари. Его прозвали вороном. Просто образное выражение. Он все время предсказывает нам полную великую разруху.

— Вот как?

Гаал очень удивился.

— Но неужели вы не знаете этого?

Джерилл даже не улыбнулся.

— Ведь вы же собирались с ним работать.

— Да, конечно, ведь я математик. Но почему он предсказывает эту... катастрофу? Что именно за катастрофа?

— А вы как думаете?

— Боюсь, что я не имею об этом ни малейшего представления. Я читал все статьи, опубликованные доктором Сэлдоном и его группой. Все они касаются математических теорий.

— Да, те, которые они публикуют.

Гаал почувствовал легкое раздражение.

— Пожалуй, мне пора, — сказал он. — Очень приятно было познакомиться с вами.

Джерилл безразлично помахал ему вслед.

Когда Гаал спустился к себе в номер, он увидел в нем незнакомца. На секунду он так изумился, что

даже не задал неизбежного вопроса: «А что вы тут, собственно делаете?»

Незнакомец поднялся. Он был стар и почти лыс, при ходьбе хромал, но на лице его поражали ярко сверкающие голубые глаза.

— Я — Хари Сэлдон, — сказал он за секунду до того, как фотографии этого человека, много раз виденные в различных журналах, вспыхнули в памяти Гаала Дорника.

*Психоистория... —
Гаал Дорник, используя
математические
концепции, доказал, что
психоистория является тем
ответвлением
математики, которое
имеет дело с реакциями
человеческих обществ на
стабильные социальные и
точных статистических
данных, можно было как-
то воздействовать на эти
человеческие общества.
Необходимые данные о его
величине могут быть*

определены Первой
Теоремой Сэлдона,
которая... Дальнейшим
необходимым выводом
было то, что человеческое
общество не должно само
по себе знать что-либо о
психоисторическом
анализе, чтобы реакции
данного общества не
направлялись бы этим
знанием, тем самым внося
искажение в их
истинность...

Основа всей науки
психоистории лежит на
разработке функций
Сэлдона, которые

*выражаются отношением
и определяют зависимость
между личностями и
социально-экономическими
силами, такими, как...*

*Галактическая
энциклопедия*

— Доброе утро, сэр, — сказал Гаал. — Я... Я...

— Вы думали, что мы увидимся только завтра? В обычных условиях так бы оно и было. Но наше дело не терпит отлагательства, и если вы нам подойдете, то мы включим вас в работу немедленно. Сейчас все

труднее и труднее находить новые кадры, находить добровольцев.

— Простите, я не понимаю, сэр.

— Когда вы были на обсервационной башне, вы с кем-нибудь разговаривали?

— Да, с человеком по имени Джерилл. Я больше ничего о нем не знаю.

— Его имя не имеет никакого значения. Это — агент Комитета Народной Безопасности. Он следил за вами с космодрома.

— Но для чего? Боюсь, я просто ничего не понимаю.

— Скажите, этот человек ничего обо мне не говорил?

Гаал заколебался.

— Он назвал вас вороном. — Он не объяснил почему? — Он сказал, что вы предсказываете катастрофу. — Это правда... Скажите, много ли для вас значит Трантор? Кажется, все, с кем он встречался, интересовались его мнением о Транторе. Гаалу так пока что и не пришло ничего в голову, кроме единственного слова: «Великолепно».

— Вы говорите не подумав. А с психоисторической точки зрения?

— Я не применял ее еще к этой проблеме.

— Прежде чем мы с вами познакомимся поближе, молодой человек, вы научитесь применять психоисторию к любой проблеме, и

делать это вы будете
автоматически... Посмотрите.

Из кармашка пояса Сэлдон достал небольшую счетную машинку. Ходили слухи, что он не расставался с ней даже в постели и доставал ее из-под подушки в часы бессонницы. Ее серая матовая полировка была слегка потерта от долгого применения. Ловкие, узковатые от старости пальцы Сэлдона заиграли по клавишам. На сером экране засветились красные символы.

— Вот вам положение Империи на сегодняшний день, — сказал Сэлдон. Гаал вопросительно посмотрел на Сэлдона. Пауза затянулась.

— Но ведь это, конечно, неполная картина, — сказал наконец Гаал.

— Да, неполная, — согласился Сэлдон. — Я рад, что вы не принимаете моих слов просто на веру. Однако это приближение, на основе которого можно сделать общие выводы. Вы согласны?

— Согласно моему последнему определению производной функции — да. Гаал говорил с большой осторожностью, пытаюсь избежать возможной ловушки.

— Прекрасно. Прибавьте к этому известную вероятность преступлений, происходящих в Империи, антиправительственный

заговор, временные периоды
экономического спада,
понижающуюся кривую
исследований новых планет...

Он продолжал свои
перечисления. С каждым новым
определением новый символ
появлялся на экране, повинаясь
движению руки, а основное
уравнение все росло и изменялось.

Гаал прервал его только один
раз.

— Я не понимаю значения этого
трансформационного ряда.

Сэлдон повторил еще раз,
медленнее. — Но этот вывод сделан
благодаря запрещенной социальной
операции. — Прекрасно. Вы

действительно соображаете головой, но все же недостаточно быстро. В этой связке она не запрещена. Давайте я раскрою вам этот ряд.

Это заняло значительно большое количество времени, но в конце концов Гаал покорно произнес:

— Да, теперь я понял.

И наконец Сэлдон замолчал.

— Вот вам картина Трантора через пять столетий. Что вы теперь скажите, а?

Гаал ответил механически, не веря своим глазам:

— Полное разрушение! Но... это невозможно. Трантор никогда не был таким.

Сэлдон возбужденно крутился

на месте, как мальчишка, у которого состарилось только одно тело.

— Бросьте выкручиваться. Вы сами видели, как мы пришли к такому результату. Теперь переложите его на слова. Забудьте на минуту о символах.

— В то время, как Трантор становится все более специализированной планетой, — ответил Гаал, — он становится все более уязвимым, все менее может защитить себя. Далее, благодаря тому, что административное значение Трантора растет из года в год, планета представляет собой все больший интерес для захвата. Так как наследование императору становится

все более неопределенным, а знатные фамилии ведут себя все более вольно, социальная ответственность все более исчезает.

— Достаточно. А что вы скажете о численной вероятности полного разрушения Империи на протяжении пяти веков?

— Я ничего не могу сказать.

— Да? Вы не можете провести дифференциального вычисления поля?

Под таким давлением Гаал чувствовал себя не совсем уверенно. Сэлдон держал ее примерно в футе от его глаз. Гаал судорожно стал производить вычисления в уме и почувствовал, как его лоб

покрывается испариной.

— Около 85 процентов? —
сказал он.

— Неплохо, — ответил Сэлдон,
вытягивая нижнюю губу, — но и не
хорошо. Точная цифра 92,5 процента.

— И поэтому вас называют
Вороном Сэлдоном? — спросил
Гаал. — Я не видел в журналах всех
этих вычислений.

— Ну, конечно, это не для
печати. Ведь не предполагаете же вы,
что Империя когда-нибудь
обнародует свое бедственное шаткое
положение? Для психоистории такие
расчеты несложны. Но кое-какие
результаты просочились и стали
известны нашей аристократии.

— Это плохо.

— Не обязательно. Это было предусмотрено.

— Но неужели именно поэтому за мной следили?

— Да. Все, что касается моего проекта, очень тщательно исследуется.

— Значит, вы в опасности?

— О, это несомненно. Существует вероятность в 1,7 процента, что меня приговорят к смертной казни, хотя, естественно, это не остановит проекта. Это тоже учтено. Да и не в этом дело. Насколько я понимаю, мы встречаемся завтра утром в Университете?

— Да, — ответил Гаал.

КОМИТЕТ НАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ... —

*аристократическая
коалиция поднялась к
власти после удачного
покушения на Клеона I,
последнего из дома
Энтуизов. В основном, эта
коалиция внесла элемент
порядка в течение долгих
веков нестабильности и
беспокойств в Империи. В
конечном счете под
предводительством великих
князей Чензов и Дивартсов
она дегенерировала в*

слепой инструмент для
поддержания статус кво...

Комитет не отошел
полностью от
государственной власти до
отречения последнего из
сильных императоров —
Клеона II. Первый
начальник Комитета...

Неким образом,
начало упадка Комитета
можно проследить от
начала процесса над Хари
Сэлдоном, который
проходил за два года до
Эры Основания. Этот
процесс описан в биографии
Хари Сэлдона Гаалом

Дорником...

*Галактическая
энциклопедия*

Гаал не выполнил своего обещания. На следующее утро его разбудил приглушенный звонок. Он снял трубку и голос клерка гостиницы очень вежливо и внятно информировал его, что он никуда не должен выходить по приказу Комитета Народной Безопасности.

Гаал тут же подскочил к двери, но та почему-то не хотела открываться. Ему осталось только одеться и ждать.

За ним пришли, затем куда-то отвели, но все-таки это был самый настоящий арест. Вопросы ему задавали очень вежливым тоном. Все это было благопристойно. Он объяснил, что он всего-навсего провинциал из Синнакса, что он учился в таких-то и таких-то школах и институтах, что он получил степень доктора математики тогда-то и тогда-то. Его пригласили работать в группу Хари Сэлдона и он согласился. Вновь и вновь он повторял все сначала и сначала, а они все возвращались к вопросу о его присоединении к группе Сэлдона. Как он о ней услышал, какие должны были быть его обязанности, какие

инструкции он получил, в чем заключается сэлдоновский проект.

Он отвечал, что ничего не знает. Он не получал никаких тайных инструкций. Он ученый и математик. Он совершенно не интересуется политикой.

В конце концов вежливый инквизитор сказал:

— Так когда же будет разрушен Трантор?

Гаал запнулся.

— Моих знаний недостаточно, чтобы ответить на этот вопрос.

— А кто может на него ответить?

— Как я могу отвечать за других?

Гаал весь взмок, ему было жарко.

— Скажите, вам говорил кто-нибудь о возможности такого разрушения и о том, когда это должно произойти? — спросил следователь. И когда молодой человек заколебался, он добавил: — Учтите, доктор, за вами следили. Мы были на космодроме, когда вы прибыли, на обсервационной башне, когда вы ждали своего свидания, и, конечно, нам ничего не стоило подслушать вашу беседу с доктором Сэлдоном.

— В таком случае вы знаете его взгляды на существующую проблему, — ответил Гаал.

— Возможно. Но нам бы хотелось услышать это от вас.

— Сэлдон придерживается мнения, что Трантор будет разрушен в течении пяти веков.

— Он доказал это... гм... математически?

— Да.

— И вы подтверждаете что его предпосылки верны?

— Если доктор Сэлдон так считает, то они верны.

— Ну что ж. Вопросов больше у меня к вам нет, но я вас задержу. Это все.

— Подождите я имею право на защитника. Я настаиваю на своих правах, как имперский гражданин.

— Вам никто в них не отказывает.

И защитник не заставил долго ждать.

Человек, вошедший в комнату, был высок и лицо его было таким узким, что, казалось, состояло из одних вертикальных линий, не оставляя место улыбки.

Гаал поднял глаза. Он чувствовал себя разбитым и усталым. Произошло столько событий, а он не пробыл на Транторе еще и тридцати часов.

— Меня зовут Лорс Аваким, — сказал человек. — Доктор Сэлдон направил меня защищать вас.

— Вот как? Тогда послушайте. Я

требую немедленной передачи апелляции Императору. Меня задержали безо всякой на то причины. Я не виновен ни в чем. *НИ В ЧЕМ!* — он взмахнул руками. — Вы немедленно должны сделать так, чтобы дело было доложено Императору.

Пока он говорил, Аваким медленно и тщательно выгружал на пол какие-то вещи. Если бы Гаал не был бы так занят своим негодованием, он узнал бы в этих предметах металлические листы протоколов и карманный магнитофон.

Не обращая никакого внимания на негодование Гаал, Аваким

наконец посмотрел на него.

— Комитет, вне всякого сомнения, попытается подслушать нашу беседу, — сказал он.

— Это незаконно, но тем не менее они попытаются это сделать.

Гаал скрипнул зубами.

— Однако, — тут Аваким намеренно медленно уселся в кресло, — магнитофон, который вы сейчас видите перед собой и который с первого взгляда является магнитофоном, исправно выполняющим свои функции, имеет также еще одно свойство. Он создает мертвую зону для любого подслушивающего устройства. Думаю этот орешек они не сразу

раскусят.

— Значит, я могу говорить свободно?

— Вне всякого сомнения.

— Тогда я требую, чтобы мое дело немедленно было передано Императору.

Аваким улыбнулся ледяной улыбкой и внезапно оказалось, что на его лице все же нашлось для нее место, правда, при этом щекам пришлось немного потесниться.

— Вы из провинции, — сказал он.

— Это не мешает быть гражданином Империи, таким же, как вы, или любой другой член Комитета Народной Безопасности.

— Несомненно, несомненно. Я просто хочу сказать, что будучи провинциалом, вы не совсем понимаете, что такое жизнь на Транторе. Император не слушает никаких дел.

— К кому же тогда апеллировать после Комитета? Существует другая процедура?

— Никоим образом. Ни о какой практической апелляции речи и быть не может. Легально вы можете апеллировать к Императору, но дело никогда до него не дойдет. Император на сегодняшний день совсем не то, что Император из династии Энтуизов. Трантор находится сейчас в руках

аристократических фамилий, члены которых и составляют Комитет Народной Безопасности. В свое время такое положение вещей было четко предсказано психоисторией.

— В самом деле? — сказал Гаал. — в таком случае, если доктор Сэлдон может предсказывать события на пятьсот лет вперед, то...

— Он может предсказывать их на пятнадцать тысяч лет вперед.

— Если на пятнадцать тысяч, то что же он тогда не предсказал вчера моего ареста и не предупредил меня о нем? Хотя нет, простите.

Гаал сел на стул и подпер голову ладонью.

— Я вполне понимаю, что

психоисторическая наука и не может достаточно точно предсказывать будущее для отдельного индивидуума. Я надеюсь, что вы понимаете, что я сейчас просто не в своей тарелке.

— Но вы ошибаетесь. Доктор Сэлдон считал, что вы будете арестованы сегодня утром.

— Что?

— Это, конечно, очень жаль, но это так. Комитет стал проявлять все большую враждебность к его действиям. На новых членов группы оказывают все большее давление. Графики показывают, что для наших целей наиболее выгодно разрешить конфликт именно сейчас. Сам по

себе Комитет действовал еще не совсем уверенно. Поэтому доктору Сэлдону пришлось посетить вас вчера, чтобы заставить их действовать более решительнее. Другой причины не было.

У Гаала перехватило дыхание.

— Так значит...

— Прошу вас. Это было необходимо. Доктор Сэлдон подтолкнул Комитет на ваш арест вовсе не из-за каких-то личных неприязней. Вы должны понять, что все планы доктора Сэлдона, обоснованные математическим аппаратом, над которым он работал более восемнадцати лет, включает любые случайности, в которых

содержатся разные вероятности. Это — одно из них. Меня послали сюда только с одной целью — сказать, что вам нечего бояться. Все кончится хорошо: почти наверняка для нашего проекта и с хорошей вероятностью для вас.

— Как велика вероятность? — требовательно спросил Гаал.

— Для проекта — более 99, 9 процента.

— А для меня?

— Мне сказали, что ваша вероятность равна 77, 2 процента.

— Значит, у меня все же есть один шанс из пяти, что меня посадят в тюрьму или приговорят к смертной казни!

— Вероятность последнего составляет менее одного процента.

— В самом деле? Расчеты одного человека ровным счетом ничего не значат. Попросите доктора прийти ко мне.

— К сожалению, я не могу этого сделать, так как он тоже арестован.

Дверь распахнулась настежь, прежде чем Гаал успел вскрикнуть. Небрежно вошедший охранник подошел к столу, взял в руки магнитофон и положил его себе в карман.

— Я не могу обойтись без магнитофона, — спокойно сказал Аваким.

— Мы, безусловно, дадим вам

его, господин защитник, только не тот, который вызывает статическое поле.

— В таком случае мое интервью закончено.

Гаал остался один.

Судебный процесс (хотя он не имел никакого отношения к тем сложным и запутанным процессам, о которых читал Гаал) продолжался недолго. Тем не менее Гаал уже не мог вспомнить как и с чего он начался.

Его почти ни о чем не спрашивали. Вся тяжелая артиллерия была направлена против самого Сэлдона. Хари Сэлдон, однако казался невозмутимым. Гаалу он казался единственным человеком, сохранявшим спокойствие во всем мире.

Слушателей было немного и все

они были из знатных семей Империи. На процесс не допустили даже представителей прессы и было сомнительно, знают ли вообще во внешнем мире о том, что Сэлдона судят. Яркая выраженная враждебность к подсудимым ощущалась во всей атмосфере заседания.

Пятеро членов Комитета Народной Безопасности сидели за высоким столом. Они были одеты в алые с золотом мундиры и блестящие пластиковые шапочки, показывающие их принадлежность к юриспруденции. В центре стола сидел начальник Комитета Линг Чен. Гаал никогда еще не видел никого из

великих князей так близко и наблюдал за ним с восхищением. В течении всего процесса Чен едва сказал несколько слов. Он ясно дал понять, что все эти пустые разговоры ниже его достоинства.

Прокурор процесса проконсультировался со своими заметками и продолжал допрос Сэлдона.

— Итак доктор Сэлдон сколько людей вовлечено в сейчас в проект, главой которого вы являетесь?

— Пятьдесят математиков.

— Включая доктора Гаала Дорника?

— Доктор Дорник — пятьдесят первый.

— О, значит, их все же пятьдесят один? Подумайте хорошенько, доктор Сэлдон. А, может быть их пятьдесят два или пятьдесят три? Или еще больше?

— Доктор Дорник формально еще не зачислен в нашу организацию. Когда это произойдет, он будет пятьдесят первым. Пока что нас пятьдесят, как я уже говорил.

— А случайно вас не сто тысяч?

— Математиков? Нет.

— Я не говорю о математиках. Насчитывает ли ваша организация сто тысяч членов самых разных профессий?

— Если говорить о самых разных профессиях, то цифра, может

быть, верна.

— Может быть? Я бы сказал, что она просто верна. Я бы сказал, что количество людей вовлеченных в ваш проект, равняется девяносто восьми тысячам пятистам семидесяти двум.

— Это только вместе с женщинами и детьми.

Прокурор повысил голос.

— Я утверждаю, что в проект вовлечено девяносто восемь тысяч пятьсот семдесят две личности. Не выкручивайтесь.

— Я согласен с приведенными цифрами.

Прокурор сверился со своими заметками.

— Давайте сейчас отложим этот

вопрос и вернемся к тому, что мы уже обсуждали. Не повторите ли вы нам, доктор Сэлдон, ваши соображения, касающиеся будущего Трантора?

— Я уже говорил и еще раз повторяю, что от Трантора останутся одни руины в течении пятисот лет.

— Вы не находите, что ваше утверждение просто нелояльно?

— Нет, сэр. Научная правда выше любой лояльности и нелояльности.

— А вы уверены, что это утверждение представляет собой научную истину?

— Уверен.

— На каком основании?

— На основании математической психоистории.

— Вы можете показать, что ваши математические построения верны?

— Только другому математику.
Прокурор ехидно улыбнулся.

— В таком случае вы утверждаете, что эта ваша истина настолько невероятна и сложна, что она находится вне понимания простого человека. Мне кажется, что любая истина должна быть менее загадочна и понятна всем.

— Она ясна очень многим. Физика энергетического перехода известна нам под названием термодинамики. Она была ясна и

правдива на протяжении всей истории человечества, начиная чуть ли не с мифических веков, и тем не менее даже в этом зале наверняка присутствуют люди, которые сами не смогут сконструировать парового двигателя. Сомневаюсь, что даже ваши заслуженные члены Комитета...

Тут один из судей наклонился к прокурору. Шипящим голосом он произнес несколько слов, которые никто не расслышал. Тот покраснел и перебил Сэлдона.

— Мы собрались здесь не для того, чтобы выслушивать ваши речи, доктор Сэлдон. Мы поняли ваши соображения. Но разрешите мне

предположить, что эти соображения нацелены на то, чтобы нарушить доверие народа к имперскому правительству и что вы это делаете в каких-то своих целях.

— Это не так.

— Далее, разрешите мне предположить, что ваше предсказание катастрофы через пятьсот лет вызывает смуты и беспорядки как раз на протяжении этих лет.

— Это верно.

— И что простым своим предсказанием вы надеялись вызвать эти смуты, чтобы возглавить их затем со своей стотысячной армией?

— Прежде всего это неправда. И

если будет проведено расследование, то оно покажет, что не более десяти тысяч человек находятся в призывном возрасте, да и те никогда не проходили военной подготовки.

— Скажите, вы действуете как чье-либо доверенное лицо?

— Я сам являюсь главой моей организации, мистер прокурор.

— Вы абсолютно не заинтересованное лицо? Действуете только в интересах истины?

— Да.

— Что ж, посмотрим. Скажите, доктор Сэлдон, а можно изменить будущее?

— Несомненно. Этот судебный зал, например, можно взорвать через

несколько часов. В таком случае будущее, несомненно, изменится, хотя и совсем немного.

— Опять выкручиваетесь, доктор Сэлдон, может ли быть изменено будущее всей человеческой расы?

— Да.

— Легко?

— Нет. С большим трудом.

— Почему?

— Общее направление психоистории для Галактики с таким количеством густонаселенных планет содержит в себе огромную энергию. Для каких-то изменений она должна встретиться с чем-то, обладающим не меньшей энергией.

То есть, в процессе должно участвовать либо не меньшее количество людей, либо, если их число невелико, колоссальное количество времени. Вы меня понимаете?

— Думаю, что да. Трантор не будет разрушен, если очень большое количество людей решит действовать так, чтобы этого не было.

— Все верно.

— Каким же должно быть это количество? Сто тысяч?

— Нет, сэр. Это ничтожно мало.

— Вы уверены?

— Примите во внимание, что на Транторе проживает сорок миллиардов человек. Далее, учтите,

что тенденция разрушения затрагивает не только один Трантор, но и Империю в целом, а в ней находится около квинтиллиона человеческих существ.

— Понятно. Тогда, возможно, сто тысяч человек могут изменить эту тенденцию, если они и их потомки будут трудиться на протяжении пятисот лет?

— Боюсь, что нет. Пятьсот лет — это очень короткий срок времени.

— А! В таком случае, доктор Сэлдон, нам остается сделать только один вывод из всех ваших утверждений. Ведь в вашем проекте занято сто тысяч человек, и тем не менее, их недостаточно, чтобы

изменить историю Трантора за пятьсот лет. Другими словами, они не могут предотвратить разрушение, чтобы они не делали.

— К великому сожалению, вы правы.

— А с другой стороны, вы собрали эти сто тысяч человек не для какой-нибудь нелегальной цели.

— Совершенно справедливо.

Очень медленно и торжественно прокурор произнес:

— В таком случае, доктор Сэлдон, слушайте меня внимательно, что я вам скажу. Для какой цели вы собрали эти сто тысяч человек?

Голос прокурора стал резок. он захлопнул свою ловушку, загнал

Сэлдона в угол, сделал так, что тому нечего было ответить.

Среди зрителей пробежал шум, докатившийся волной даже до членов суда. Последние тоже завертелись на своих креслах, сверкая красным золотом одежд. Все, кроме главного судьи.

Хари Сэлдон остался невозмутим. Он ждал пока утихнет шум.

— Я собрал их с целью снизить до минимума эффект будущей катастрофы.

— Я не совсем понимаю, что вы хотите этим сказать.

— Но ведь это так просто. Грядущее разрушение Трантора не

является событием самим по себе, изолированным в схеме человеческого развития. Оно будет актом очень сложной драмы, которая началась много веков назад и которая близится со все возрастающей скоростью. Я говорю, джентльмены, о развивающемся упадке и падении Галактической Империи.

Шум публики перешел теперь в глухой рев. Возбужденный, красный прокурор пытался перекричать его.

— Вы открыто объявляете, что... — и умолк, потому что крики из публики: «Предательство», достаточно ясно высказывали его точку зрения.

Главный судья медленно поднял

свой молоточек и вновь уронил его. Звук гонга пронесся по всему залу. Когда он смолк, затихла и публика.

Прокурор перевел дыхание.

— Понимаете ли вы, доктор Сэлдон, что вы говорите об Империи, которая существовала на протяжении двенадцати тысяч лет, несмотря ни на что, и которая всегда не чувствовала по отношению к себе никаких других чувств, кроме любви и преданности народа?

— Я осведомлен и о настоящем положении вещей и о прошлом Империи. Не желая высказывать неуважение к суду, я могу утверждать, что знаю немного больше, чем любой из

присутствующих здесь, в этом зале.

— И вы предсказываете полную катастрофу?

— Ее предсказывает математика. Я не хочу высказывать никаких моральных суждений. Лично я очень жалею, что это должно произойти. Даже если допустить, что Империя — дурной метод правления, чего я кстати не говорю, та анархия которая последует за падением будет намного хуже. Мой проект заключается в том, чтобы бороться с этой стадией анархии. Падение Империи, джентльмены, сокрушающее и происходит оно совсем нелегко. Оно предопределено бюрократией,

падением инициативы масс, уменьшением любознательности и сотней других факторов. Такое положение вещей продолжается веками, как я уже говорил, и движение это слишком огромно, чтобы его можно было остановить.

— Но разве не очевидно, что Империя так же сильна, как и всегда?

— Эта сила только кажущаяся, но ничего вечного нет. Даже прогнивший ствол, господин прокурор, когда буря ломает его пополам, кажется нам могучим. Посвисты этой бури сейчас слышны в ветвях нашей Империи. Послушайте слухом психоисторика и

вы услышите треск.

— Мы здесь, доктор Сэлдон, — нерешительно начал прокурор, — не для того, чтобы выслу...

— Империя, — твердо перебил его Сэлдон, — исчезнет, и хорошее исчезнет вместе с ней. Исчезнут все накопленные ею знания, исчезнет порядок. Начнутся бесконечные межзвездные войны, зачахнет галактическая торговля, население уменьшится, планеты потеряют связь с центром Галактики... Так будет.

Из зала раздался неуверенный тонкий голос:

— Навсегда?

— Психоистория, которая может предсказать упадок, может сделать

также и выводы относительно последующих темных веков. Империя, джентльмены, как это уже тут говорилось просуществовала двенадцать тысяч веков. Грядущие темные века продлятся не двенадцать, а тридцать тысяч лет. Вторая Империя возникнет, но между ней и нашей цивилизацией родится и умрет тысяча поколений страдающего человечества. Мы должны бороться с этим.

Прокурор, оправившись после своеобразного шока, произнес:

— Вы противоречите сами себе. Только что вы говорили, что не можете предотвратить разрушение Трантора, а следовательно и упадка,

так называемого упадка Империи.

— Я не говорю сейчас, что мы можем предотвратить этот упадок. Но пока еще не поздно уменьшить тот период, который за этим последует. Является возможным, джентльмены, уменьшить период анархии до одной тысячи лет, если конечно, моей организации будет позволено действовать сейчас. Мы сейчас находимся на очень тонком отрезке исторического пути. Вся огромная, нахлынувшая на нас масса событий может быть отклонена чуть-чуть от этого пути... но только чуть-чуть... И несмотря на всю мизерность такого отклонения, его может быть вполне достаточно,

чтобы избавить человечество от тысячи лет нищеты и страданий.

— И как вы предполагаете это сделать?

— Сохранив человеческие знания. Сумму этих знаний не в состоянии охватить ни один, ни тысяча человек. С нарушением их социальных связей научные знания раздробятся на тысячи, миллионы кусочков. Отдельные личности будут иметь колоссальные знания о ничтожно малых фактах, не имеющих особо большого значения. Большинство фактов растеряются в поколениях. Но если сейчас мы соберем материалы обо всех известных нам фактах, они никогда

не будут потеряны. Грядущие поколения будут основываться на них и не будут вновь открывать давно известные истины. За одну тысячу лет можно будет проделать работу тридцати тысяч лет.

— Но ведь это пустая... — перебил его прокурор.

— Вот и весь мой проект: тридцать тысяч людей со своими женами и детьми посвящают себя подготовке и изданию «Галактической энциклопедии». Вряд ли я доживу до того, чтобы просто увидеть, что их работа по-настоящему началась. Но к тому времени, как Трантор падет, их труд будет завершен, и копии

Энциклопедии появятся в каждой крупной библиотеке Галактики.

И вновь главный судья поднял и уронил свой молоточек. Хари Сэлдон спокойно сошел с помоста и сел на скамью рядом с Гаалом. Он улыбнулся и сказал:

— Ну, как вам понравилось это представление?

— Отлично, — ответил Гаал. — Но что произойдет сейчас?

— Они отложат судебный процесс и попытаются прийти к частному соглашению со мной.

— Откуда вы это знаете?

— Будем откровенны, — сказал Сэлдон. — Я этого не знаю. Все зависит от главного судьи. Я изучал

его много лет. Я пытался анализировать его действия, но вы сами его знаете, как рискованно подставлять причуду отдельной личности в психоисторические уравнения. Тем не менее я надеюсь.

Аваким приблизился, кивнул Гаалу и наклонился к уху Хари Сэлдона. Потом раздались крики о том, что судебное разбирательство откладывается, и стража разделила обвиняемых. Гаала увели.

На следующий день процесс проходил совсем по-другому. Хари Сэлдон и Гаал Дорник остались один на один с судьями Комитета. Они все сидели за одним столом и между пятью судьями и двумя обвиняемыми почти не было свободного места. Им даже предложили закурить, подав сигареты в коробке из полупрозрачного пластика, который

был похож на поверхность воды. Глаза обманывались этим зрелищем, хотя пальцы подтверждали, что поверхность гладкая и твердая.

Сэлдон взял сигарету, Гаал отказался.

— Здесь нет моего защитника, — заметил Сэлдон.

— Здесь больше не судебное разбирательство, доктор Сэлдон, — ответил судья. — Мы собрались сюда для обсуждения безопасности государства.

Неожиданно в разговор вмешался Линг Чен:

— Говорить буду я. — И остальные судьи откинулись на спинки своих кресел,

приготовившись слушать. Вокруг Чена образовалась полная тишина, в которую он мог с достоинством ронять свои слова.

Гаал задержал дыхание. Чен, стройный и крепко сложенный, выглядевший старше своего возраста, был настоящим императором всей Галактики. Ребенок, который сейчас носил этот титул, был просто-напросто созданием Чена, причем отнюдь не первым.

— Доктор Сэлдон, — вы нарушаете спокойствие во владениях императора, — сказал Чен. — Ни один из квадриллиона людей, живущих сейчас во всей Галактики, не будут жить и уже через сто лет.

Зачем же тогда нам затруднять их мыслями о том, что произойдет через пять далеких столетий?

— Лично я не проживу и пяти лет, — сказал Сэлдон. — Но тем не менее для меня нет ничего важнее. Назовите это самовыражением той мистической личности, которая зовется «человек».

— Я не собираюсь засорять свой мозг никаким мистицизмом. Можете ли вы мне объяснить, почему бы мне не освободиться и от вас, и от вашего пятисотлетнего будущего, которого я никогда не увижу, просто посредством вашей жизни?

— Всего лишь неделю назад, — спокойно ответил Сэлдон, — вы

могли бы казнить меня и, возможно, вероятность того, что вы останетесь в живых до конца этого года, равнялась бы одной к десяти. Но на сегодняшний день эта вероятность едва ли больше, чем одна к десяти тысячам. Как один судьи выдохнули и закрипели креслами. Гаал почувствовал, как у него на голове волосы встают дыбом. Чен слегка приспустил верхние веки.

— Как так? — спросил он.

— Падение Трантора, — ответил Сэлдон, — не может быть остановлено никакими насильственными методами. Однако, его легко можно приблизить. Легенды о моем прерванном

судебном заседании распространятся по всей Галактике. Цель моих планов смягчить катастрофу, убедить людей в том, что будущее не содержит для них никаких перспектив. И так уже о том, как жили их деда, вспоминают с завистью. Начнут происходить политические революции, торговля будет падать. Каждый житель Галактики придет к единственному для него выводу: надо хватать все, что только возможно и пока есть время. Властолюбцы не будут ждать, а негодяев некому будет удерживать. Каждым своим действием они только будут приближать планеты к неизбежной катастрофе. Убейте меня, и Трантор падет не в течении

пятисот лет, а в течении пятидесяти, а вы сами — в течении одного года.

— Все эти слова для того, чтобы пугать детей, — сказал Чен, — и тем не менее ваша смерть — не единственный выход, который может удовлетворить нас.

Он чуть приподнял свою красивую руку, так что два его пальца касались лежащей на столе бумаги.

— Скажите, ваша единственная цель — это создание энциклопедии, о которой вы говорили?

— Да.

— И этим необходимо заниматься на Транторе?

— Дело в том, милорд, что на Транторе находится имперская

библиотека, а также крупнейшая библиотека Университета.

— И тем не менее, если бы вы работали на какой-нибудь другой планете, удаленной от суеты и шума метрополиса, где бы ваши люди могли полностью посвятить себя научным изысканиям, разве это не имело бы преимуществ?

— Возможно, хотя и не очень много.

— В таком случае такая планета есть. Вы можете работать на ней, доктор, сколько вам заблагорассудится, вместе с сотней тысяч человек. Галактика будет знать, что вы активно работаете, чтобы предотвратить великое

крушение. Им даже будет сказано, что вам это удастся.

Он улыбнулся.

— Так как я не верю очень многому, для меня не составит труда не поверить и в так называемый упадок, а значит я буду с полной уверенностью знать, что говорю правду народу. А пока что, доктор, вы не будете волновать «Трантор» и возмущать спокойствие людей. Вы, конечно, можете предпочесть смертную казнь как себе, так и стольким вашим сторонникам, скольким мы сочтем необходимым. На ваши прежние угрозы я не обращаю никакого внимания. Вы можете сделать выбор между

смертью и ссылкой, в течении пятнадцати минут, начиная с этого момента.

— Какая планета выбрана для нас, милорд? — спросил Сэлдон.

— Насколько я понял, ее название Терминус, — сказал Чен.

Небрежным движением руки он подвинул лежащие перед ним бумаги Сэлдону.

— Планета необитаема, но вполне пригодна для заселения. Ее можно приспособить для нужд ученых. Она, правда, несколько удалена...

— Она находится на краю Галактики, — перебил его Сэлдон.

— Как я уже сказал, несколько

удалена. На ней ваши люди вполне могут поселиться для научной работы. Решайте: в вашем распоряжении всего две минуты.

— Нам понадобится время, чтобы подготовиться к такому путешествию, — сказал Сэлдон. — Все-таки переселяться будут более двадцати тысяч семей.

— Вам будет дано время.

Сэлдон задумался и, когда последняя минута истекла, ответил:

— Я принимаю ссылку.

Сердце Гаала екнуло при этих словах. Больше всего на свете он радовался тому, что избежал смерти, да и кто бы не радовался? Но все же несмотря на огромное облегчение,

он испытывал легкую досаду от того, что Сэлдон был побежден.

Долгое время они молча сидели в такси, которое мчало их сквозь стомильные туннели Трантора по направлению к Университету. Потом Гаал заерзал на сидении и сказал:

— Это правда? То, что ваша казнь ускорит падение Трантора?

— Я никогда не лгу, когда речь идет о психоисторической истине. Да и, в данном случае, мне бы это не помогло. Чен знал, что я говорю правду. Он очень умный политик, а политики по самой природе своей работы инстинктивно должны чувствовать правду психоистории.

— Тогда зачем же вы

согласились на ссылку? — удивился Гаал, но Сэлдон не ответил.

Когда они подъехали к Университету, нервная реакция дала себя знать: у Гаала отказали ноги. Его чуть ли не выволокли из такси.

Весь Университет был залит светом. Гаал почти забыл, что где-то еще существует солнце. Но Университет не находился на открытом воздухе. Его здания были покрыты огромным стеклянным куполом. Стекло было поляризованным, так что Гаал мог не щурясь смотреть на сверкающую в вышине звезду. Странно было только, что свет этой звезды не был туманным и что он занимал собой

чуть ли не все небо.

Сами университетские здания не были похожи на серо-стальные сооружения остальной части Трантора. Скорее, они были серебристыми. Металлические панели отдавали цветом слоновой кости.

— Кажется, это солдаты, — сказал Сэлдон.

— Что? — Гаал перенес свой мечтательный взгляд на прозаическую землю и увидел перед собой часового.

Солдаты подошли поближе, и из ближайшей двери внезапно появился их капитан. Мягким голосом он произнес:

— Доктор Сэлдон?

— Да.

— Мы вас ждали. С этого момента вы и ваши люди находитесь под нашей охраной. Мне также велено передать вам, что на все сборы на Терминус, вам дается шесть месяцев.

— Шесть месяцев! — вскричал было Гаал, но пальцы Сэлдона мягко сжали его локоть.

— Таковы мои инструкции, — повторил капитан.

Он вышел, и Гаал повернулся к Сэлдону.

— Что же это такое? Что же можно сделать за шесть месяцев? Это просто медленное убийство.

— Тихо, тихо. Пойдемте в кабинет.

Кабинет был небольшим, но он был гарантирован от любого подслушивания и подсматривания, причем так, что этого нельзя было проследить. Лучи подслушивания направленные на него, не доносили до слуха наблюдателей ни подозрительной тишины, ни еще более подозрительного шума статистического поля. Наблюдатели просто подслушивали самые разнообразные разговоры, составленные из огромного количества невинных фраз, произнесенных различными голосами.

— А теперь, — сказал Сэлдон совершенно спокойно, — могу сообщить вам, что шести месяцев более чем достаточно.

— Я этого не понимаю.

— Дело в том, мой мальчик, что в таком плане, как наш, действия всех других подчинены нашим нуждам. Разве я уже не говорил вам, что личность Чена была подвергнута куда более тщательному изучению, чем другая личность на протяжении всей истории? Да и процесс начался только тогда, когда мы сочли удобным для наших нужд и чаяний.

— Но как вы могли устроить, чтобы...

— ...нас сослали на Терминус?

Почему же нет?

Сэлдон нажал пальцами на одно из мест полированного стола, и целая часть стены за его спиной отъехала в сторону. Только его собственные пальцы могли сделать это, потому что сканер, расположенный внизу, реагировал только на одни в мире отпечатки пальцев.

— Внутри вы найдете несколько микрофильмов, — сказал Сэлдон. — Возьмите тот, на котором стоит буква Т.

Гаал принес микрофильм и ждал, пока Сэлдон вставит его в проектор. Затем Сэлдон протянул молодому человеку глазные линзы.

Гаал приспособил их и молча смотрел прокручивающуюся пленку.

— Но тогда... — сказал он.

— Что вас удивляет? — спросил

Сэлдон.

— Значит вы готовились к отлету уже два года?

— Два с половиной. Конечно, мы не могли быть полностью уверенными, что он выберет именно Терминус, но мы надеялись на это и действовали, исходя именно из этого...

— Но почему, доктор Сэлдон? Если вы сами подготовили себе ссылку, то зачем? Разве нельзя контролировать события с Трантора лучше и полнее?

— Тому есть несколько причин. Работая на Терминусе, мы получим имперскую поддержку, никогда не вызывая страха того, что мы угрожаем информации Империи.

— Но вызвали эти страхи только для того чтобы вас сослали на Терминус, — сказал Гаал. — Я все-таки не понимаю.

— Возможно потому, что двадцать тысяч семейств никогда бы не согласились отправиться на самый край света по своей воле.

— Но зачем вообще заставлять их это делать?

На секунду Гаал задумался.

— Или мне нельзя это знать?

— Пока еще нет. Пока еще вам

вполне достаточно знать, что научное убежище будет основано на Терминусе. И другое такое же убежище будет основано, соответственно, на другом конце Галактики, — и тут он улыбнулся, — там, где кончаются звезды. Что касается всего остального, то я скоро умру, и вы не увидите больше меня... Нет, нет. Не надо выражать мне соболезнования, ни бесполезных утешений. Доктора говорят, что я проживу не больше года или двух. Ну что ж, я завершил своей жизни, а для смерти нет лучших обстоятельств.

— А после вашей смерти, сэр?

— Что ж, у меня будут наследники, может быть даже вы

сами. И эти наследники смогут довести мою схему до совершенства и подстегнут восстание на Анакреоне в нужное время. После чего события будут сами по себе.

— Я не понимаю.

— Вы поймете.

Худое лицо Сэлдона стало мирным и усталым одновременно.

— Большинство отправится на Терминус, но немногие останутся. Это будет легко устроить... Что же касается меня, — и тут его голос перешел в шепот, и Гаал едва-едва расслышал его последнюю фразу, — со мною все кончено.

Часть вторая.

Энциклопедисты

Терминус... —

*расположение планеты
было несколько странно для
той роли, которую она
должна была играть в
галактической истории, и
тем не менее (чего ни один
из многочисленных авторов
никогда не пытался
указать) неизбежным.
Расположенная на самом
краю галактической
спирали, одиночная
планета своего*

изолированного от других
солнца, бедная
ископаемыми и бедная
экономически, она не
заселялась в течении
пятисот лет после своего
открытия, пока на ней не
появились энциклопедисты.

Было неизбежным,
что с развитием новых
поколений Терминус станет
чем-то большим, чем
придаток психоисториков
на Транторе. Когда
произошло восстание на
Анакреоне и к власти
пришел Сальвор Хардин,
первый из великой линии...

Галактическая энциклопедия

В одном из хорошо освещенных углов комнаты за столом сидел Льюис Пирени, углубленный в занятия. Работу отдельных групп надо было координировать, объединенные усилия — организовывать, из мельчайших частичек — собрать единое целое.

Пятьдесят лет, теперь уже пятьдесят лет, для того, чтобы обосноваться и приготовить том номер один Энциклопедии Основания. пятьдесят лет для того, чтобы собрать сырой материал. Пятьдесят лет подготовки.

Это было сделано. Еще пять лет

и будет опубликован первый том самой монументальной работы, которая когда-либо проводилась в Галактике. А затем, с промежутками в десять лет, регулярно, как, часы, будут выходить том за томом. А так же и тома примечаний, специальные статьи по текущим событиям, до тех пор, пока...

Над столом раздраженно звякнул звонок, и Пирени заерзал в кресле. Он чуть было не забыл о назначенной встрече. Он нажал на кнопку и уголком глаза смотрел как открывается дверь и в ней появляется широкоплечая фигура Сальвора Хардина. Пирени не поднял головы.

Хардин улыбнулся. Он очень

торопился, но не обиделся на Пирени, прекрасно зная его отношение ко всему, что мешало работать. Хардин просто опустил в кресло по другую сторону стола и стал ждать.

Карандаш Пирени скользил по бумаге почти беззвучно. Других звуков и движений не было слышно. А затем Хардин вынул из жилетного кармана монетку. Он подкинул ее и стальная поверхность отразила свет, летя в воздухе. Он поймал ее и снова подкинул, лениво наблюдая за сверкающими отражениями. Сталь была хорошей денежной единицей на планете, куда все металлы импортировались.

Пирени поднял голову и моргнул.

— Прекратите это! — сказал он ровным голосом.

— А?

— Монета. Прекратите ее все время подбрасывать.

— О-о!

Хардин сунул монету в карман.

— Вам не трудно будет сказать, когда вы освободитесь? Я обещал вернуться на заседание Городского Совета до голосования о новом проекте водопровода.

Пирени вздохнул и отодвинулся от стола вместе с креслом.

— Я готов. Но надеюсь, вы не будете беспокоить меня всякими

городскими делами. Вы ведь сами можете разрешить все эти вопросы. Энциклопедия занимает все время.

— Слышали новости? —

флегматично спросил Хардин.

— Что за новости?

— Новость, которую два часа назад принял ультракоротковолновый передатчик Терминус-Сити. Губернатор Анакреона принял титул короля.

— Да? Ну и что с этого?

— Это значит, — ответил Хардин, — что сейчас мы отрезаны от внутренних районов Империи. И хотя мы этого ожидали, нам отнюдь не легче. Анакреон лежит как раз на торговом пути к Сантании, Трантору

и Веге. Откуда нам теперь брать металл? Нам не удастся договориться о поставках стали и алюминия. Мы не имеем их уже шесть месяцев, а теперь вовсе не получим, разве что по великой милости короля Анакреона.

Пирени нетерпеливо цокнул языком.

— В таком случае металл через него.

— А можем ли мы? Послушайте, Пирени, согласно Хартии, написанной, когда создавалось это Основание, доверенным Комитета по созданию энциклопедии была дана полная административная власть. У меня, как у мэра Терминус-Сити,

осталось достаточно власти, чтобы высморкаться, если, конечно, вы мне этого не запретите, а то мне просто придется чихнуть. Значит, это дело касается вас и вашего Комитета. Я прошу вас от имени города, чье благополучие зависит от непрерывной торговли с Галактикой, созвать экстренное заседание.

— Стойте! Прекратите произносить предвыборные речи. Послушайте, Хардин, наш Комитет не мешал созданию муниципального правительства на Терминусе. Мы понимаем, что это необходимо из-за роста населения и все большего количества людей, занятых не энциклопедическими делами. Но это

не означает, что первой и единственной целью Основания перестало быть создание Энциклопедии, которая вместит в себя все человеческие знания. Мы — это поддерживаемый государством научный институт, Хардин. Мы не можем, не должны и не будем вмешиваться во внутреннюю политику.

— Во внутреннюю политику! Клянусь, Пирени, это дело жизни и смерти. Планета Терминус сама по себе не может поддерживать механическую цивилизацию. На ней нет металлов. На ней не обнаружено и следа железа, меди и алюминия, лишь ничтожное количество других

металлов. Как вы думаете, что произойдет со всей вашей энциклопедией, если этот королишка Анакреона откажет нам в поставках и торговом пути?

— Нам? Вы что забываете, что мы подчиняемся непосредственно только самому Императору? Мы не являемся частью области Анакреона, да и ни какой иной области. Поймите это! Мы — часть личных императорских владений, никто не имеет права нас трогать. Империя защищает свою собственность.

— Почему же она тогда не защитила имперского наместника на Анакреоне, которого вышвырнули, как слепого котенка? А разве только

на Анакреоне? По крайней мере двадцать областей Галактики, если хотите знать, то почти вся периферия, ведут сейчас себя так, как им выгодно. Говорю вам, я что-то сомневаюсь относительно того, что Империя может защитить не только нас, но и себя.

— Чушь! Имперские наместники или короли — какая разница? В Империи всегда происходят всякие политические события, и разные люди тянут в разные стороны. Губернаторы много раз восставали. И если на то пошло, то и самих императоров много раз смещали, или убивали. Но какое это имеет отношение ко всей Империи?

Забудьте, Хардин, это все нас не касается. Мы прежде всего — и в конечном итоге тоже — ученые. И у нас единственная забота — Энциклопедия. Да, кстати, я совсем забыл, Хардин!

— Да?

— Сделайте что-нибудь с этой вашей газетой!

— «Терминус-Сити Джорнэл»? Она не моя, у нее есть частный владелец. А что такое?

— Они уже целую неделю пишут о том, как надо отпраздновать пятидесятилетний юбилей Основания. Собираются отменить рабочий день и устроить увеселения по этому поводу.

— А что здесь такого?

Радиационные часы откроют первый подвал через три месяца. Я бы сказал, что стоит отпраздновать, а вы так не считаете?

— Это действительно событие, но не для глупых празднований. Первый подвал и его открытие касаются только нашего Комитета. Если произойдет что-нибудь важное, мы сообщим об этом народу. Это окончательно и, пожалуйста, дайте понять это вашей газете.

— Мне очень жаль, Пирени, но Хартия гарантирует нам одну маленькую вещь, которая называется свободой печати.

— Может быть. Но Комитет

ничего вам не гарантирует. Я являюсь представителем Императора на Терминусе, Хардин, и имею полную силу власти в этом отношении.

Хардин угрюмо сказал:

— В связи с вашим статусом, как представителем Императора, мне тогда остается сообщить вам еще одну новость.

— Об Анакреоне?

Пирени поджал губы. Он был раздражен.

— Да, с Анакреона к нам следует посланник. Будет здесь через две недели.

— Посланник? Здесь? С Анакреона? — Пирени задумался. —

Для чего?

Хардин встал и подвинул свое кресло к столу.

— Сами догадайтесь.

И достаточно бесцеремонно вышел из комнаты.

Ансельм от Родрик («от» — само по себе уже означало дворянскую кровь), суб-префект Плуэмы и неприкосновенный посол его величества короля Анакреона, плюс дюжина других титулов, был встречен Сальвором Хардином на космодроме со всем уважением, которое приличествует его сану.

С натянутой улыбкой и легким поклоном он вынул бластер из кобуры и протянул его Хардину рукояткой вперед. Хардин вернул комплимент, проделав ту же операцию со своим бластером, специально сделанным для этой

цели. Дружба и добрососедские отношения были таким образом утверждены, а если Хардин и заметил, что сбоку под пиджаком посла что-то топорщится, то он сделал вид, что ничего не заметил.

Затем они сели в легковой автомобиль, который со всех сторон эскортировали самые разнообразные экипажи, и медленно отправились к площади Энциклопедии. По всему пути раздавались всевозможные приветствия из толпы энтузиастов.

Суб-префект	Ансельм
выслушивал восторженные крики с	
флегматичной	безразличность
безразличностью	солдата и
дворянина.	

— Скажите, один этот город и есть весь ваш мир? — спросил он у Хардина.

Хардин повысил голос, чтобы его можно было расслышать сквозь шум толпы.

— Наш мир еще очень молод, ваша светлость. За всю его короткую историю нас посетило всего лишь несколько таких высокоблагородных людей. Отсюда и энтузиазм толпы.

Было очевидно, что его светлость не понимает иронии даже тогда, когда она была направлена против него.

Очень задумчиво Ансельм от Родрик сказал:

— Основана пятьдесят лет

назад... гм... у вас здесь очень много не изученных земель, мэр. Скажите, вы когда-нибудь думали о том, чтобы разделить их на участки?

— В этом пока нет необходимости. Весь наш народ централизован, как и должно быть из-за Энциклопедии. Когда-нибудь, возможно, наше поселение увеличится...

— Станный мир! И у вас нет крестьян?

Хардину не составило большого труда понять, что его светлость пытается ловить рыбку в мутной воде, причем делая это весьма неуклюже. Он спокойно ответил:

— Нет ни крестьянства, ни

знати.

Брови Ансельма поползли вверх.

— А ваш предводитель — человек, с которым я должен встретится?

— Вы имеете ввиду доктора Пирени? Да! Он — председатель Комитета и, кроме того, личный представитель Императора на Терминусе.

— ДОКТОР? И больше никакого титула? Просто ученый? И он считается выше, чем гражданская власть?

— Ну, конечно, — добродушно ответил Хардин. — Все мы ученые в большей или меньшей степени. В конце концов, наш мир не больше,

чем научное поселение, находящееся под прямым контролем Императора.

Последняя фраза была слегка выделена и это не особенно понравилось суб-префекту. Он о чем-то задумался и молчал всю оставшуюся часть пути.

Хардин неимоверно скучал весь последующий вечер, но, по крайней мере он нашел удовлетворение в том, что Пирени и от Родрик, которые встречались с выражением нежной и горячей дружбы, явно надоели друг другу еще больше.

От Родрик, сверкая глазами, выслушивал нуднейшую лекцию Пирени во время осмотра здания Энциклопедии. С вежливой и ничего

не выражающей улыбкой он слушал быструю скороговорку Пирени, пока они шли по большим хранилищам фильмотек и записей.

И только после того, как они спустились этаж за этажом вниз, осматривая корректорские отделы, печатные отделы фильмотек, он сделал свое первое исчерпывающее замечание.

— Все это очень интересно, — сказал он, — но, по-моему, это несколько странное занятие для взрослых людей. Что в этом хорошего?!

На эти слова, как заметил Хардин, Пирени даже не нашел, что ответить, хотя выражение его лица

было достаточно красноречивым.

Вечерний обед был зеркальным повторением событий дня, так как Родрик захватил всю беседу в свои руки и с большой дотошностью, с мельчайшими техническими деталями описывал сражение своего батальона в недавней войне Анакреона и соседнего заново провозглашенного королевства Смирно.

Суб-префект не умолкал до тех пор, пока не закончился обед и мелкие чиновники один за другим не покинули помещения. Последний рассказ о триумфальной битве битве его космического флота он закончил, сопровождая Пирени и Хардина на

балкон, где они уселись в кресла, наслаждаясь теплым летним вечером.

— А теперь, — сказал он тоном твердым и в то же время игривым, — поговорим о серьезных вещах.

— Давно бы так, — невнятно пробормотал Хардин, закуривая длинную сигару из табака Веги и откинувшись вместе с креслом назад.

Высоко в небе сияла Галактика, и ее туманные звезды простирались от горизонта до горизонта. По сравнению с ними видимые рядом звезды казались песчинками.

— Вне всякого сомнения, — сказал суб-префект, — формальное

обсуждение, подписывание бумаг и прочие технические подробности мы завершим перед... как вы его называете свой Совет?

— Комитетом, — холодно ответил Пирени.

— Странное название! Но как бы это не звучало, это будет завтра. А сейчас мы можем договориться здесь, между собой, как вы считаете, а?

— И это значит... — вставил Хардин.

— Это значит, что теперешняя ситуация несколько изменилась. На периферии Галактики произошли некоторые перемены, а, следовательно, статус вашей вашей

планеты стал несколько неопределенным. Будет крайне удобным, если мы с вами придем к соглашению по поводу того, как обстоят дела. Кстати, мэр, у вас не найдется еще одной такой сигареты?

Хардин уставился на субпрефекта и с неохотой протянул ему сигарету. Ансельм от Родрик понюхал ее и от удовольствия цокнул языком.

— Табак с Веги! Откуда вы их достали?

— Мы получили немного при последней транспортировке. Их почти уже не осталось. Один космос знает, когда мы получим еще — если вообще когда-нибудь получим.

Пирени закашлялся. Он не курил и поэтому ненавидел запах табака.

— Давайте объяснимся, ваша светлость, — сказал он. — Ваша миссия — просто выяснить положение вещей?

Родрик кивнул сквозь дым своих первых жадных затяжек.

— В таком случае она скоро закончится. Ситуация на планете такова, как всегда: все для первого тома Энциклопедии Основания.

— А что значит все?

— Очень просто. Мы являемся поддерживаемым государством научным институтом, а также личной собственностью владений его величества Императора.

На суб-префекта эта речь не произвела никакого впечатления. Он пускал дымовые кольца.

— Это приятная теория, доктор Пирени. Я даже думаю, что у вас есть все с имперской печатью на них, но каково реальное положение вещей? Каковы ваши отношения с Смирно? Ведь вы не больше, чем в пятидесяти парсеках от ее столицы. А как насчет государств Коном и Ларибоу?

— Мы не имеем отношения ни к одному из вассалов, — сказал Пирени. — Являясь частью владений Императора...

— Они не вассалы, — напомнил Родрик, — они теперь

самостоятельные королевства.

— Пусть королевства. Все равно мы не имеем к ним никакого отношения. Будучи научным институтом...

— К черту вашу науку! — Выругался его светлость, добавив крепкое солдатское словцо, накалившее атмосферу. Какое это имеет отношение к тому, что Смирно может захватить вашу планету в любую минуту?

— А Император? Он что, будет сидеть и смотреть, как захватывают Терминус?

Родрик немного успокоился и ответил:

— Видите ли, доктор Пирени,

вы с уважением относитесь к собственности Императора, так же, как и Анакреон, но ведь Смирно может относиться к этому совсем по-другому. Помните, мы только что подписали договор с Императором, и я представляю его копию завтра вашему Комитету, в котором на нас ложится вся ответственность по поддержанию порядка в пределах границ старой области Анакреона по повелению Императора. Наша обязанность вам ясна, не так ли?

— Безусловно. Но Терминус не является частью области Анакреона.

— И Смирно...

— Не является он и частью области Смирно. Он вообще не

является частью чьей-либо области.

— Скажите, а Смирно это знает?

— Мне безразлично, знает или нет.

— Но нам не безразлично. Наша война со Смирно только что закончилась, и в ее владениях все еще остались две наши звездных системы. Терминус расположен на месте прекрасного стратегического пункта между двумя нациями.

Хардин почувствовал слабость. Он вмешался в разговор.

— Каковы же ваши предложения, ваша светлость?

Суб-префект был очень рад кончить словесный поединок и

перейти к конкретным заявлениям. Он живо сказал:

— Вполне очевидно, что Терминус не может сам защитить себя, а следовательно, должен вмешаться Анакреон, для вашего же блага. Вы, конечно, понимаете, что мы не собираемся вмешиваться в ваши внутренние дела...

— Безусловно, — перебил его Хардин.

— ...но мы уверены, что для всех будет только лучше, если мы обоснуем на Терминусе военную базу.

— И это все, чего вы хотите — просто соорудить военную базу на той огромной незанятой территории,

которой располагает планета?
Ничего больше?

— Конечно, вам придется поддерживать силы, которые будут вас защищать.

— Наконец-то мы подошли к сути дела. Давайте говорить своими словами. Терминус будет протекторатом и обязан будет платить пошлину.

— Не пошлину, а налоги. Мы вас защищаем, вы за это платите.

Неожиданно Пирени сильно ударил кулаком по ручке кресла.

— Дайте мне сказать, Хардин. Ваша светлость, я не дам и ломанного гроша за все ваши Анакреоны и Смирно вместе взятые.

Меня не интересует политика и ваши игрушечные войны. Повторяю вам еще раз. Мы поддерживаемся государством, мы свободное от налогов научное учреждение.

— Поддерживаемое государством? Но государство — это мы, доктор Пирени, а мы вас не поддерживаем.

Пирени сердито вскочил.

— Ваша светлость, я являюсь прямым представителем...

— ...его неприкосновенного величества Императора, — подхватил Ансельм от Родрик.

— А я являюсь прямым представителем короля Анакреона. Анакреон куда ближе, доктор

Пирени.

— Вернемся к делу, — твердо сказал Хардин. — Как и чем вы собираетесь брать эти так называемые налоги, ваша светлость? Натурою? Пшеницей, картофелем, овощами, скотом?

Суб-префект уставился на него.

— Какого черта? Зачем они нам сдались? У нас хватает своих запасов. Конечно, золотом. Хром или ванадий будут еще лучше, если у вас их достаточные запасы.

Хардин рассмеялся.

— Запасы! У нас нет даже запаса железа! Золото! Вот, взгляните на наши деньги, — он протянул ему монетку.

Родрик повертел ее в руках и уставился на Хардина.

— Что это? Сталь?

— Точно.

— Не понимаю.

— Терминус — это планета, на которой практически нет металлов. Соответственно, у нас нет и золота и нечем платить, разве что несколькими тоннами картофеля.

— Ну... готовой продукцией.

— Без металла? Как вы думаете, из чего мы делаем свои машины?

Наступила пауза, в которую вновь вмешался Пирени.

— Все это не имеет никакого отношения к делу. Терминус не планета, а научное основание,

готовящее великую энциклопедию. Великий космос, неужели у вас нет ни малейшего уважения к науке?

— Энциклопедии не выигрывают войн.

Родрик нахмурил брови.

— Что ж, если ваш мир совершенно непродуктивен... он ведь не заселен. Вы можете платить землей.

— Что вы имеете в виду? — спросил Пирени.

— Ваш мир практически пуст и незаселенные земли, вероятно, плодородные. На Анакреоне много дворян, которые с удовольствием прибавят земли к своим поместьям.

— Вы не имеете права

предлагать нам...

— Нет никакой необходимости так волноваться, доктор Пирени. На всех хватит. Если дело пойдет, как надо, и вы нам поможете, мы возможно сделаем так, что лично вы ничего не потеряете. Титулы ведь можно заслужить, а потом можно дарить. Думаю, вы меня понимаете?

— Благодарю, — сердито фыркнул Пирени. Затем небрежно спросил:

— Сможет ли Анакреон предоставить нам достаточное количество плутония для нашей атомной электростанции. У нас осталось запасов всего на несколько лет.

Пирени захлебнулся вздохом и на несколько минут настала мертвая тишина. Когда Родрик заговорил, его голос заметно отличался от прежнего.

— У вас есть атомная энергия?

— Конечно. Что в этом такого?

Мне кажется, атомную энергию открыли пятьдесят тысяч лет назад. Только нам трудновато доставать плутоний.

— Да, да, конечно.

Посол запнулся и неловко добавил:

— Итак, господа, мы продолжим обсуждение этого вопроса завтра. А сейчас вы извините меня...

Пирени поглядел ему вслед и

процедил сквозь плотно сжатые губы:

— Этот тупой самоуверенный осел! Этот...

— И вовсе нет, — вмешался Хардин. — Обычный продукт своей цивилизации. Он понимает только одно: «У меня есть пистолет, а у вас его нет».

Пирени резко повернулся к нему.

— А вы? С какой стати вы заговорили с ним обо всех этих военных базах и пошлинах? Вы что, с ума сошли?

— Нет. Я просто дал ему выговориться. Заметьте, он наконец-то высказал нам истинные намерения Анакреона — разделить

Терминус на земельные поместья. И, конечно, я не собираюсь допустить этого.

— Вы не собираетесь. Вы не допустите. А кто вы такой? И можно вас спросить, с какой стати вы разболтали об энергостанции? Ведь одно упоминание об атомной энергии сделает нас мишенью для военных.

— Да, военной мишенью, — усмехнулся Хардин, — от которой надо держаться подальше. Разве вам не очевидно, почему я завел разговор на эту тему? Он только подтвердил то очень сильное подозрение, которое у меня возникло.

— Какое?

— Что на Анакреоне не существует больше атомной энергии. Если бы это было не так, он бы сразу понял, что плутоний, кроме как в седую старину, больше не употребляется на атомных энергостанциях. А из этого следует, что экономика всей остальной периферии тоже базируется не на атомной энергии. По крайней мере, на Смирно, иначе им бы не удалось выиграть войну. Интересно, не так ли?

— Чушь! — Пирени раздраженно отвернулся и вышел. А Хардин вдруг улыбнулся.

Он выкинул сигарету и взглянул на небо.

— Обратно к нефти, углю, вот как? — прошептал он и глубоко задумался.

Когда Хардин отрицал, что является владельцем «Терминус-Сити Джорнэл», он был прав только с технической стороны. Он всегда стоял во главе движения, которое хотел создать на планете автономный муниципалитет — он был избран первым мэром города, поэтому было и неудивительно, что хотя на его имя и не было записано ни одной акции газеты, он фактически контролировал шестьдесят процентов контрольного пакета, благодаря другим методам.

Такие методы были.

Соответственно, когда Хардин

предложил Пирени, что он тоже будет участвовать в заседаниях Комитета, было отнюдь не совпадением, что газета тоже начала такую же кампанию. И был проведен первый массовый митинг за всю историю Основания, на котором народ потребовал, чтобы в «национальном» правительстве присутствовали представители города.

И, в конце концов, Пирени сдался, сделав хорошую мину при плохой игре.

Хардин, сидя на самом конце стола, вяло думал, почему все ученые такие плохие администраторы.

Может это происходит потому,

что все они были привычны к точным фактам и непривычны к гибким людям.

Как бы то ни было, слева от него сидели Томас Саат и Джордж Фара, справа — Лэндин Краст и Ят Фулхам, а председательствовал Пирени. Он, конечно, знал всех, но по случаю сегодняшнего заседания выглядели они нарядно.

Хардин полудремал, когда происходили неизбежные формальности, и встрепенулся только тогда, когда Пирени начал свою речь, отхлебнув для начала глоток воды.

— Я рад сообщить Комитету, что после прошлого нашего заседания я

получил известие, что через две недели к нам прибудет канцлер Империи лорд Дорвин. Теперь уже можно гарантировать, что наши отношения с Анакреоном будут улажены к нашему общему удовлетворению, как только Император будет информирован о происходящем.

Он улыбнулся и обратился к Хардину.

— Эти сведения были переданы мной в газету.

Хардин чертыхнулся про себя. Было совершенно очевидно, что желание Пирени высказать эти сведения перед Хардином и было одной из причин, по которой ему

разрешили присутствовать на этом заседании Комитета.

Он просто ответил:

— Отложим туманные выражения в сторону. Что вы ожидаете от лорда Дорвина? Что он может сделать?

Ответил Томас Саат. У него была дурная привычка обращаться к человеку, говоря о нем в третьем лице, в особенности, когда у него было дурное настроение.

— Вполне очевидно, — заметил он, — что мэр Хардин просто профессиональный циник. Он даже с трудом понимает, что Император вряд ли позволит посягнуть на свою собственность.

— Почему? И что он сделает в случае такого посягательства?

Раздался недовольный шумок.

— Вы нарушаете порядок заседания, — сказал Пирени, и, подумав, добавил: — а кроме того делаете почти изменнические утверждения.

— Это весь ваш ответ?

— Да! Если вам нечего больше сказать.

— С чего вы это взяли? Мне бы хотелось задать один вопрос. Кроме этого дипломатического хода — которым может быть можно, а может быть нельзя чего-нибудь достичь — были приняты реальные меры, чтобы ответить на угрозу с Анакреона?

Ят Фулхам задумчиво потрепал
рукой свои рыжие усы.

— Вы видите оттуда угрозу?

— А вы нет?

— Едва ли... Император...

— Великий космос! — с

раздражением вскричал Хардин. —
Да что же это такое? Время от
времени кто-то кричит «Император»
или «Империя» как будто это
волшебное слово! Император за
пятьдесят тысяч парсеков отсюда, и я
сомневаюсь, есть ли ему до нас хоть
малейшее дело. А если и есть, то что
он может сделать? Имперский
космический флот, находящийся в
этом районе, сейчас в руках четырех
королевств, в том числе и Анакреона.

Послушайте меня, мы должны бороться не словами, а с оружием в руках.

Помолчав немного, он продолжил:

— И поймите еще одно. Пока что нас два месяца никто не трогает в основном потому, что мы намекнули Анакреону, что у нас есть атомное оружие. Но все мы знаем, что это небольшая благородная ложь. У нас есть атомная энергия, но она используется только для гражданских целей. Они скоро это обнаружат, и если вы думаете, что они любят шутить, то вы глубоко ошибаетесь...

— Мой дорогой мэр...

разгорячился.

— Это конечно очень хорошо, привлечь к делу всяких канцлеров, но куда лучше было бы достать несколько больших орудий с отверстием под размер атомных бомб. Мы уже потеряли два месяца, джентльмены, и, может нам уже не придется терять следующие дни? Что вы собираетесь делать?

Ландин Краст, зло наморщив нос, произнес:

— Если вы предлагаете милитаризовать Основание, то я не желаю об этом слышать. Тогда мы, волей-неволей будем вовлечены в

политику. Мы, мистер мэр, научное основание, и ничего больше.

— Он этого не понимает, — добавил Сатт. — Более того — создавать армию — это значит использовать людей — ценных людей, работающих над Энциклопедией.

— Совершенно справедливо, — согласился Пирени. — Энциклопедия прежде всего.

Хардин застонал в душе. Все члены Комитета, казалось, жестоко страдали от Энциклопедического заболевания мозга. Он холодно ответил:

— Приходило ли когда-нибудь на ум членам Комитета, что

Терминус может интересоваться чем-нибудь другим, кроме Энциклопедии?

— Я не представляю себе, Хардин, — ответил Пирени, — что Основание может иметь любой другой вопрос и интерес, кроме Энциклопедии.

— Я не сказал Основание, я сказал Терминус. Боюсь, что вы не понимаете положение вещей. На Терминусе живут более миллиона людей и только сто пятьдесят тысяч работает непосредственно над Энциклопедией. Для всех остальных здесь — дом. Мы здесь родились, мы здесь живем. По сравнению с нашими домами, фермами и заводами, Энциклопедия значит для

нас немного и мы хотим защищать...

Его голос потонул в криках.

— Энциклопедия на первом месте, — вопил Краст. — Мы должны выполнять свою миссию.

— К черту миссию, — не менее громко крикнул Хардин. — Пятьдесят лет назад вы могли быть правы. Но сейчас — новое поколение.

— Все это здесь ни при чем, — ответил Пирени. — Мы — ученые.

И Хардин воспользовался этим.

— Да неужели ученые? Какая приятная галлюцинация, не правда ли? Ваша маленькая компания здесь — идеальный пример того, чем была больна Галактика тысячами.

Что это за наука, просиживать веками, собирая данные других ученых за прошедшую тысячу лет? Приходила ли вам в голову мысль, двигать науку вперед на основе старых знаний, расширять и улучшать их? Нет! Вы вполне счастливы своим прозябанием. Впрочем, как и вся Галактика на протяжении тысячелетий. Вот почему Периферия восстает, коммуникации исчезают, пустячные войны становятся затяжными, вот почему все системы теряют секрет получения атомной энергии и переходят на варварскую химическую. И если хотите знать — вся Галактика разваливается!

Он замолчал и упал в кресло,

чтобы перевести дыхание, не обращая внимания на остальных членов Комитета, которые одновременно пытались возразить ему.

Высказаться удалось Красту.

— Я не знаю, что вы пытались доказать вашими истерическими утверждениями, мистер мэр. Вы не внесли никаких конструктивных предложений в дискуссию. Я прошу, господин председатель, чтобы речь оратора была вычеркнута из протокола заседания и чтобы дискуссия была возобновлена с того места, на котором она была прервана.

Джордж Фара зашевелился на

своем месте в первый раз. До этого времени он не принимал в разговоре никакого участия, даже когда разгорались страсти. Но сейчас его мощный голос, такой же мощный, как и тело, весящее триста футов, вмешался в разговор.

— Не забываем ли мы одно обстоятельство, господа?

— Какое? — раздраженно спросил Пирени.

— Что через месяц мы празднуем нашу пятидесятую годовщину.

Фара любил обыденные вещи говорить весьма торжественным тоном.

— Ну и что с того?

— И что в эту годовщину, — продолжал Фара, — откроется сейф Хари Сэлдона. Вы когда-нибудь думали о том, что может быть в этом сейфе?

— Не знаю. Обычные дела. Возможно, речь с поздравлениями. Не думаю, что следует придавать ему большое значение, хотя газета, — тут он поглядел на Хардина, который ухмыльнулся в ответ, — пыталась поднять очередную шумиху. Я этого не допустил.

— Ага, — сказал Фара. — Но, может быть, вы ошибаетесь, — тут он остановился и приложил свой палец к кончику носа. — Разве вас не удивляет, что сейф открывается в

очень удобное время?

— В очень удобное время, — пробормотал Фулхам. — У нас хватает своих забот.

— Забот, более важных, чем послание от Хари Сэлдона? Не думаю.

Фара заговорил еще торжественнее, чем всегда, и Хардин задумчиво наблюдал за ним. К чему он все это вел?

— На самом-то деле, — со счастливой улыбкой продолжал Фара, — вы все, кажется, забываете, что Сэлдон был величайшим психологом нашего времени и что он был основателем нашего Основания. Вполне резонно допустить, что он

использовал свою науку и определил вероятное течение истории на ближайшее время. если он это сделал, что, повторяю, очень вероятно, он безусловно нашел способ предупредить нас об опасности и, возможно указал на решение. Ведь он принимал создание Энциклопедии близко к сердцу.

Дух недоверия царил в атмосфере комнаты. Пирени пробормотал: — Не знаю, не знаю. Психология — великая наука, но... среди нас нет психологов. Мне кажется, что эти гадания основываются на шаткой почве. Фара повернулся к Хардину. — Скажите, разве вы не изучали психологию у

Алурина? Хардин ответил почти с сожалением: — Да, хотя я не закончил курса. Устал от теоретических выкладок. Я хотел стать ученым психологом, но нам не хватало материала, поэтому я сделал лучшее, что мог — занялся политикой. Это практически одно и то же.

— Так что вы все-таки думаете о сейфе?

Хардин осторожно ответил: — Не знаю. Всю последующую часть заседания он не произнес ни слова — хотя речь шла вновь о канцлере из Империи.

На самом деле он даже не слушал их. В голову ему пришли

новые мысли и одна у него понемногу прояснялась. Совсем немного. Разные события приводили к одному.

И ключом была психология. В этом он был уверен.

Он отчаянно пытался вспомнить теорию психологии, которую он когда-то учил и откуда он с самого начала почерпнул полезные сведения.

Такой великий психолог, как Сэлдон, мог с достаточной точностью рассмотреть человеческие эмоции и реакции, чтобы верно предсказать историческое развитие будущего.

А это означало... ГМ-ГМ-ГМ...

Лорд Дорвин взял щепотку табака. Он был длинноволос, тщательно завит, и два его белых локона, которые он холил своей рукой, были явно искусственными. Говорил он только сверхточными утверждениями и сильно при этом картавил.

В настоящее время у Хардина не оставалось времени придумать причину, по какой он мог ненавидеть благородного канцлера еще больше. Ах да, элегантные движения руки, которыми он сопровождал свои замечания, и снисхождение, с которым он выслушивал

собеседника.

Но сейчас его, по крайней мере, нужно было найти. Лорд исчез вместе с Пирени полчаса тому назад.

Хардин ничуть не сомневался, что его собственное отсутствие во время представительных переговоров вполне устраивало Пирени.

Но Пирени видели в этом крыле здания и на этом этажа. Значит задание сводилось к простому открыванию каждой двери. Приоткрыв одну из них, он удовлетворенно хмыкнул и вошел в полутемную комнату. Профиль кудрявой прически лорда Дорвина на фоне освещенного экрана ни с чем нельзя было спутать.

Лорд поднял голову и сказал:

— А, Хардин. Вы, конечно, ищите нас?

Он держал в руках свою роскошную табакерку — полную безвкусицу по мнению Хардина — и когда он вежливо отказался, он взял щепотку табака и улыбнулся ему.

Пирени что-то проворчал, но на лице его ничего не отразилось.

Единственный звук, нарушающий тишину во время затянувшейся паузы, был щелчок закрываемой табакерки лорда. Затем он сунул ее в карман и сказал:

— Огромное достижение, эта ваша Энциклопедия, Хардин. это одно из самых великих свершений

всего времени.

— Мы все так думаем, милорд. Однако, работа еще не завершена.

— Ну, я уверен, что тут нам бояться нечего. Не сомневаюсь, что такие умельцы, завершат работу в срок.

Он кивнул головой Пирени, который ответил восхищенным поклоном. Совсем как объяснение в любви, подумал Хардин.

— Я не жаловался на отсутствие умения, милорд, скорее на слишком большое умение, правда по другому вопросу, со стороны Анакреона.

— Ах, да, Анакреон.

Небрежный взмах руки.

— Я только что прибыл оттуда.

Очень варварская планета. Это страшно не удобно, что людям приходится жить здесь, не краю Галактики. Нет самых элементарных удобств для приличного человека, никакого комфорта, просто...

Хардин сухо перебил его:

— К сожалению, жители Анакреона имеют все, что им необходимо. Правда, лишь для того, чтобы воевать или вызывать разрушения.

— Верно, верно.

Лорд Дорвин выглядел раздраженным, возможно потому, что его перебили в середине предложения.

— Но мы собрались здесь не для

того, чтобы заниматься делами. По крайней мере, не сейчас. Доктор Пирени, не покажите ли вы второй том? будьте любезны.

Свет померк и последующие полчаса Хардин мог вполне находиться на Анакреоне, потому что на него не обращали ни малейшего внимания. Книга на экране мало что значила, да он и не пытался вникнуть в ее смысл, но лорд Дорвин время от времени казался вполне почеловечески взволнованным. Хардин заметил, что в момент наивысшего возбуждения канцлер начисто перестал картавить.

Когда свет снова зажегся, лорд Дорвин сказал:

— Прекрасно, просто прекрасно. Вы случайно не интересуетесь археологией, Хардин?

— Что?

Хардин вздрогнул и переключился со своих мыслей на текущие события.

— Нет, милорд, не могу этого сказать. Я психолог по образованию и политик по окончательному своему решению.

— Ах! Несомненно, интересная наука. Сам я, знаете ли, — тут он втянул в себя гигантскую дозу табака, — увлекаюсь археологией.

— Вот как?

— Его светлость, — перебил Пирени, — великий знаток в этой

области.

— Возможно, возможно, — скромно ответил его светлость. — Я проделал огромное количество работы в этой области и прочел массу научных книг. Всего Джадина, Обиджази, Кромвилла... О, всех их, знаете ли.

— Я, конечно, слышал об этих авторах, — ответил Хардин, — но никогда не читал.

— А стоило бы, мой дорогой друг. Знания не пропадают. Я был изумлен и счастлив, найдя здесь на периферии копию Ламета. Поверите ли, в моей библиотеке эта копия отсутствует. Кстати, доктор Пирени, вы не забыли своего обещания

сделать для меня эту копию?

— Буду только рад.

— Ламет, знаете ли, — продолжал канцлер торжественно, — Рассматривает новый и крайне интересный вопрос, который добавляет к моим предыдущим знаниям новое к «Вопросу о происхождении».

— Что это за вопрос, — переспросил Хардин.

— Вопрос происхождения. Место происхождения человеческой расы, знаете ли. Ведь конечно, вы знаете, что считают, что когда-то человеческая раса занимала лишь одну планетную систему.

— Да.

— Бесспорно, никто уже точно не знает, что это была за система, затерянная в дымке времени, знаете ли. Однако, существуют разные теории. Сириус, как говорят некоторые. Другие настаивают на Альфа Центавра, понимаете ли.

— А что говорит Ламет?

— О, он идет по совершенно новому пути. Он старается доказать, что археологические ископаемые третьей планеты Арктура доказывают, что человечество существовало там еще до того, как существовали космические перелеты.

— И это означает, что именно тогда эта планета была колыбелью человечества?

— Вероятно. Надо тщательно изучить и взвесить все обстоятельства, прежде чем я скажу с уверенностью. Надо же посмотреть, насколько компетентны его утверждения.

Некоторое время Хардин молчал. Потом он спросил:

— Когда Ламет написал эту книгу?

— О, я думаю примерно восемьсот лет назад. Конечно, он в основном опирался на предыдущую работу Глина.

— Зачем же тогда доверять ему? Не проще ли полететь на Арктур и самому изучить раскопки?

Лорд Дорвин поднял брови и

быстро втянул в себя табак.

— Да, но с какой стати, мой дорогой друг?

— Для, того чтобы получить информацию из первых рук.

— Но где необходимость? Это какой-то очень сложный и запутанный метод получения информации. Смотрите сами, у меня собраны работы всех старых мастеров, великих археологов прошлого. Я сравниваю их друг с другом, нахожу разногласия, анализирую противоречивые суждения, решаю, какое из них наиболее правдивое и прихожу к заключению. Это и есть научный метод. По крайней мере — так я его

понимаю. Как неимоверно грубо будет отправляться на Арктур, или например, в Солнечную систему, и шататься по планетам, когда великие ученые прошлого уже изучили все куда более эффективно, чем мы можем когда-либо надеяться.

— Я понимаю, — вежливо пробормотал Хардин.

Какой там к черту научный метод! Ничего удивительного, что Галактика должна быстро развалиться.

— Пойдемте, милорд, — сказал Пирени. — Я думаю, нам лучше вернуться.

— Ах да. Наверное нам пора.

Когда они уже выходили из

комнаты, Хардин сказал:

— Милорд, могу я вам задать вопрос?

Лорд Дорвин очаровательно улыбнулся и подчеркнул свой ответ изящным движением руки.

— Бесспорно, мой дорогой друг. Я очень рад быть хоть чемнибудь полезным. Если мои скромные познания могут помочь вам...

— Это не из археологии, милорд...

— Нет?

— Нет. Дело вот в чем. В прошлом году до нас на Терминусе дошли вести о взрыве энергостанции на планете у Гаммы Андромеда. Но мы не знаем абсолютно никаких

подробностей. Не могли бы вы сказать мне, что там случилось?

Рот Пирени скривился.

— Меня удивляет желание задавать его светлости абсолютно никчемные вопросы.

— Ну, что вы, доктор Пирени, — перебил его канцлер. — Все хорошо. Да и к тому же об этом деле почти нечего сказать. Энергостанция взорвалась, и это была довольно большая катастрофа, знаете ли. Я помню, несколько миллионов людей погибло и почти половина планеты лежало в руинах. Наше правительство даже серьезно подумывает выпустить закон об ограничении использования атомной

энергии — хотя это между нами, не для публикаций, знаете ли.

— Я понимаю, — ответил Хардин, — но по какой причине взорвалась станция?

— Видите ли, — безразлично ответил лорд Дорвин, — кто это может знать? Она начала выходить из строя еще несколько лет назад, а починка и замена деталей была произведена плохо. В наши дни так трудно найти людей, которые действительно разбираются в наших энергетических системах.

И он с сожалением взял в руку щепотку табака.

— Вы понимаете, — сказал Хардин, — что независимые

королевства на периферии совсем утратили секрет атомной энергии?

— Правда? Я совсем не удивлен. Варварские планеты... О, мой дорогой друг, не называйте их независимыми. Ведь это не так, знаете ли. Договоры, которые мы с ними заключили, полностью подтверждают это. Они признают суверенитет Императора. Им пришлось это сделать, конечно, иначе мы с ними не будем торговать.

— Может быть это и так, но им предоставлена очень широкая способность речи.

— Да, вы правы. разумная свобода. Но вряд ли это имеет большое значение. Императору будет

значительно лучше, если периферия будет опираться на свои собственные резервы, и все останется как оно есть... более или менее. Нам они не к чему, знаете ли. Очень, очень варварские планеты. Едва цивилизованные.

— Но раньше они были цивилизованны. Анакреон был одной из богатейших окраинных провинций. Насколько я помню, его небезуспешно сравнивали с самой Вегой.

— О, но, Хардин, это было столетия назад! Вряд ли можно делать из этого выводы. В старые великие дни все было по-другому. Сейчас мы уже не те, что были когда-

то, знаете ли. Смотрите-ка, Хардин, да вы настойчивый парень. Я ведь сказал, что не хочу сегодня заниматься делами. Доктор Пирени предупредил меня о вас. Он говорил, что вы попытаетесь сбить меня с толку, но я слишком старый лис для этого. Перенесем все дела на завтра.

На этом все кончилось.

Это было второе заседание Комитета, на котором присутствовал Хардин, если конечно не считать тех неофициальных бесед, которые они имели с лордом Дорвином. И тем не менее мэр ни на секунду не сомневался, что произошло по меньшей мере одно, а возможно два или три заседания, на который он каким-то образом не получил приглашения.

Не пригласили его и на это, как ему казалось, если бы не ультиматум то, по крайней мере, это можно было назвать ультиматумом, хотя вежливое письмо заключало в себе множество

самых дружеских слов об единстве двух планет.

Хардин осторожно потрогал письмо пальцами. Оно начиналось пышной фразой и приветствием «Его Величества Короля Анакреона своему любезному другу и брату доктору Льюису Пирени, председателю Комитета Энциклопедии Первого Основания» и заканчивалось огромной вычурной многоцветной печатью, слишком даже символичной.

Но тем не менее это был ультиматум.

— Значит нам осталось не так уж и много времени, — сказал Хардин. — Всего три месяца. Но и те

три месяца, что у нас были, мы не могли ни на что использовать. Это письмо дает нам неделю. что будем делать.

Пирени взволнованно
нахмурился.

— Должен же быть какой-то выход. Перед лицом того, что сказал нам лорд Дорник об отношении к нам Императора и Империи, после его заверений, это просто невероятно, чтобы они могли пойти на какие-нибудь крайности.

Хардин поднял голову.

— Понятно. Вы, что, информировали короля Анакреона о том, что у нас появился сильный защитник?

— Да, информировал. После того, как я доложил о своем намерении Комитету и за мое предложение голосовали единогласно.

— И когда же состоялось голосование?

Пирени вновь обрел свое достоинство.

— Мне кажется, я не обязан отвечать на ваши вопросы, мэр Хардин.

— Прекрасно. Я не так уж в этом заинтересован. просто, по моему мнению, ваша дипломатическая почта со ссылкой на лорда Хардина, — тут он поднял верхнюю губу, оскалившись в

улыбке, — была причиной этого маленького дружеского послания. В противном случае они бы еще подождали, хотя не думаю, что это помогло бы Терминусу в какой-то степени, исходя из того, как настроен Комитет.

— Как это вам удалось прийти к такому замечательному заключению? — спросил Ят Фулхам.

— Довольно просто. Для этого требуется то, на что вы не обращаете никакого внимания — здравый смысл. Видите ли, существует одна такая наука, известная под названием символической логики, которая позволяет отсортировать человеческую речь от всякого

ненужного хлама, обнажая голую истину.

— Ну и что с того? — спросил Фулхам.

— Я применил ее. Помимо всего прочего, я применил ее вот к этому документу. Мне самому это, конечно, ни к чему, потому что я прекрасно понимаю, о чем идет речь, но мне кажется я смогу скорее символами, чем словами, объяснить содержание этого документа пяти ученым физикам, то есть вам.

Хардин вынул несколько листов бумаги из папки, лежащей у него под рукой и разложил их.

— Между прочим это сделано не мной, — сказал он. — Мюллер

Холк из отдела Логики подписался под этим анализом, как вы можете видеть.

Пирени наклонился через стол, чтобы лучше рассмотреть документы, а Хардин продолжал:

— Письмо с Анакреона было, естественно, простой проблемой, потому что люди, которые писали его, были скорее людьми дела, а не слов. В нем ясно, хотя и не совсем квалифицированно высказано одно утверждение. если смотреть на символы, то увидеть его не просто, но словами оно переводиться следующим образом: «Или вы в течении недели дадите нам то, что мы хотим, или мы перебьем вас к

чертовой матери и все равно возьмем то, что нам нужно».

Пока пять членов Комитета рассматривали строчки символов, была тишина, а потом Пирени уселся в кресло и неуверенно откашлялся.

— Так какой же выход вы видите, доктор Пирени? — спросил Хардин.

— Кажется, никакого.

— Прекрасно.

Хардин сложил листки.

— А теперь вы видите перед собой копию договора между Империей и Анакреоном, договора, между прочим, подписанного по поручению Императора лордом Дорвином, который был здесь на

прошлой неделе. Рядом с договором вы можете видеть его символический знак.

Договор заключал в себя пять страниц мелкого шрифта, а анализ был написан всего на полстраницы.

— Как вы видите, господа, примерно около девяноста процентов выпало из анализа, как полная бессмыслица, а все важное можно описать весьма интересным способом: «Обязательства Анакреона по отношению к Империи: никаких! Власть Империи над Анакреоном: никакой!»

И вновь все пятеро внимательно следили за договором, тщательно сверяясь с доводами, и когда они

оторвались от бумаг, Пирени
обеспокоенно заявил:

— Кажется, все верно.

— В таком случае вы признаете,
что договор этот не больше и не
меньше, как декларация полной
независимости Анакреона и
признание этого статуса
Императором?

— Кажется, да.

— И вы думаете, что Анакреон
не понимает этого и не хочет усилить
свою позицию независимости — так
что естественно стремится не
обращать внимания, ни малейшего на
намек, что им может чем-то грозить
Империя? В особенности, если
вполне очевидно, что Империя

беспомощна и не может выполнить ни одну из своих угроз, так как в противном случае им никогда бы не была предоставлена независимость.

— Но тогда, — перебил его Сатт, — как мэр Хардин относится к утверждениям лорда Дорвина в том, что Империя окажет нам поддержку? Его гарантии были... — он пожал плечами. — они были удовлетворительными.

Хардин откинулся на спинку кресла.

— Вы знаете, это самое интересное из того, что только происходит. Я признаюсь, когда увидел его светлость, я решил, что он самый настоящий глупый осел, но в

конце концов выяснилось, что он — законченный дипломат и исключительно умен. Я взял на себя смелость записать на пленку все его утверждения.

Раздались протестующие крики, и Пирени в ужасе открыл рот.

— Что здесь такого? — требовательно спросил Хардин. — Да, конечно, нарушение правил гостеприимства и вообще то, чего не сделал бы ни один порядочный джентльмен. К тому же, если бы его светлость поймал меня за руку, это было бы не очень приятно, но ведь все обошлось, а пленка у меня. Я записал его, переписал на бумагу, потом так же послал Холку на

анализ.

— И где же этот анализ? — спросил Ландин Краст.

— Вот это, — ответил Хардин, — и есть самое интересное. Это был самый трудный анализ из всех трех, проведенных в лаборатории. Когда после двух дней тяжелой работы Холку удалось устранить все бессмысленные утверждения, смутные намеки, бесполезные определения, короче, всю ерунду, оказалось, что у него не осталось ровным счетом ничего, ни единого слова. Лорд Дорвин, господа, за все пять дней обсуждения, не сказал ни одной определенной фразы, и причем так,

что вы этого не заметили. Вот вам заверения и гарантии нашей драгоценной Империи.

Хардин мог положить на стол бомбу замедленного действия, но и она не вызвала бы большого оживления, чем то, которое воцарилось после его последнего выступления. Он терпеливо ждал, когда утихнет шум.

— И так, — заключил он, — когда вы послали свои угрозы, о действиях Империи по отношению к Анакреону, вы просто вызвали раздражение у монарха, который знал об этих угрозах куда лучше вас. Естественно, это потребовало немедленных действий и в результате

— ультиматум, после чего я смогу вернуться к тому, с чего начал этот разговор. У нас осталось всего неделя и что же мы будем теперь делать?

— Кажется, — сказал Саат, — у нас нет иного выхода, как позволить Анакреону соорудить военные базы на территории Терминуса.

— Тут я с вами согласен, — сказал Хардин, — но что нам делать, чтобы как можно скорее вышвырнуть их отсюда?

Усы Ят Фулхама встопорщились.

— Вы говорите так, как будто надумали применить против них насилие.

— Насилие, — последовал

ответ, — это последние прибежище беспомощного. Но я, естественно, не собираюсь бросить им под ноги приветственный ковер и поселить их в самых лучших квартирах.

— Мне все-таки не нравится ваше отношение к этому вопросу, — продолжал настаивать Фулхам. — Это опасное отношение, еще более опасное потому, что, как мы заметили, в последнее время большинство населения вас поддерживает и готово на все, что вы им говорите. Я могу сообщить вам, мэр Хардин, что Комитет не так уж слеп и прекрасно осведомлен о ваших действиях.

Он замолчал, а остальные

согласно закивали головами. Хардин пожал плечами.

Фулхам продолжал:

— Если вы вовлечете город в акт насилия, это равносильно самоубийству, и мы не допустим этого. Наша политика имеет один основной принцип — создание Энциклопедии. Когда мы решаем что-то делать или не делать, мы решаем исходя из принципа: будет ли это безопасно для Энциклопедии или нет.

— В таком случае, — сказал Хардин, — вы пришли к выводу, что мы должны продолжать нашу интенсивную компанию по ничегонеделанию.

— Вы сами показали нам, — с горечью сказал Пирени, — что Империя нам помочь не может, хотя как и почему это могло произойти я не знаю. Если необходим компромисс...

— Компромиссов не существует! Неужели вы не понимаете, что все эти разговоры о военных базах — пустая болтовня для отвода глаз. Вот Родрик ясно дал нам понять, что нужно Анакреону: оккупация наших земель и насаждении феодальной системы с поместьями. Наш блеф с атомной энергией заставил их действовать.

Он негодуяюще поднялся и все остальные поднялись вместе с ним,

кроме Джорджа Фара.

А затем он заговорил:

— Пожалуйста, все сядьте на свои места. Мы зашли достаточно далеко. Бросьте. Бесполезно так сердиться, мэр Хардин. Ни один из вас не совершил предательства.

— Вы должны будете меня еще в этом убедить!

Фара мягко улыбнулся.

— Вы сами прекрасно понимаете, что говорите со зла. Дайте мне сказать!

Его маленькие пронизательные глаза были закрыты, а гладкий твердый подбородок слегка вспотел.

— Нет никакого смысла скрывать, что истинное решение и

проблемы Анакреона будет раскрыто через шесть дней, в момент открытия сейфа.

— Это все, что вы можете сказать?

— Да.

— Значит, нам ничего не надо делать, а просто спокойно сидеть и верить в то, что решение выскочит из сейфа, как чертик из коробочки?

— Если убрать в сторону вашу образную фразеологию, то именно так.

— Ну, просто чудесно. Браво, доктор Фара, вы настоящий гений! Менее великий ум никогда бы не додумался до такого решения!

Фара снисходительно улыбнулся.

— Ваше умение подбирать слова просто изумительно, Хардин, но не к месту. Кстати, вы не забыли моего мнения об открытии сейфа еще три недели тому назад?

— Да, помню. Я не отрицаю, что с точки зрения дедуктивной логики оно было чем угодно, только не глупостью. Вы говорили, остановите меня, если я ошибаюсь, что Хари Сэлдон был величайшим психологом во всей Галактике, и что, следовательно, он мог предвидеть то неприятное и опасное положение, в которое мы сейчас попали, что, следовательно, он основал свой для того, чтобы указать нам выход из трудных положений.

— Вы поняли сущность моей идеи.

— Вас не удивит услышать, что я думал над ней все три недели?

— Очень лестно. И какой результат?

— А результат тот, что выводы явно неверны. И опять не надо ничего, кроме крохи здравого смысла.

— Например?

— Например, если он предвидел опасность с Анакреоном, почему бы не поместить нас на какую-нибудь другую планету поближе к Галактическому Центру? Хорошо известно, что Сэлдон ловко сманеврировал, когда Комитет

Безопасности на Транторе приказал устроить Основание на Терминусе. Но для чего он это сделал? Зачем вообще помещать нас именно здесь, если он мог предвидеть разрыв коммуникаций, наше изолированное положение, угрозу со стороны наших соседей и нашу беспомощность из-за отсутствия металла на Терминусе? Это во-первых. Или, если он знал все это, почему не предупредить заранее первых поселенцев так, чтобы у них было время подготовиться, а не ждать, пока они одной ногой будут стоять в могиле, что по вашему, он сделает? И не забывайте еще одного. Даже если он мог предвидеть проблему тогда, мы также хорошо

можем увидеть решение ее сейчас. Следовательно, если он уже тогда знал решение, мы должны найти его сейчас. В конце концов Сэлдон не был волшебником. И нам никаким самообманом не избежать стоящей перед нами дилеммы: он это мог предвидеть тогда, а мы не видим этого сейчас.

— Но, Хардин, напомнил ему Фара, — мы действительно не видим!

— Но вы и не пытались! Ни разу. Для начала вы вообще отказались признать, что существует какая-то угроза. Затем вы абсолютно слепо поверили Императору! Теперь вы пытаетесь возложить все свои

надежды на Хари Сэлдона. Все это время вы перекладываете ответственность с одних плеч на другие, и никогда ничего не пытались сделать сами.

Его руки непроизвольно сжались в кулаки.

— Это как болезнь. Условный рефлекс, который не дает вам думать, как только речь пойдет о признанных авторитетах. Вы не сомневались в том, что Император сильнее вас, ни в том, что Хари Сэлдон мудрее.

Все промолчали.

Хардин продолжил:

— И дело не только в вас. Дело во всей Галактике. Пирени слышал идею лорда Дорвина о методе

научного поиска. Лорд Дорвин считал, что для того, чтобы стать хорошим археологом, надо прочесть все книги по существующему предмету, книги, написанные людьми, умершими столетия назад. Он думал, что решить все археологические загадки можно путем сравнения различных авторов. И Пирени слушал и не разу не возразил. Разве вы не находите, что тут что-то не так?

И вновь в его голосе слышалась просительная нотка. И вновь никто не ответил ему.

Он продолжал:

— И вы здесь, и половина всего населения Терминуса, также слепа.

Мы сидим здесь, обсуждая Энциклопедию, как нечто единственное и неповторимое. Мы считаем венцом науки классификацию давно известных фактов. Это, конечно, важно, но неужели не должно проводиться дальнейшей работы? Мы деградируем. Мы забываем все, разве вы не видите? Здесь, на периферии уже утерян секрет атомной энергии. На Гамма Андромеде энергостанция взорвалась из-за того, что ее плохо отремонтировали, и канцлер Империи жалуется, что технических работников-атомщиков не сыскать днем с огнем. А решение? Обучить новых? Никогда! Вместо этого они

ограничивают атомную энергию. Я в третий раз говорю вам: разве вы не видите? Это происходит по всей Галактике. Преклонение перед прошлым. Это полное разрушение, это загнивание!

Он переводил свой взгляд с одного на другого, а они смотрели на него в упор.

Фара пришел в себя первым.

— Мистическая философия не может нам помочь в этом деле. Давайте говорить конкретно. Отрицаете ли вы, что Хари Сэлдон легко разработал историческую тенденцию будущего, применяя простые методы психологии?

— Нет, конечно же нет! —

вскричал Хардин. — Но мы не можем полагаться на него в этом решении. В лучшем случае он мог указать нам на проблему, но если она имеет решение, мы должны разработать его только сами. Он не может сделать этого за нас.

Внезапно заговорил Фулхам.

— Что вы имеете в виду? Как это указать на проблему? Мы ее знаем.

Хардин резко повернулся к нему.

— Вы так думаете? Вы думаете, проблема Анакреона — единственная о которой заботился Хари Сэлдон? Я не согласен! Говорю вам, господа, ни один из вас не имеет ни малейшего представления о том,

что происходит на самом деле.

— Кроме, конечно, вас? — враждебно спросил Пирени.

— Думаю, да!

Хардин вскочил на ноги и отшвырнул кресло в сторону.

— Если во всей этой проблеме и есть что-то определенное, так это то, что происходит нечто непонятное. Ситуация не ограничивается только одной проблемой, она куда сложнее, чем мы можем даже представить. Задайте сами себе следующий вопрос: почему получилось так, что среди первых жителей Основания не было ни одного первоклассного психолога, за исключением Бора Алурина? А он очень тщательно

предохранял своих учеников от того, чтобы те не узнали слишком много.

Последовала короткая пауза, а затем Фара спросил:

— Ну, хорошо, почему?

— Возможно потому, что психолог смог бы разобраться в ситуации и понять, что к чему, и сделать это скорее, чем хотелось Хари Сэлдону. А так — мы все время ходим в потемках, видя только проблески правды, не больше. А это именно то, что хотел Хари Сэлдон.

Он резко рассмеялся.

— До свидания, господа!

И вышел из комнаты.

Мэр Хардин жевал кончик своей сигары. Она давно потухла, но он слишком задумался и ничего не замечал. Он не спал предыдущую ночь и ему приходили мысли, что не придется спать и следующую.

Он устало спросил:

— Все готово?

— Думаю, да.

Иоганн Ли подпер рукой подбородок.

— Как вам это нравится?

— Неплохо. Вам следует продолжать еще с большей наглостью, вы понимаете? Не должно быть никаких колебаний,

нельзя дать им понять положение вещей. Когда приказывать придется уже нам, делайте это так, как будто вы были для этого рождены и вам подчинятся просто в силу привычки. В этом вся суть переворота.

— Если даже Комитет будет колебаться...

— Комитет? Можете не обращать на него внимания. Послезавтра его значение в делах Терминуса не будет стоить и ломанного гроша.

Ли медленно кивнул головой. — Все-таки странно, что они ничего не сделали, чтобы остановить нас. Вы сами говорили, что они что-то подозревают.

— Один только Фара. Иногда он заставляет меня нервничать. А Пирени подозревал меня с того самого момента, когда я был избран. Но дело в том, что они никогда не обладали способностью понять что к чему в действительности. Они признают только авторитеты. Они уверены, что Император всемогущ. И они уверены, что Комитет, только потому что это Комитет, действующий во имя Императора, не может очутиться в положении, когда он не будет отдавать приказы. Такая неспособность понять возможность заговора — наш лучший союзник.

Он тяжело поднялся с кресла и подошел к умывальнику.

— Они неплохие ребята, Ли, когда они не занимаются ничем, кроме своей Энциклопедии, и мы присмотрим за тем, чтобы в будущем они занимались только ей одной. Они абсолютно беспомощны, когда речь идет об управлении Терминусом. А сейчас идите и давайте делу ход. Я хочу побыть один.

Он уселся на угол стола и уставился на чашку с водой.

Великий космос! Если бы он чувствовал ту уверенность, с которой он говорил! Флот Анакреона должен был прибыть через два дня, а чем располагал он, кроме желания и полудогадок о том, к чему стремился Хари Сэлдон все эти пятьдесят лет.

Ведь он не был даже обыкновенным психологом, так, недоучка, пытающийся понять самый великий ум века.

Если Фара был прав, если вся проблема была только в Анакреоне, если Хари Сэлдон действительно заинтересован только в создании Энциклопедии... Тогда какой ценой достанется ему затеянный переворот?

Он пожал плечами и выпил воды.

В помещении, где был сейф, стояло куда больше шести стульев, как будто ожидалось, что туда придет много народа. Хардин заметил это, задумался и скромно уселся в уголок, подальше от остальных.

Члены Комитета отнюдь не возражали против этого. Они говорили между собой шепотом и до Хардина доносились только отдельные слова. Потом они стали шушукаться еще тише. Из всех них только Джордж Фара казался относительно спокойным. Он вынул часы и мрачно следил за стрелками.

Хардин тоже посмотрел на

часы, потом на стеклянный куб, абсолютно пустой, и занимающий половину комнаты. Это была единственно непривычная деталь обстановки, так ничто другое не указывало, что где-то крошечная частичка радия отсчитывает секунды, оставшиеся до точного мгновения, когда щелкнет тумблер, произойдет соединение и...

Свет померк! Он не погас, остался крохотный желтый накал ламп, но произошло это с такой быстротой, что Хардин подпрыгнул на своем месте. Он изумленно взглянул на лампы, висящие на потолке в старомодных оправках, и когда вновь перевел свой взгляд, куб

перестал быть пустым.

В нем была фигура — фигура в кресле качалке!

Несколько мгновений человек молчал, но вот он закрыл книгу, лежащую у него на коленях, и медленно перебирал ее пальцами. Затем он улыбнулся, и все лицо его, казалось, ожило.

Фигура сказала:

— Я — Хари Сэлдон.

Хардин поймал себя на том, что чуть было не поднялся с кресла, чтобы представиться.

Голос продолжал так же неторопливо:

— Как вы видите, я прикован к своему креслу и не могу встать,

чтобы приветствовать вас. Ваши бабушки и дедушки улетели на Терминус всего несколько месяцев назад по моему времени и с тех пор меня разбил довольно неприятный паралич. Я не могу вас видеть, так что, как понимаете, не могу приветствовать по-настоящему. Я даже не знаю, сколько вас здесь собралось, так что сегодняшняя наша встреча не должна носить формального характера. Если кто-то из вас стоит, сядьте, пожалуйста, и если вы хотите курить, я тоже не возражаю.

С губ его слетел легкий смешок.

— Да и что мне возражать?

Меня здесь нет.

Рука Хардина потянулась за сигаретой, но он одернул себя и стал слушать. Хари Сэлдон отложил книгу в сторону, как будто рядом с собой, и когда он вернул руку в прежнее положение, она исчезла.

Сэлдон вновь заговорил:

— Пятьдесят лет прошло с тех пор, пятьдесят лет, как было заложено Основание, в течении которых члены Основания оставались в неведении над чем они в действительности работают. Было необходимо, чтобы такое неведение существовало, но сейчас эта необходимость кончилась.

Для начала скажу:
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ОСНОВАНИЯ —

ЭТО ОБМАН, И ВСЕГДА БЫЛ
ТАКОВЫМ!

Позади Хардина заскрипели
кресла и раздались несколько
приглушенных восклицаний, но он
не обернулся.

Хари Сэлдон, конечно, ничего
этого не слышал. Он продолжал:

— Это обман в том смысле, что
и мне и моим коллегам абсолютно
безразлично, выйдет ли в свет хоть
единственный том Энциклопедии.
Она сослужила свою службу. С ее
помощью мы добились Имперской
Хартии, привлекли сто тысяч
человек, необходимых для нашего
плана и заняли этих людей работой,
в то время как события развивались и

никто из них уже не мог повернуть назад.

Все эти пятьдесят лет, что вы работали над фальшивкой, нет смысла смягчать выражения, не дают нам теперь возможности отступить, и у вас нет иного выхода, как продолжать работу, но уже над куда более сложным проектом, который является и частью моего плана.

Для этого мы поместили вас на такую планету и в такое время, чтобы через пятьдесят лет создалось положение, когда у вас не будет свободы действий. С настоящего момента и течения грядущих веков тропа, по которой вы пойдете вперед, неизбежна. Вы часто будете

находиться на грани кризиса, как сейчас вы находитесь перед первым из них, и в каждом случае ваша свобода действия будет ограничена таким образом, что у вас останется только один выход, один путь.

Это тот самый путь, который разработала наша психология, и не без причины. Веками галактическая цивилизация загнивала и распадалась, хотя лишь немногие понимали это. Но сейчас, наконец, Периферия откалывается от Империи и политическое единство последней поколеблено. И один из этих пятидесяти годов, которые уже прошли, историк будущего отметит красной линией и скажет: «Тогда

произошло падение Галактической Империи».

И он будет прав, хотя вряд ли это поймут раньше, чем через несколько столетий.

А после падения неизбежно наступит варварство, период, который продлится по вычислениям психоисториков в нормальных условиях тридцать пять тысяч лет. Мы не можем остановить падения. Да мы и не хотим, поэтому что культура Империи потеряла всякую жизненность, потеряла цену, которую имела. Но мы можем уменьшить период варварства и анархии — уменьшить до одной тысячи лет.

Мы не можем рассказать вам, каким образом это должно произойти, так же как пятьдесят лет назад не могли сказать вам правду об Основании. Если вы наперед будете знать, как мы хотим уменьшить этот период анархии, то наш план может не удался, как он не удался бы, если бы вы раньше поняли, что Энциклопедия — это обман, потому что такое знание расширяет вашу свободу действия, а добавочное число переменных в уравнении превысит то, которое мы в состоянии рассчитать.

Но вы и не узнаете, потому что на Терминусе нет психологов, и никогда не было, кроме Алурина, а

он был одним из нас.

Но я могу сказать вам: как Терминус, так и его соратник — Основание, расположенное на другом конце Галактики, являются зачатками будущей второй Галактической Империи. Ваш первый галактический кризис ставит Терминус на этот путь.

Между прочим, это очень легкий кризис, куда более простой, чем те многие, которые вам еще предстоят. Говоря простыми словами, он состоит в следующем: ваша планета внезапно отрезана от всех еще цивилизованных центров Галактики и ей угрожают сильные соседи. Вы — небольшой мир ученых,

окруженный все более
распространяющимся варварством.
Вы островок атомной энергии в
океане куда более примитивном, но
вы беспомощны, потому что на
вашей планете совсем нет металлов.
Природа этого действия, а
следовательно, и решение этой
проблемы бесспорно очевидны!

Образ Хари Сэлдона потянулся в
сторону и книга вновь появилась в
его руке. Он открыл ее и сказал:

— Но как бы тяжело вам не
приходилось в будущем, запомните и
передайте это вашим потомкам, что
путь выбран и что, в конце концов,
его ждет новая и великая Империя!

Глаза его опустились на книгу и

внезапно он исчез. Свет в комнате вновь загорелся ровно и ярко.

Хардин обернулся и увидел, что на него с трагическим выражением в глазах и дрожащими губами смотрит Пирени.

Голос председателя был тверд, но безжизнен.

— Как оказалось, вы были правы. Если вы встретитесь с нами сегодня в шесть вечера, Комитет проконсультируется с вами о том, что нам делать дальше.

Они один за другим пожали ему руку и вышли из комнаты. Они были искренни. Хардин улыбнулся. Эти ученые не могли не признать своей ошибки, но для них все было уже

слишком поздно.

Он взглянул на часы. К этому времени все должно было закончиться. Люди Ли контролировали все важные пункты, и Комитет больше не мог отдавать распоряжений.

Первые корабли космического флота Анакреона должны прибыть завтра, но тут все было в порядке. Через шесть месяцев и они тоже не будут отдавать распоряжений.

Как сказал Сэлдон и как угадал Хардин еще в тот день, когда Родрик сознался, что у них нет атомной энергии, решение первого кризиса было очевидным. Чертовски очевидным!

Часть третья. Мэры

*Четыре
королевства... — название,
данное этим областям
провинции Анакреона,
которые откололись от
Первой Империи в ранние
годы Основания, чтобы
организовать независимые
и недолговечные
королевства. Самым
большим и
могущественным из них
был Анакреон, который...*

*Несомненно, самым
интересным моментом*

*истории для четырех
королевств является тот
общественный строй,
который был навязан им во
время правления Сальвора
Хардина.*

*Галактическая
Энциклопедия*

Депутация!

От того, что Сальвор Хардин увидел, как она идет, ему было ни капельки не легче. Напротив, он почувствовал себя еще более раздраженным.

Иоганн Ли предлагал решительные меры.

— Я не понимаю, Хардин, — сказал он, — зачем мы теряем время. Они ничего не смогут сделать до следующих выборов, и это дает нам год. Пошли их к чертовой матери.

Хардин поджал губы.

— Ли, ты никогда ничему не научишься. За те сорок лет, что я тебя

знаю, ты так и не научился великому искусству подкрадываться к противнику.

— Это не мой метод драки, — проворчал Ли.

— Да, знаю. Наверно поэтому ты и есть тот единственный человек, которому я доверяю.

Он замолчал и потянулся за сигарой.

— Мы прошли долгий путь, Ли, с тех пор, как скинули Энциклопедистов много лет тому назад. я становлюсь стар. Мне уже шестьдесят два. Ты когда-нибудь думал о том, как быстро пролетели эти тридцать лет.

Ли фыркнул.

— Я не чувствую себя старым, а мне уже шестьдесят шесть.

— Да, но у меня нет твоего пищеварения.

Хардин лениво затянулся сигарой. Он давно уже перестал мечтать о чудесном мягком табаке Веги его молодости. Те дни, когда Терминус торговал с каждой областью Галактической Империи, канули в лету. Туда же, куда и сама Галактическая Империя направлялась медленно, но верно. Он подумал, кто же сейчас Император? — если, конечно он вообще был и если сама Империя еще существовала. Великий Космос! Уже прошло целых тридцать лет с тех

пор, как нарушились коммуникации здесь, на краю Галактики. Весь мир Терминуса теперь состоял теперь только из него самого и четырех соседних королевств.

Как низко пало бывшее величие. Королевства! В добрые старые времена они были протекторатами, и все являлись частью одной и той же провинции, которая в свою очередь была частью сектора, бывшего в свою очередь частью квадрата, а тот был частью всеобъемлющей Галактической Империи. А сейчас, когда Империя потеряла контроль над отдаленными участками Галактики, эти маленькие разрозненные группы планет стали

королевствами, со своими королями и дворянами, похожими на героев космических опер, с глупыми бесполезными войнами, и жизнью, которая воцарилась среди руин.

Упадок цивилизации. Утеря атомной энергии. Наука, оставшаяся только в мифах — до тех пор, пока не вступилось Основание. Основание, которое Хари Сэлдон организовал здесь, на Терминусе именно для этой роли.

Ли стоял у окна и его голос вмещивался в тайные думы Хардина.

— Они прибыли, — сказал он. — В спортивном автомобиле последней марки. Эти сосунки.

Он сделал несколько

неуверенных шагов вперед, потом взглянул на Хардина.

Тот улыбнулся и махнул рукой.

— Я приказал, чтобы их привели ко мне.

— Сюда? Зачем? Ты заставишь их вообразить о себе невесть что.

— С какой стати выполнять все эти официальные процедуры приема Мэра? Я становлюсь слишком стар для формальностей. И кроме того лезть очень полезна, когда имеешь дело с молодежью, в особенности, когда это тебя ни к чему не обязывает.

Он подмигнул.

— Садись, Ли, и окажи мне моральную поддержку. Мне ее будет

очень не хватать с этим молодым Сермаком.

— Сермак, — тяжело сказал Ли, — опасен. У него есть последователи, Хардин, так что недооценивать его опасно.

— Разве я когда-нибудь кого-нибудь недооценивал?

— Тогда подпиши приказ об его аресте. Причину можешь придумать позже.

Хардин не обратил внимания на этот совет.

— Вот и они, Ли.

В ответ на сигнал, он нажал ногой на педаль, находящуюся под столом, и дверь открылась.

Они вошли, депутация из

четырех человек, и Хардин вежливым жестом пригласил их сесть в кресла, располагавшиеся полукругом у стола. Они поклонились и стали ждать, когда Мэр заговорит первым.

Хардин открыл причудливо изогнутую крышку коробки для сигар, которая принадлежала Джорджу Фара из старого Комитета в те далекие и давно ушедшие времена Энциклопедистов. Это была оригинальная имперская сигаретница с Сэнтании, хотя сигары в ней лежали сейчас местные. Один за другим, очень торжественно, все четверо взяли сигары и закурили их, как будто исполняли ритуал.

Сэф Сермак был вторым справа, самый молодой из всех и наиболее интересный. Его рыжие усы были аккуратно подстрижены, а неопределенного цвета глаза глубоко запали на лице. Остальных трех членов делегации Хардин тут же сбросил со счетов — они явно не умели мыслить сами. Он сосредоточил все свои мысли на Сермаке, который будучи еще в первый раз избран в Городской Совет, умудрился перевернуть все вверх дном и не один раз.

Именно к нему он обратился.

— Мне в особенности хотелось видеть вас, член Совета, еще с той вашей прекрасной речи в прошлом

месяце. Ваши нападки на внешнюю политику правительства были очень обдуманны и удачны.

Взгляд Сермака стал еще тверже.

— Ваш интерес делает мне честь. Не знаю, были ли мои нападки удачны, или нет, но они, безусловно, были справедливы.

— Возможно! Ваших мнений никто у вас не спрашивает. Хотя вы еще очень молоды.

— В этом виноваты все люди в определенный период времени, — сухо ответил Сермак. — Вы стали мэром этого города, когда вам было на два года меньше, чем мне сейчас.

Хардин улыбнулся про себя.

Молокосос был крепким орешком. Он сказал:

— Я понял, что вы пришли ко мне обсудить эту самую внешнюю политику, которая так жестоко раздражала вас на заседаниях Совета. Скажите, вы уполномочены вести переговоры или мне придется выслушать и трех ваших коллег, каждого в отдельности?

Они обменялись между собой быстрыми взглядами, понятными им одним.

— Я буду говорить от имени народа Терминуса, — хмуро ответил Сермак. — Народа, который уже не может доверять своим представителям, заседающим в том

бездействующем органе, который зовется Советом.

— Понятно. Ну что ж, говорите!

— Все очень просто, господин мэр. Мы не удовлетворены...

— Под «мы» вы подразумеваете народ, не так ли?

Сермак враждебно уставился на Хардина, чувствуя ловушку, и холодно ответил:

— На сколько я знаю, мои взгляды разделяет большинство избирателей на Терминусе. Это вас устраивает?

— Вообще-то такое утверждение требует доказательств, но это не важно. Продолжайте. Вы не удовлетворены...

— Да, мы не удовлетворены политикой, которая уже тридцать лет оставляет Терминус беззащитным от неизбежного нападения извне.

— Понятно. А выводы? Продолжайте, продолжайте.

— Я очень рад, что вы согласны. А выводы те, что мы организуем новую политическую партию, ту, которая будет защищать настоящие нужды Терминуса, а не мистический «манифест» будущей Империи. Мы собираемся вышвырнуть вас и вашу клику бездельников из Городского Совета и скоро.

— Если не? Видите ли, в таких случаях всегда говорят «если не»...

— Но не в этом случае. разве

что, если вы не уйдете в отставку сами. Я не прошу вас переменить свои политические взгляды, я все равно вам никогда не поверю. Ваши обещания ничего не стоят. Ваш уход — это единственное на что мы согласны.

— Понятно.

Хардин скрестил ноги и, откинувшись на двух ножках кресла, стал качаться вместе с ним.

— Это ваш ультиматум. Очень приятно, что вы меня предупредили, спасибо. Но видите ли, я все же думаю, что не обращаю на него ровным счетом никакого внимания.

— Вы думаете, что это было предупреждение, господин мэр. Это

было объявлением наших принципов и объявлением войны. Новая партия уже сформирована и начнет действовать с завтрашнего дня. У нас нет ни возможности, ни желания идти на компромисс и, честно говоря, только благодаря вашим прошлым заслугам мы решили предложить вам легкий выход из положения. Лично я никогда не думал, что вы его примете, но по крайней мере моя совесть чиста. Следующие выборы покажут вам и словом и делом, что ваша отставка необходима.

Он поднялся с кресла и кивнул головой остальным.

Хардин поднял руку.

— Подождите! Садитесь!

Сэф Сермак вновь уселся с гордым и независимым видом. Хардин улыбнулся в душе, сохраняя непроницаемое лицо. Несмотря на свои слова он ожидал предложения...

— Вы можете точно сформулировать, каких изменений во внешней политике вы хотите? Может вы хотите напасть на четыре королевства сейчас, сразу же одновременно?

— Я не делал такого предложения, господин мэр. Мы просто предлагаем, чтобы всяческие умиротворения немедленно прекратились. В течении всего вашего правления вы проводили

политику научной помощи королевствам. Вы дали им атомную энергию. Вы помогли заново отстроить атомные электростанции на их территории. Вы основали там больницы, химические лаборатории и заводы.

— Ну? И каковы ваши предложения?

— Вы сделали это только для того, чтобы они не напали на нас. Подкупая их помощью, вы свалили дурака в колоссальной игре шантажа и позволили им обобрать Терминус, как липку, а в результате мы сейчас находимся во власти варваров.

— Каким же образом?

— Потому что вы дали им

энергию, дали им оружие, практически снарядили их звездолетами. Они стали неизмеримо сильнее, чем тридцать лет назад. Их требования возрастают, а имея новое оружие, они неизбежно захотят удовлетворить свои требования сразу и насильственно захватят Терминус. Разве шантаж не кончается именно таким образом?

— А каковы ваши средства?

— Немедленно прекратить всякий подкуп, пока это еще можно. Бросить все усилия на укрепление самого Терминуса, в первую очередь на отражение атак!

Хардин наблюдал за светлыми усами молодого человека почти с

болезненным интересом. Тот чувствовал себя уверенным в себе, иначе он не сказал бы так много. Не было никакого сомнения, что эти его мысли вызывают поддержку у очень большой части населения, слишком большой.

Голос его ничем не выдал набежавших мыслей. Он был бесстрастен.

— Это все?

— Пока что да.

— В таком случае скажите, вы не заметили плаката, который висит на стене позади меня? Прочтите, если не трудно.

Губы Сермака скривились.

— Там написано: «Насилие —

последнее убежище беспомощного». Это старинная доктрина, мэр.

— Я применил ее, будучи молодым человеком, господин член Совета, и успешно. Вы еще были очень заняты тем, что рождались, когда это произошло, но возможно, вы кое-что читали об этом в школе.

Он внимательно оглядел Сермака и продолжал размеренным голосом:

— Когда Хари Сэлдон создал на этой планете Основание с обманной целью писать Энциклопедию, мы в течение пятидесяти лет занимались ненужным делом прежде чем поняли, что он хотел на самом деле. К тому времени было почти что

поздно. Когда коммуникации с центральными районами Империи были прерваны, мы осознали себя мирком ученых, сконцентрированных в одном городе, не обладающим промышленностью и окруженными заново созданными королевствами, враждебными нам и варварскими. Мы были крохотным островком атомной энергии в этом океане варварства и, естественно, очень ценной добычей. Анакреон, тогда так же как и сейчас самое могущественное из четырех королевств, потребовал и даже обосновал военную базу на Терминусе, и тогдашние правители города, Энциклопедисты, очень

хорошо знали, что им нужно для того, чтобы захватить всю планету. Вот так обстояли дела, когда я... гм... принял на себя управление государством. Что бы вы сделали?

Сермак пожал плечами.

— Это академический вопрос. Ведь я знаю, что сделали вы.

— И тем не менее, я повторяю. Возможно, вы меня не поняли. наше искушение собрать все силы, которые могли драться, было велико. Это самый легкий выход и наиболее удовлетворительный для самоуважения, но почти всегда — самый глупый. Вы бы это сделали, вы, с вашими разговорами о том, что надо нападать первыми. Я же вместо

этого посетил три остальных королевства, указал им, что позволить секрету атомной энергии попасть в руки Анакреона равносильно тому, чтобы как можно быстрее перерезать себе самому горло, и мягко предложил им сделать соответствующие выводы. Вот и все. Ровно через месяц после того, как космический флот опустился на поверхность Терминуса, король Анакреона получил три ультиматума от своих соседей. Через семь дней последний анакреонец покинул планету. А теперь скажите мне, где была необходимость в насилии?

Молодой член Совета задумчиво осмотрел окурок своей сигареты и

швырнул его в урну.

— Я не вижу аналогии. Инсулин приведет диабетика в нормальное состояние безо всякого скальпеля, но аппендицит требует операции. С этим ничего не поделать. Когда остальные способы не помогли, что остается, как не это «последнее убежище». Это ваша вина, что у нас нет другого пути.

— Моя? Ах да, опять моя политика умиротворения. Вы, кажется, еще никак не можете понять наших основных нужд. Наши проблемы отнюдь не кончились после того, как последний корабль с Анакреона улетел с планеты. Они только начались. Четыре королевства

были нашими врагами более, чем когда-либо — и каждое из них не вгрызлось нам в горло только потому, что боялись остальных трех. Мы балансировали на лезвии бритвы и малейшее колебание в любом направлении... Если бы, например, одно из королевств стало слишком сильным или два объединились в коалицию... вы понимаете?

— Безусловно. Тогда-то и наступило бы время начать наши переговоры о войне.

— Напротив. Тогда-то наступило бы время начать наши переговоры о предотвращении войны. Я натравливал одно из государств на другое. Я помогал им

по очереди. Я предложил им науку, торговлю, образование, медицину. Я сделал так, что Терминус стал более ценен для них как мир процветающий, нежели как военная добыча. В течении тридцати лет это помогало.

— Да, но вы были вынуждены окружить свои научные дары тайной совершенно безобразной мистики. Вы сделали из техники полурелигию, полу... черт знает что. Вы создали иерархию священников и сложные, не имеющие значения ритуалы.

Хардин нахмурился. — Ну и что с того? Я вообще не понимаю, какое это имеет отношение к нашему спору. Так происходило с самого

начала потому, что варвары смотрели на нашу науку, как на волшебство, и им легче было так принимать ее. Появилось духовенство, и если мы поддерживали его, то только следуя линии наименьшего сопротивления. Это не играет большой роли.

— Но эти священники обслуживают атомные энергостанции, а это играет большую роль.

— Верно, но ведь мы их обучали. Их знания чисто эмпирические, и они твердо верят в чудеса, которые их окружают.

— А если один из них потеряет веру и будет достаточно умен, чтобы откинуть всяческий эмпиризм в

сторону, а в результате докопается до настоящего технического прогресса и продаст вас тому, кто подороже заплатит? Какую ценность мы будем тогда представлять для королевств?

— Очень маленькая вероятность, Сермак. Вы рассуждаете поверхностно. Лучшие люди со всех королевств съезжаются на Основание каждый год, и мы готовим их в духовенство. Если вы считаете, что после нашего учения, когда они практически не имеют элементарных научных знаний или того хуже — имеют неверные знания, священники могут сами дойти до основ атомной энергии, электроники, теории гиперперехода

— у вас очень романтические знания о науке. Требуется не только глубокий ум, но и годы труда, чтобы научиться всему этому.

Во время одной из ответных речей Иоган Ли резко поднялся и вышел из комнаты. Теперь он вернулся и, когда Хардин кончил говорить, наклонился к уху своего начальника. Они о чем-то пошептались и Ли передал ему свинцовый цилиндр. Бросив враждебный взгляд на депутацию, он вновь опустился в свое кресло.

Хардин вертел цилиндр в руках, наблюдая за посетителями сквозь отблеск света на его поверхности. А затем он резко

открыл его. И только у Сермака хватило выдержки не бросить взгляд на выпавшую оттуда бумажку.

— Короче говоря, господа, — сказал он, — правительство придерживается мнения, что оно знает, что делать.

Он говорил и читал одновременно. Лист бумаги покрывал сложный узор кода и наверху в трех словах была дана расшифровка. Он бросил на нее взгляд и небрежно выкинул лист в мусоропровод.

— А на этом, — сказал вновь Хардин, — мы заканчиваем интервью. Очень рад видеть вас всех здесь. Благодарю за то, что вы

пришли.

Он пожал руки каждому в отдельности и они ушли.

Хардин почти уже никогда не смеялся, но после того, как Сермак и его три компаньона ушли по его мнению достаточно далеко, он сухо хмыкнул и с любопытством посмотрел на Ли.

— Как тебе понравилась эта «битва гигантов» Ли?

— Вовсе не уверен, что он блефовал, — проворчал Ли. — Относись к нему по-доброму и, вполне вероятно, он все-таки выиграет следующие выборы.

— О, вполне вероятно, вполне вероятно, если конечно до этого

ничего не произойдет.

— Советую, чтобы все произошло на этот раз так, как надо, Хардин. Говорю тебе, у Сермака есть последователи. Что, если он не будет ждать следующих выборов? Я помню еще времена, когда мы с тобой заставили кое-кого поплясать, несмотря на этот плакат, что ты нацепил на стену.

Хардин поднял брови.

— Ты сегодня настроен пессимистично, Ли, да к тому же еще и выдумываешь. Насколько я помню, наш маленький путч обошелся без всякого насилия, ни одна живая душа не пострадала. Это была необходимая мера, принятая в

нужный момент, и все прошло гладко и безболезненно, хотя и с великими трудами. Что касается Сермака, он противник каких бы то ни было компромиссов. Ты и я, Ли, не Энциклопедисты. Мы ко всему готовы. Слушай, старина, подключи своих людей к этому молодняку, только вежливо. Пусть они не знают, что за ними следят, но будь повнимательнее, ты меня понимаешь?

Ли раздраженно засмеялся.

— Ты думаешь, я такой дурак, что буду сидеть и ждать сложа руки, пока мне прикажут? Сермак и его люди уже месяц у меня под наблюдением.

Мэр ухмыльнулся.

— Ты всегда хочешь быть первым? Ну, хорошо. Кстати, — мягко добавил он, — посол Вересов возвращается на Терминус. Временно, надеюсь.

Последовало короткое молчание, несколько напряженное, а затем Ли спросил:

— Что было в письме? Наши дела продвигаются?

— Не знаю. Не могу сказать, пока не поговорю с Вересовым. Может быть, да. В конце концов, должно же что-то произойти до выборов. Но с чего это ты вдруг помрачнел?

— Потому что не знаю, что из

всего этого выйдет. Ты слишком умен, Хардин, и ты много скрываешь.

— И ты тоже, — пробормотал Хардин.

Потом он громко спросил:

— Это значит, что ты собираешься вступить в новую партию Сермака?

Ли против воли улыбнулся:

— Ну, хорошо. Ты выиграл. А теперь, не хочешь ли пообедать?

Сальвору Хардину, убежденному шутнику, приписывали множество эпиграмм, многие из которых, вероятно, апокрифичны. Тем не менее считают, что он однажды сказал:

— Хорошо всегда быть честным, в особенности, если у тебя репутация лгуна. пользоваться этим секретом, учитывая, что он уже четырнадцать лет играл на Анакреоне целых две роли, которые часто и неприятно напоминали ему танец человека на раскаленном металле.

Для народа Анакреона он был первосвященником, представителем

Основания, которое для этих варваров было символом волшебства и центром религии, которую они создали не без помощи Хардина за последние тридцать лет. И в качестве первосвященника он построил там свой дом, ставший для него темницей, потому что в глубине души он презирал тот ритуал, в центре которого находился.

Но для короля Анакреона — старого, уже умершего, и нового, еще молодого внука, который сидел сейчас на троне, — он был просто могущественным послом, которого одновременно боялись и которому завидовали.

В целом это была неприятная

работа, и его первое за три года путешествие на Основание, хотя и вызванное неприятной необходимостью, было для него как долгожданные каникулы.

И так как не в первый раз приходилось ему путешествовать в строгой секретности, он вновь применил к жизни эпиграмму Хардина.

Он переоделся в гражданское платье и взял билет второго класса на пассажирский лайнер, отбывающий на Терминус. Прибыв на Основание, он пробрался сквозь толпу пассажиров на космодроме и позвонил в зал Совета из городского видеоавтомата.

— Меня зовут Янг Смит, — сказал он. — На сегодняшнее утро мне назначена встреча с мэром.

Молодая женщина с безжизненным лицом, хотя и достаточно деловая, на другом конце провода сделала второе переключение, обменялась с кем-то двумя-тремя быстрыми фразами, а затем сказала сухим механическим голосом:

— Мэр Хардин примет вас через полчаса, сэр.

Экран видеофона померк.

После этого посол купил последнее издание местной газеты, неторопливо прошел городской сад и, усевшись на первую попавшуюся

пустую скамью, прочитал передовую статью, спортивные новости и уголок юмора. Когда полчаса истекли, он встал, засунул газету под мышку и пошел в зал Совета, где представился.

За все это время его так никто и не узнал потому что он вел себя как самый обычный гражданин, и некто не обратил на него ни малейшего внимания.

Хардин взглянул на него и ухмыльнулся.

— Берите сигарету. Как путешествие?

Вересов потянулся за сигаретой.

— Любопытно. Рядом со мной в каюте путешествовал священник. Он

ехал на Терминус, чтобы пройти специальный курс по приготовлению радиоактивных синтезов — для лечения рака.

— Но ведь он не называл это так, а?

— Еще чего! Для него это была святая вода.

Мэр улыбнулся.

— Продолжайте.

— Он вовлек меня в спор и долго и старательно пытался извлечь из меня болезнь материализма.

— И он не узнал своего первосвященника?

— Без моей алой мантии? Кроме того, он был со Смирно. Это просто удивительно, Хардин, как

быстро повсюду воцарилась религия науки. Я написал эссе по этому поводу — для своего собственного удовольствия — опубликовать, конечно, не придется. Подходя к проблеме социологически, можно видеть, что когда старая Империя стала гнить по краям, наука, как таковая быстро забылась на окраинных мирах. Чтобы вновь восстановить ее, пришлось представить все совершенно в ином свете, и моментально все стало на свои места. Это особенно хорошо видно, если применить символическую логику.

— Интересно!

Мэр закинул руки за голову и

внезапно сказал:

— А сейчас расскажите о положение на Анакреоне!

Посол нахмурился и вынул сигару изо рта. Он с отвращением взглянул на нее и положил в пепельницу.

— Что ж, положение очень плохое.

— В противном случае вас бы здесь не было.

— Да уж. Вот как обстоят дела. Наиболее важным человеком на Анакреоне является Принц Регент Венис, дядя короля Леопольда.

— Знаю. Но ведь на следующий год Леопольд станет совершеннолетним? Кажется ему

будет шестнадцать?

— Да в феврале.

Вересов замолчал, затем сухо добавил:

— Если доживет. Отец короля умер при подозрительных обстоятельствах. Во время охоты пуля попала ему в грудь. Это рассматривалось как несчастный случай.

— Гмм... кажется, я помню Вениса еще с тех пор, когда мы вышвырнули космический флот с Терминуса и я попал на Анакреон. Это было еще до вас. Дайте-ка мне подумать. Кажется, это такой мрачный молодой человек с копной черных волос и косой на один глаз. У

него еще такой смешной
крючковатый нос.

— Он самый. Он остался косым,
и нос у него такой же крючковатый, и
волосы поседели. Он не чист на руку.
К счастью, он самый большой дурак
на всей планете. Считает себя
необычайно умным и
проницательным, так что все его
намерения видны насквозь.

— Так обычно и бывает.

— Он считает, что если надо
разбить яйцо, то делать это надо по
меньшей мере атомным бластером.
Вспомните налоги, которыми он
хотел обложить имущество храма два
года назад, когда умер старый король.
Помните?

Хардин задумчиво кивнул головой, потом улыбнулся.

— Жрецы подняли шум.

— Они подняли такой шум, что его можно было слышать на Лукреции. С тех пор он стал более осторожным, но все-таки умудряется устраивать неприятности. В какой-то степени нам это и не очень выгодно, слишком он уверен в себе, прямо таки безгранично.

— Возможно, он этим компенсирует свой комплекс неполноценности. Младшие сыновья королевского рода обычно этим страдают.

— От этого не легче. Он все еще кричит о том, что надо напасть на

Основание. Он даже не пытается скрывать своих мыслей. И его положение позволяет ему это делать, с точки зрения вооружения. Старый король создал великолепный космический флот, и Венис не дремал два последние года. Даже эти налоги на имущество храма он думал употребить на дальнейшее вооружение, а когда у него ничего не получилось, он вдвое увеличил обычные налоги.

— Были какие-нибудь беспорядки?

— Ничего серьезного. Послушание властям — было текстом каждого призыва в королевстве многие недели. Мы сами

провели много служб по этому поводу. Не скажу, правда, что Венис высказывал нам какую-нибудь особую признательность.

— Ну, хорошо, я понял всю подоплеку. А теперь, что случилось? — Две недели тому назад купеческий корабль с Анакреона обнаружил в космосе старый военный крейсер бывшего имперского космофлота. Он плавал в космосе по меньшей мере три столетия.

В глазах Хардина сверкнул интерес. Он выпрямился.

— Да, я слышал об этом. Навигационное бюро прислало мне петицию с просьбой предоставить

им корабль с целью изучения. Как я понял, он находится в хорошем состоянии.

— В слишком хорошем, — ответил Вересов сухо. — Когда Венис на прошлой неделе получил письмо с просьбой передать крейсер Основанию, у него чуть было не случились конвульсии.

— Он мне еще не ответил.

— И не ответит — разве что пушками, по крайней мере он так считает. Видите ли, он пришел ко мне как раз в день моего отъезда и попросил, чтобы Основание привело этот крейсер в боевую готовность, а потом передало его комическому флоту Анакреона. У него хватило

нахальства сказать, что ваше письмо от прошлой недели указывает на намерение Основания атаковать Анакреон. Он сказал, что отказ починить и привести в боевую готовность космический крейсер только подтверждает его подозрения, и прибавил, что тем самым мы вынуждаем его принять меры по защите Анакреона. Вот его собственные слова. Мы его вынуждаем! И вот почему я здесь!

Хардин мягко рассмеялся.

Вересов продолжал, улыбнувшись:

— Конечно, он ожидает отказа и это будет прекрасным предлогом в его глазах для немедленного

нападения.

— Я понимаю это, Вересов. Ну что ж, у нас в запасе есть еще шесть месяцев, так что сделайте с крейсером все, что нужно и подарите ему с нашими наилучшими пожеланиями, переименуйте его в «Венис» как знак нашей любви привязанности.

Он вновь рассмеялся.

И вновь Вересов ответил ему едва заметной улыбкой.

— Я понимаю, что это логично, Хардин, но я все же волнуюсь.

— О чем?

— Этот корабль... Они умели так строить в те дни. Его грузоподъемность больше, чем у

половины всего флота Анакреона. На нем стоят атомные пушки, которые в состоянии уничтожить планету. Слишком уж он хорош, Хардин...

— Наивно, Вересов, наивно. И вы, и я, оба знаем, что даже тем оружием, которое он сейчас имеет, Венис может спокойно захватить Терминус задолго до того, как мы приведем в порядок этот крейсер для собственных нужд. Какое же это тогда может иметь значение, если мы дадим ему еще один крейсер? Вы же знаете, что до настоящей войны дело не дойдет.

— Думаю, да.

Посол поднял свой взгляд.

— Но, Хардин...

— Да? Что вы остановились?
Продолжайте.

— Послушайте, это не мое дело,
но я читал сегодня газету.

Он положил газету на стол и
ткнул пальцем в передовицу.

— Группа членов Совета создает
новую политическую партию.

— Это я прочел.

Вересов заколебался.

— Я знаю, что вы лучше
разбираетесь во внутренних делах,
чем я, но, по-моему, на вас нападают
по всему фронту, разве что не
применяя насилия. Насколько они
сильны?

— Очень. Возможно они будут
контролировать Совет после

следующих выборов.

— Но не раньше?

Вересов искоса взглянул на мэра.

— Есть способы и помимо выборов.

— Вы что, принимаете меня за Вениса?

— Нет. Но починка крейсера займет несколько месяцев и нападение последует сразу же. Это несомненно. То, что мы уступим будет воспринято, как проявление слабости, а имперский крейсер чуть ли не вдвое увеличит силы флота Вениса. Он нападет на вас. Это так же точно, как я первосвященник. зачем рисковать? Сделайте либо

одно, либо другое. Или объясните ваш план компании Совета, или заставьте Анакреон объясниться сейчас.

Хардин нахмурился.

— Заставить? Прежде, чем наступит кризис? Это единственное, чего я не должен делать. Существует Хари Сэлдон и такая вещь, как его план.

— Так вы абсолютно уверены, что такой план существует?

— Вряд ли могут возникнуть какие-нибудь сомнения, — последовал твердый ответ. — Я присутствовал на открытии сейфа и Сэлдон ясно дал нам это понять.

— Я не это имею в виду,

Хардин. Я просто не понимаю, как можно предвидеть и расписать историю человечества на тысячу лет вперед. Может Сэлдон переоценил себя?

Он поежился от иронической улыбки Хардина и добавил:

— Конечно, я не психолог.

— Вот именно. Никто из нас не психолог. Но я получил некоторые элементарные познания в молодости, вполне достаточные, чтобы понять возможности этой науки, хотя сам и не в состоянии ничего рассчитать. Нет никакого сомнения в том, что Сэлдон сделал именно то, что утверждает. Основание, как он говорит, было создано как научное

утверждение, посредством которого наука и культура умирающей Империи будут сохранены веками начинающегося варварства и, в конце концов, доживут до Второй Империи.

Вересов с сомнением кивнул головой.

— Каждый знает, что именно так и должно все произойти. Но можем ли мы рисковать настоящим из-за какого-то туманного будущего?

— Мы должны, потому что это будущее отнюдь не туманное. Оно было просчитано и записано Сэлдоном. Каждый последующий кризис в нашей истории отмечен, и успешный выход из этого кризиса зависит от того, насколько правильно

мы решили предыдущий. Мы переживаем сейчас только второй кризис, и мне даже страшно подумать, какой может быть результат при малейших отклонениях.

— Это ничем не подтвержденные рассуждения.

— Нет! Во время выступления Хари Сэлдона, когда открыли сейф, он сказал, что в каждый кризис наша свобода действия будет ограничена до такой степени, что мы сможем найти из создавшегося положения только один выход.

— Чтобы мы не наделали глупостей и не свернули в сторону?

— Совершенно верно. Путь

должен быть только один. Но, соответственно, пока у нас существует выбор как поступать, это значит, что кризиса еще нет. Мы должны тянуть так долго, как только можем, и, великий космос, именно это я и собираюсь делать!

Вересов не ответил. Он задумчиво пожевал губу. Прошло не больше года с тех пор, как Хардин обсуждал с ним одну проблему — по-настоящему важную проблему: что противопоставить враждебным приготовлениям Анакреона. Да и то только потому, что Вересов настоял на обсуждении.

Казалось, Хардин слышал все его мысли.

— Лучше бы я вам об этом ничего не говорил, — сказал он.

— Почему? — с изумлением вскрикнул Вересов.

— Потому что теперь уже шестеро людей знают об этом: вы, я, трое других послов и Иоганн Ли, а я очень боюсь, что идея Сэлдона заключалась в том, чтобы никто ничего не знал.

— Почему?

— Потому что даже развитая психология Сэлдона была ограниченной. Она не могла оперировать со слишком большим числом независимых переменных. Он не мог рассчитать отдельных личностей, так как и вы можете

применить кинетическую теорию газов к отдельным молекулам. Он работал с толпами, с населением нескольких планет, а только слепые толпы, не обладающие знанием своих будущих действий и конечного результата подчиняются его уравнениям.

— Это не просто.

— Но это так. Я не знаю психологию в такой степени, чтобы объяснить вам научно. Но вы это знаете. На Терминусе вообще нет ученых психологов, так же и математических книг по этому вопросу. Совершенно очевидно, что Сэлдон не желал, чтобы кто-нибудь на Терминусе обладал умением

рассчитывать будущее. Он хотел, чтобы мы шли к цели слепо, а, следовательно, и верно, согласно законам психологии толпы. Но я однажды уже вам говорил, я понятия не имел, что случится после того, как мы выдворим от себя анакреонцев. Я просто хотел установить равновесие сил, не более того. Только значительно позже мне показалось, что я понимаю куда влекут нас события, но я сделал все возможное, чтобы действовать, не исходя из этого знания. Если бы в результате своего предвидения я вмешался бы в события, боюсь, с планом Сэлдона все было бы кончено.

Вересов задумчиво кивнул

головой.

— Мне не привыкать к таким сложным рассуждениям, я наслушался всякого в храмах на Анакреоне. А как вы думаете узнать тот момент, когда наступит пора действовать?

— Этот момент уже известен. Вы сами признаете, что как только мы починим космический корабль, ничто не остановит Вениса от нападения на нас. Тогда у нас не будет больше выбора.

— Вы правы.

— И как только из всех этих альтернатив у нас больше не будет выхода, считайте, что наступил кризис. Тем не менее, я взволнован.

Он промолчал, и Вересов терпеливо стал ждать. Медленно, почти неохотно Хардин продолжал:

— У меня есть мысль, едва уловимая, что нарастание внутреннего и внешнего кризиса было запланировано одновременно. Но сейчас у нас здесь наблюдается разница в несколько месяцев. Венис, вероятно, атакует еще до весны, а выборы будут только через год.

— По-моему, это неважно.

— Не знаю. Может быть, так произошло из-за каких-то погрешностей в вычислениях, а может быть и потому, что я слишком много знаю. Я всегда старался вести себя так, чтобы мое предвидение не

оказывало влияний на мои действия, но как я могу точно сказать? И какой это все может иметь эффект? Как бы то ни было, — он поднял глаза, — я твердо решил одну вещь.

— Какую?

— Когда разразится кризис, я отправлюсь на Анакреон. Я хочу быть на месте...

Он замолчал.

— О, ну ладно, Вересов. Я и так наговорил слишком много. Становится поздно. Давайте закончим на этом. Я хочу немного отдохнуть.

— Тогда отдыхайте здесь, — сказал Вересов. — Я не хочу, чтобы меня здесь узнали, а то

представляете себе, что скажет эта ваша новая партия? Попросите лучше принести бренди.

Хардин так и сделал, правда в очень умеренном количестве.

В те дни, когда Галактическая Империя охватывала собой всю Галактику, а Анакреон был самым богатым вассалом на Периферии, многие императоры посещали вице-королевский дворец государства. И не один из них не уезжал обратно не испытав на себе по меньшей мере одного покушения, будь то попытка устроить аварию в воздухе или обычный пистолет, которым охотились за пернатой летающей крепостью, которую жители называли птицей Пайк.

Былая слава Анакреона ушла в прошлое вместе с Империей. Дворец

лежал в руинах, за исключением того крыла, которое восстановили рабочие Основания. И уже более двухсот лет Анакреон не видел ни одного императора.

Но охота на Пайка все еще оставалась королевской забавой и зоркий глаз все еще неизменно требовался для королей Анакреона.

Леопольд I, король Анакреона и лорд-протектор внешних доминионов, хотя и не достиг еще шестнадцати лет, доказал свое искусство уже не один раз. Он убил своего первого Пайка, когда ему еще не исполнилось и тринадцати лет, десятого — после того, как получил доступ к трону, а сейчас он

возвращался после охоты на сорок шестого животного.

— Их будет пятьдесят прежде, чем мне стукнет шестнадцать, — воскликнул он. — С кем пари?

Но придворные не держали пари против искусства своего короля. Всегда существует смертельная опасность выиграть. Поэтому никто не рискнул с ним спорить, и король пошел переодеваться в прекрасном настроении.

— Леопольд!

Король остановился и хмуро повернулся.

Венис глядел на своего племянника с порога его покоев.

— Отошли их, — он

нетерпеливо махнул рукой. — Вон!

Король резко кивнул головой и двое прислужников с низкими поклонами и пятясь спустились вниз по лестнице. Леопольд вошел в комнату своего дяди.

Венис брезгливо уставился на охотничий костюм короля.

— Очень скоро придется заниматься делами поважнее, чем охота.

Он повернулся к племяннику спиной и пошел к столу. Венис уже стал слишком стар, чтобы выдерживать резкие порывы ветра, опасные развороты перед самым крылом Пайка, кувыркания воздушной лодки то вверх, то вниз.

Может поэтому он и говорил, что презирает это развлечение.

Леопольд понял презрение, высказанное ему дядей, и начал разговор с энтузиазмом, но не без угрозы в голосе.

— Как жаль, что вас не было сегодня с нами, дядя. Мы прикончили зверюгу из Самии — просто настоящее чудовище. а как это было здорово. Мы выслеживали ее целых два часа на семидесяти квадратных милях. А затем я рванулся вверх, — он сделал движение рукой, как будто находился все еще в воздушной лодке, — и нырнул ему под крыло. Попал ему под левое крыло. Он взбесился и

рванул вперед. но я тоже не дремал, ушел левее и скрылся за солнцем. И, конечно, он опустился. Он подобрался ко мне на размах крыла, тогда я..

— Леопольд!

— Гм... Так я его убил.

— Не сомневаюсь. А сейчас может быть ты все-таки меня выслушаешь?

Король пожал плечами и уселся на край стола, потом взял лежащий на нем орех и попытался раскусить его отнюдь не с королевским достоинством. Он не осмеливался встретиться со своим дядей взглядом:

Венис сказал, как бы начиная

разговор.

— Сегодня я был на крейсере.

— На каком крейсере?

— Есть только один крейсер.

Тот крейсер, который Основание чинит для нашего флота. Старый имперский крейсер. я выражаюсь достаточно понятно?

— Ах, этот. Вот видите, я же говорил, что они будут его чинить, если только мы попросим их об этом. Все это ерунда, ваши разговоры о том, что они хотят напасть на нас. Потому что, если бы это было так, зачем бы им чинить корабль? Это ведь не имеет смысла.

— Леопольд, ты дурак!

Король, который только что

расколол орех и попытался выковырять оттуда зерно, покраснел.

— Послушайте-ка, — сказал он со злостью, которая едва ли в чем отличалась от обычной сварливости, — не думаю, что вы можете так меня называть. Вы забываетесь. Через два месяца я стану совершеннолетним.

— Да, и ты просто прекрасно подготовился для принятия королевской власти. Если бы ты хотя бы половину того времени, что тратишь на охоту, тратил бы на общественные дела, я спокойно бы подписал свой уход от регентства.

— А мне плевать. И вообще здесь все это ни к чему. Даже если

вы регент и мой дядя, то я — король все-таки, а вы — мой подданный. Вы не должны называть меня дураком и, кстати, не должны сидеть в моем присутствии. Вы у меня разрешения не спросили. Я думаю, вам следует быть более осторожным, дядя, или я сам об этом позабочусь... скоро. Взгляд Вениса был холоден.

— Могу ли я обратиться к вам, ваше величество?

— Да.

— Так вот! Вы дурак, ваше величество! Его темные глаза сверкали из-под мохнатых бровей и молодой король медленно сел в кресло. На мгновение лицо регента озарило
ироническое

удовлетворение, однако это выражение быстро исчезло. Его толстые губы раздвинулись в улыбке, он опустил руку на плечо короля.

— Не обращай внимания, Леопольд. Мне не стоило так строго разговаривать с тобой. Иногда просто трудно удержаться и разговаривать в нужном тоне, когда события давят, как... Ты понимаешь?

Если речь его текла умиротворенно, то глаза оставались такими же жесткими, как и раньше.

Леопольд неуверенно сказал:

— Я понимаю. Государственные дела — они очень трудные.

Он подумал не без опаски не заставят ли его сейчас выслушивать

нудные бессмысленные детали о годовой торговле со Смирно или о недавно заселенных мирах Красного Коридора.

Венис продолжал:

— Мой мальчик, я хотел побеседовать с тобой об этом раньше, и, возможно, мне так и следовало сделать, но я знаю, что такой молодой дух нетерпелив к скучным делам управления государством.

Леопольд кивнул головой.

— Ну что вы, дядя, все в порядке...

Венис его перебил и продолжил:

— Однако через два месяца ты станешь совершеннолетним. Более

того, в те трудные времена, которые сейчас наступают, тебе придется принять активное участие в делах государства. Ты станешь королем, Леопольд!

И вновь он кивнул головой, но на его лице ничего не отразилось.

— Будет война, Леопольд!

— Война! Но ведь у нас мирный договор со Смирно...

— Не со Смирно... с самим Основанием.

— Но, дядя, они же согласились починить этот крейсер. Вы сами сказали...

Голос его постепенно затих, когда он увидел презрительно оттопыренную нижнюю губу своего

дяди.

— Леопольд, — сказал тот уже не так дружелюбно, как раньше, — мы должны поговорить с тобой как мужчина с мужчиной. Будет крейсер отремонтирован или не будет, война с Основанием неизбежна и, кстати, она будет скорее, чем он будет отремонтирован. Основание — источник власти и могущества. Все величие Анакреона, весь его флот, его города, его народ и его торговля зависят от той власти, которую нехотя дало нам Основание... Я помню время... Да, я помню, когда города Анакреона топились печками — углем и нефтью, но это все неважно. Ты все равно не поймешь.

— Похоже, — неуверенно возразил король, — что мы должны быть благодарными...

— Благодарными! — взревел Венис. — Благодарны, что они подают нам крохи с собственного стола, а себе оставляют, мы даже вообразить не можем что, и причем делают это с целью. Да они все это делают для того, чтобы в один прекрасный день захватить власть над всей Галактикой.

Он переложил руку на колено племянника, глаза его сузились.

— Леопольд, ты король Анакреона. Твои дети и дети твоих детей могут стать королями вселенной, если только у тебя будет

то могущество, которое Основание от нас скрывает!

— В этом что-то есть.

В глазах Леопольда блеснула какая-то искорка и спина его выпрямилась.

— В конце концов, действительно, какое право они имеют держать что-то только для себя? Это нечестно. Анакреон тоже кое-что значит.

— Вот видишь, ты уже начинаешь понимать. А сейчас, мой мальчик, что, если Смирно тоже решит напасть на Основание и присвоить все их чудеса себе? Ты думаешь, мы долго продержимся, прежде чем сами станем вассалами?

И долго ли ты останешься на своем троне?

Леопольд постепенно приходил в возбуждение.

— Великий космос, вы правы! Вы абсолютно правы. Мы должны напасть первыми. Это будет просто самооборона.

Улыбка Вениса стала шире.

— Более того, когда-то, в самом начале правления твоего деда, Анакреон уже организовал одну военную базу на планете Основания — Терминусе, — базу, жизненно необходимую для национальной самообороны. Нас заставили покинуть эту планету в результате всяческих махинаций лидера этого

Основания, плебея, ученого без капли благородной крови в жилах. Ты помнишь, Леопольд? Твой дед был оскорблен этим подонком. Я его помню! Он был едва ли старше меня, когда прилетел на Анакреон со своею дьявольской улыбкой и своим дьявольским умом. Он прилетел один, но за его спиной стояла мощь трех других королевств, объединившихся в трусливый союз против величия Анакреона.

Леопольд покраснел и глаза его засверкали.

— Клянусь Сэлдоном, был бы я на месте деда, я бы ему отомстил!

— Нет, Леопольд. Мы решили ждать и отомстить за оскорбление в

подходящий момент. Это было мечтой твоего отца перед его безвременной кончиной, что именно он будет тем человеком, который... эх, да что там говорить!

Венис резко отвернулся. Потом, как человек, сдерживающий свои чувства, сказал:

— Он был моим братом. И если бы его сын...

— Да, дядя. Я не подведу его. Я решил. Будет только справедливо, если Анакреон сметет с лица земли этих возмутителей спокойствия и причем немедленно.

— Нет, только не немедленно. Во-первых, мы должны дождаться, когда закончится ремонт боевого

крейсера. Простой факт, что они согласились привести его в боевую готовность, доказывает что они нас боятся. Эти дураки пытаются нас умиротворить, но ведь мы не свернем со своего пути, верно?

И Леопольд радостно ударил себя кулаком в грудь.

— Никогда, пока я — король Анакреона!

Глаза Вениса саркастически блеснули.

— Кроме того, мы должны дожидаться прибытия Сальвора Хардина.

— Сальвора Хардина!

У короля внезапно округлились глаза, и юношеский контур

безбородого лица потерял те почти твердые черты, которые совсем недавно были на нем обозначены.

— Да, Леопольд, сам лидер Основания прибывает на Анакреон на твой день рождения. Вероятно, чтобы успокоить нас своими льстивыми речами. Но это ему не поможет.

— Сальвор Хардин! — это был едва слышный шепот.

Венис нахмурился.

— Ты что, боишься? Это тот самый Сальвор Хардин, который во время своего прошлого визита обливал нас грязью. Я надеюсь, ты не забыл этого смертельного оскорбления королевскому дому? Да

еще от плебея, которому самое место в канаве.

— Нет, не забыл. Нет... Нет! Мы еще отплатим ему, но... но... я немного боюсь.

Регент поднялся.

— Боишься? Кого? Кого, я тебя спрашиваю? Ты...

Он захлебнулся в ярости.

— Я хочу сказать, это будет... э-э-э... немного святотатством — напасть на Основание. Я хочу сказать.

Он замолчал.

— Продолжай.

— Леопольд смущенно проговорил:

— Я хочу сказать... если на

свете действительно существует Космический Дух, он... э-э-э... ему это может не понравиться. Как думаете?

Венис вновь уселся и губы его искривились в странной усмешке.

— Так ты значит всерьез думаешь о галактическом духе, вот как? Вот что значит оставить тебя без присмотра. Ты просто наслушался Вересова, я это так понимаю.

— Он много объяснял мне...

— О Галактическом Духе?

— Да.

— Какой ты еще теленочек. Он верит во всю эту ерунду намного меньше, чем я сам, а я вообще в нее

не верю. Сколько раз тебе говорил, что все это пустая болтовня?

— Да, я помню, но Вересов говорит...

— К черту Вересова, это болтовня.

Наступила короткая, упрямая тишина, а затем Леопольд сказал:

— Все равно все в это не верят. Я имею ввиду, что Хари Сэлдон пророк, и что он создал Основание, чтобы оно выполнило его предвидения, и что в один прекрасный день настанет рай на всей земле, и что каждый, кто ослушается, будет проклят, и уничтожен на веки. Они в это верят. Я бывал на многих празднествах и я

знаю, что это так.

— Да, они верят, но мы — нет. И ты можешь быть только благодарен, что это так, иначе ты был бы не королем по священному праву и сам бы не считался помазанником божьим. Даже очень удобно. Это устраняет все возможности революций и гарантирует абсолютное послушание во всем. И вот почему, Леопольд, ты должен принять активное участие в войне против Основания. Я только регент и, следовательно — человек. Ты же для них король, более того — полубог.

— Но по-моему это совсем не так, — машинально ответил король.

— Не совсем так, — последовал иронический ответ. — Но все так считают, за исключением Основания, конечно. Ты понял? Для всех, кроме Основания. Как только мы их уничтожим, некому будет уже сомневаться в том, что ты избранник божий. Подумай об этом!

— И тогда мы сами сможем управлять этими могущественными коробками в храмах и водить корабли без людей, и принимать святую, которая излечивает от рака и получить остальное? Вересов говорит, что только благословенные Галактическим Духом могут...

— Вот именно, Вересов говорит! Вересов, второй после

Хардина, — твой самый злейший враг. Будь со мной, Леопольд, и не думай о них. Вместе мы создадим Империю, не просто королевство Анакреон, а такое, которое охватывает каждое из биллионов солнц Галактики. Разве это не лучше, чем слова вроде «рай на земле».

— Да-а-а.

— Разве может Вересов обещать большее?

— Нет.

— Очень хорошо.

Голос его звучал повелительно.

— Думаю, можно считать, что с этим делом покончено. Мы договорились. — Он не дождался ответа. — А теперь иди, я буду

позже. И вот еще что, Леопольд.

Молодой король обернулся с порога.

Венис улыбнулся, но его глаза оставались холодными.

— Будь осторожен на охоте, мой мальчик. После несчастного случая, который произошел с твоим отцом, у меня все время появляются какие-то странные предчувствия относительно тебя. Надеюсь, ты будешь осторожен. И ведь ты сделаешь то, о чем мы с тобой говорили, правда?

Глаза Леопольда расширились и он опустил свой взгляд.

— Да... конечно, дядя.

— Прекрасно.

Без всякого выражения на лице он посмотрел в след удаляющемуся племяннику и вернулся к столу.

Мысли уходящего Леопольда были трезвы и лишены страха. Может это будет и к лучшему: победить Основание и добиться той власти, о которой говорил Венис. Но после, когда война кончится, и он будет крепко сидеть на троне...

Он внезапно остро осознал то, что Венис и два его взрослых сына были в настоящее время единственными наследниками трона.

Но он был королем. А короли могли приказывать выстрелить. Даже в своих дядей и братьев.

После Сермака Льюис Борт был наиболее деятелен в подборе кадров, которые сейчас вливались в их так называемую партию Действия. И тем не менее он не был членом делегации, нанесший визит Хардину почти полгода тому назад. Так получилось не потому, что партия не признавала его стараний, как раз напротив. Он отсутствовал по той простой причине, что в это время находился на Анакреоне.

Он посетил планету как частное лицо. Он нигде не регистрировался и не делал ничего важного. Он просто наблюдал темные стороны жизни

этой планеты и совал свой длинный нос в самые темные ее углы.

Он прилетел домой в сумерках короткого зимнего дня, который начался с облаков и который кончился снегопадом, и уже через час сидел за столом в доме Сермака.

Первые его слова не были рассчитаны на то, чтобы улучшить настроение собравшихся, которое уже было достаточно угнетено сгущающимися сумерками и снегопадом за окном.

— Боюсь, — сказал он, — что наше положение называется так: «Дело наше пропадающее».

— Вы так считаете? — угрюмо спросил Сермак.

— Думать тут не о чем уже, Сермак. Другого мнения быть не может.

— Оружие... — начал доктор Вальто несколько официально, но Борт прервал его.

— Забудьте о своем оружии. Это старо.

Его взгляд прошелся по лицам.

— Я говорю о народе. Я признаю, что попытка организовать дворцовый переворот и посадить на трон своего короля, благожелательно настроенного к Основанию — моя идея. Это была хорошая идея. Она и сейчас хороша. В ней есть только один маленький недостаток: ее невозможно осуществить. Великий

Сальвор Хардин позаботился об этом.

Сермак угрюмо сказал:

— Если вы расскажите нам все подробности, Борт...

— Подробности! Но их нет! Все это не так просто. Надо брать всю эту проклятую ситуацию на Анакреоне в целом. Дело в религии, которую насадило Основание. Она действует.

— Подумаешь!

— Вы должны видеть, как она действует, чтобы понять. На Терминусе вы видите только много школ, в которых обучают священников, да иногда еще устраивается специальное

представление для пилигримов на окраине города — вот и все. Нас, в основном, это почти не касается. Но на Анакреоне...

Лем Тарки разгладил одним пальцем модный узел на галстукe и откашлялся:

— Что же это за религия? Хардин всегда говорил, что это — обычная болтовня, чтобы заставить признать нашу науку без ненужных вопросов. Ты помнишь, Сермак, он нам тогда сказал...

— Объяснения Хардина, — напомнил ему Сермак, — вряд ли когда можно принимать на веру. Но все-таки, что же это за религия, Борт?

Борт задумался.

— С этической точки зрения с ней все в порядке. Она мало отличается от бывших философских течений старой Империи. Высокие моральные устои и все такое прочее. Тут мало что можно возразить. Религия — одно из высших цивилизующих влияний истории, и в этом отношении она выполняет...

— Все это нам известно. — нетерпеливо прервал его Сермак. — К делу!

— Пожалуйста.

Борт был несколько сбит с толку, хотя ничем не показал этого.

— Религия, которую Основание насадило и всячески поощряет

основана на беспрекословном послушании. Каста жрецов полностью контролирует все машины, которые мы передали Анакреону, но они умеют управлять ими чисто эмпирически. Они целиком и полностью верят в религию и... ГМ... в духовную подоплеку энергии, которой распоряжаются. Например, два месяца назад какой-то кретин пытался манипулировать с энергетической станцией в одном из самых больших храмов. И, конечно, в результате взорвал пять городских кварталов. Это было рассмотрено всеми, включая и жрецов, как великая священная месть.

— Я помню смутно, в газетах что-то писали об этом случае. Правда, я не вижу, к чему вы клоните.

— Тогда послушайте, — напряженно сказал Борт. — Каста священников образует иерархию, во главе которой стоит король, на которого смотрят как на полубога. Он является абсолютным монархом, помазанником божьим, и в это слепо верит и народ и жрецы. Короля просто так нельзя взять и скинуть. Теперь вы поняли?

— Подождите, — вмешался в разговор Вальто, — что вы имели в виду, когда сказали, что все это — дело рук Хардина. Он-то тут причем?

Борт с горечью посмотрел на

него.

— Основание поддерживает этот обман изо всех сил. Оно поддерживает его всеми своими научными достижениями. На Анакреоне нет ни одного праздника, на котором бы король не появлялся бы без радиоактивной ауры, сияющей вокруг всего его тела и поднимающейся короной вокруг его головы. Каждый, кто коснется его, сжигает тем самым часть своего тела. В критические минуты король может перемещаться по воздуху из одного места в другое. Считается, что это происходит по вдохновению Святого Духа. По мановению его руки храмы освещаются жемчужным

неземным светом. Можно без конца перечислять эти вполне простые трюки, которые мы предоставили в его распоряжение, но даже жрецы, сами исполняющие для него эти трюки, верят в них.

— Плохо, — сказал Сермак, закусив губу.

— Мне хочется плакать фонтаном Городского Парка, — образно и честно признался Борт, — когда я думаю о том шансе, который мы прозевали. Возьмите положение вещей тридцать лет тому назад, когда Хардин спас Основание от Анакреона. В это время народ Анакреона не понимал, что старая Империя терпит крах. Они более или

менее сами занимались своими делами, но даже тогда, когда все коммуникации были прерваны и дед-пират нынешнего короля Леопольда воцарился на троне, они так до конца и не осознали, что Империи — конец.

— Если бы у Империи хватило смелости, она смогла бы восстановить свое положение, послав туда два своих крейсера, и без всякого сомнения, она могла спокойно надеяться, что внутри страны тоже найдет поддержку. И мы, МЫ, могли бы сделать то же самое, но нет, Хардин организовал поклонение монарху. Лично я этого не понимаю. Почему? Почему?

— Что делает Вересов? — вмешался Джеймс Орон. — Ведь когда-то он был одним из активных участников партии действия. Чем он там занимается? Неужели он тоже слеп?

— Я не знаю, — жестко сказал Борт. — Он там первосвященник. Насколько я понял, он ничего не делает, ограничиваясь одними советами и указаниями жрецам по техническим деталям. Первосвященник, черт его подери, первосвященник!

Наступило молчание и все взгляды устремились на Сермака. Молодой вождь партии нервно грыз ногти, затем он громко сказал:

— Ничего хорошего. Тут что-то не так!

Он оглядел своих собеседников по очереди и добавил еще более энергично:

— Значит, Хардин просто глуп?

— Похоже на то, — пожал плечами Борт.

— Никогда! Во всем этом что-то есть. Надо быть неимоверно глупым человеком, чтобы так тщательно и безнадежно перерезать свою собственную глотку. Даже более глупым, чем Хардин, если считать его дураком, а я так не считаю. С одной стороны — организовать религию, которая бы всячески исключила возможность беспорядков

внутри страны, с другой — вооружить Анакреон самым совершенным и мощным оружием. Я этого не понимаю.

— Я готов признать, что здесь что-то не так, — нервно сказал Вальто. — Они ему заплатили.

Но Сермак нетерпеливо мотнул головой.

— Этого я тоже не думаю. Происходит нечто ненормальное, лишенное смысла... Скажи мне, Борт, ты слышал что-нибудь о военном крейсере, который Основание должно отремонтировать и привести в боевую готовность для флота Анакреона?

— Боевом крейсере?

— Старом имперском крейсере.

— Нет, не слышал. Но это ничего не значит. Космодромы там являются религиозными святыми местами, на которые народ не может глядеть. Никто никогда не ведет разговор о военном флоте.

— Но до нас дошли слухи. Некоторые члены нашей партии высказались по этому поводу в Совете. Хардин ничего и не подумал отрицать. Его представитель объявил, что слухи ходят разные и на этом все кончилось. Это может иметь какое-то значение.

— Так же, как и все остальное, — сказал Борт. — Если это правда — то это абсолютное

безумие. Хотя и не хуже, чем все остальное.

— Мне кажется, — зло сказал Сермак, — такой чертик в коробочке, который выскочит в нужный момент и заставит Вениса упасть в обморок. Основанию легче взорвать самому себя, чтобы больше не мучиться, чем рассчитывать на какое-то секретное оружие.

— Ну что ж, — сказал Орси торопливо, меняя тему разговора, — тогда вопрос стоит так: сколько у нас осталось времени? А, Борт?

— Вопрос что надо. Но не ждите от меня ответа. Я не знаю. Пресса на Анакреоне вообще никогда не упоминает Основание. В газетах

сейчас полно статей о предстоящем празднестве и ничего больше. На следующей неделе Леопольд станет совершеннолетним.

— Тогда у нас в запасе еще несколько месяцев.

Пальто улыбнулся первый раз за вечер.

— Это даст нам нужное время...

— Черта с два нам это даст! — выкрикнул Борт нетерпеливо. — Говорю вам, король для них — это бог. Вы думаете, ему придется вести пропагандистскую компанию, чтобы поднять в народе боевой дух? Или он будет изо всех сил агитировать своих людей, обвинять нас в агрессивных намерениях и упираться на дешевые

эмоции? Когда придет время начать нападение, Леопольд отдаст приказ и люди пойдут драться. Все очень просто. Это самая проклятая из всех систем. Ты не задаешь вопросов богу. Он может отдать приказ прямо завтра, а вы, если хотите, можете свернуть из него самокрутку.

Все они попытались заговорить одновременно и Сермак стал стучать кулаком по столу требуя тишины. Вдруг входная дверь отворилась и в комнату ввалился Леви Нораг. Он поднялся по лестнице, стряхивая со своей куртки мокрый снег.

— Вы только поглядите, — вскричал он, кинув на стол газету, тоже припорошенную снегом. — По

всем каналам телевидения идут передачи.

Газету развернули и пять голов склонились над ней.

Сермак сказал хриплым голосом:

— Великий космос! Он едет на Анакреон. Едет на Анакреон!

— Это предательство! — пискнул Тарки, внезапно возбуждаясь. — Черт меня побери, если Вальто не прав! Он нас просто предал, а сейчас едет за платой.

Сермак поднялся.

— Теперь у нас нет выбора. Я попытаюсь завтра убедить Совет, чтобы Хардину было предъявлено обвинение. Если это не поможет...

Снег прошел, но он покрыл заносами землю, и легковой автомобиль с трудом пробирался по пустынным улицам. Серая заря наступившего утра была холодна не только в поэтическом смысле, но и в буквальном. В такое холодное утро вряд ли кто-нибудь стал бы заниматься довольно запутанной политикой Основания, будь то член партии Действия или сторонник Хардина.

Иоганну Ли положение вещей явно не нравилось, и он ворчал все громче.

— Это будет выглядеть

достаточно плохо, Хардин. Они скажут, что ты улизнул.

— Пусть говорят, что хотят. Я должен попасть в Анакреон и я хочу сделать это спокойно. Прекрати, Ли.

Хардин откинулся на спинку сидения и слегка задрожал. Внутри хорошо отапливаемого автомобиля не было холодно, но что-то мерзкое было в этом покрытом снегом мире, проскальзывающем за окном автомобиля и Хардина это раздражало.

Он машинально произнес:

— Когда-нибудь надо будет начать контролировать погоду на Терминусе. Это можно сделать.

— Я бы предпочел, — ответил

Ли, — покончить в первую очередь с другими делами. Например, как ты относишься к тому, чтобы контролировать не погоду, а, скажем, Сермака? Хорошая сухая камера, в которой круглый год температура не будет превышать двадцати пяти градусов по Цельсию, вполне ему подойдет.

— После чего мне, действительно, понадобятся телохранители, — ответил Хардин, — и не только эти двое. — Он указал на двух телохранителей, которые ехали на переднем сидении вместе с шофером. Глаза их твердо оглядывали пустынные улицы, руки без дрожи сжимали атомные

бластеры.

— По моему, ты просто-напросто хочешь развязать гражданскую войну.

— Это я хочу развязать гражданскую войну? Поищи вокруг себя найдешь для нее достаточное количество причин.

Он стал считать по пальцам.

— Раз! Сермак вчера устроил бучу на заседании Совета и потребовал, чтобы тебе было предъявлено обвинение.

— Он имел на это полное право, — спокойно перебил его Хардин. — Кроме того, его предложение было отвергнуто 206-ю голосами против 184.

— Безусловно. Большинство в 22 голоса, когда мы рассчитывали по меньшей мере на 60. Не спорь, ты сам это прекрасно знаешь.

— Чуть было не проиграли, — признался Хардин.

— Прекрасно. И два — после голосования 59 членов партии Действия поднялись и ушли из Совета.

Хардин ничего не ответил, а Ли продолжал:

— И, в-третьих, перед уходом Сермак заявил, что ты предатель, что ты едешь на Анакреон за тридцатью серебряниками, что голосовавшие за тебя вольно или невольно участвуют в предательстве, и что их партию

называют партией Действия не просто за здорово живешь. И что это по-твоему значит?

— По-моему, неприятности.

— А сейчас ты пытаешься улизнуть пораньше утром, как преступник. Ты должен, Хардин, встретить их лицом к лицу, и если потребуется то, черт побери, объявить военное положение!

— Насилие — это последнее убежище...

— ...Беспомощного! Чушь!

— Ну, хорошо. Посмотрим. А сейчас слушай меня внимательно, Ли. Тридцать лет назад сейф Сэлдона открылся, и на пятидесятилетие Основания появилась видеозапись

Хари Сэлдона, чтобы дать нам впервые понять, что происходит на самом деле.

— Помню.

Ли мечтательно кивнул головой и грустно улыбнулся.

— Это был тот самый день, когда мы взяли верх над правительством.

— Вот именно. В те дни наступил наш первый большой кризис. Сейчас — второй, а ровно через три недели наступит 80-я ГОДОВЩИНА Основания. Не кажется ли тебе это совпадение несколько странным?

— Ты хочешь сказать, что он опять появится?

— Я еще не кончил. Сэлдон никогда и ничего не говорил о том, что он вернется, но это одна из деталей всего плана. Он всегда старается скрывать от нас то, что должно произойти в будущем. Невозможно также сказать, установлен ли радиационный замок сейфа на, чтобы открыться еще один или несколько раз. Разве что для этого придется разобрать весь механизм, а это, вероятно, приведет к тому, что он разрушит сам себя, если мы попытаемся. Я приходил туда в каждую годовщину после его первого появления. Просто на всякий случай. Он ни разу не показался, но сейчас у нас наступает очередной

кризис...

— Значит, он появится?

— Может быть, я не знаю. Однако, дело не в этом. На сегодняшней сессии Совета, как только ты объявишь, что я улетел на Анакреон, ты сделаешь официальное заявление, что 14 марта сего года появится новая видеозапись Хари Сэлдона, содержащая послание наивысшей важности касательно недавнего второго кризиса, успешно закончившегося. Это очень важно, Ли. Больше ничего не говори, какими бы вопросами тебя не засыпали.

Ли уставился на него.

— А они поверят?

— Это не имеет значения. Это

их смутит, а больше мне ничего и не надо. Они будут думать и гадать, правда это или нет, а если нет, то для чего мне это потребовалось. Тем временем они отложат все свои действия на это число. Я вернусь задолго до этого.

Ли выглядел неуверенным.

— Но ты хочешь, чтобы я сказал «успешно закончившегося»? Ведь это вранье!

— Которое, тем не менее, всех очень смутит. А вот и космодром?

Корпус ожидающего звездолета тускло блестел в тумане. Хардин пробрался к нему сквозь снежные заносы и уже у самого трапа повернулся, подняв руку.

— До свидания, Ли. Мне очень неприятно, что я оставляю тебя одного в таком пекле, но мне некому больше доверять. Только постарайся сделать все правильно.

— Не беспокойся. Я сделаю все, что ты мне сказал. — Он отступил в сторону, и люк за Хардиным закрылся.

Сальвор Хардин не сразу полетел на Анакреон. Он прибыл на него лишь за день до коронации, успев нанести визиты восьми меньшим звездным системам королевства, останавливаясь лишь для того, чтобы посоветоваться с местными представителями Основания.

Это путешествие заставило его еще лучше понять, каким огромным было королевство. И хоть оно было крохотной точкой по сравнению с колоссальными размерами Галактической Империи, часть которой оно когда-то составляло для

человека, чьи привычки и мысли всегда вращались вокруг всего одной планеты, размер королевства Анакреона и количество его населения представлялось ошеломляюще огромным.

Строго следуя границам бывшего Доминиона, Анакреон включал в себя двадцать пять звездных систем. На шести из них существовала даже не одна, а несколько обитаемых планет. Население из девятнадцати миллиардов было хотя и меньше, чем во времена Империи, но быстро росло, пользуясь научными достижениями, предоставляемыми им Основанием.

И только теперь Хардин понял

по-настоящему всю сложность своей задачи. Прошло уже целых тридцать лет, а только столица всего королевства получала атомную энергию. В провинциях ее еще и в помине не было. Даже тот небольшой прогресс, который произошел, не был бы возможен без реликтов, которые оставила после себя умирающая Империя.

Когда Хардин прибыл в столицу, все было тихо и спокойно. В провинциях все еще продолжались празднества по случаю скорого вступления короля на престол, но на самом Анакреоне к этому великому дню все еще шли лихорадочные приготовления.

Хардину удалось украсть всего лишь полчаса времени у измученного и куда-то спешащего Вересова, прежде чем его посол вновь не кинулся в какой-то храм заниматься очередными приготовлениями к празднику. Но эти полчаса принесли ему полное удовлетворение. И Хардин решил отправиться посмотреть на ночной фейерверк, окончательно успокоившись.

В основном он действовал, как наблюдатель потому что у него не было сил выполнять религиозные обряды, которые ему непременно пришлось бы, кстати, выполнять, если бы он только объявил, кто он такой. Поэтому, когда бальный зал

короля наполнился сверкающей и переливающейся толпой самой высшей знати, он тихо прислонился к стене, никем незамеченный и почти невидимый.

Он был представлен королю Леопольду наряду со многими другими, ждущими этого представления, и с безопасного расстояния, так как король стоял в гордом и торжественном одиночестве, окутанный смертельным сиянием ауры. И не пройдет и часа, как этот же самый король займет место на массивном троне из иридиорадиевого сплава, украшенного драгоценными камнями в золотых оправках, а затем трон

торжественно поднимется в воздух и медленно подплывает к большому окну, в котором толпа простолюдинов увидит своего короля и будет затем вопить до умопомрачения. Трон, конечно, не был бы таким массивным, если бы в него не был встроен атомный двигатель.

Было больше одиннадцати часов вечера. Хардин подошел поближе и поднялся на носки, чтобы лучше видеть. Он подавил в себе желание взобраться на стул. А затем он увидел Вениса, который продирался сквозь толпу, и тут же принял прежнюю позу.

Венис подвигался медленно.

Почти на каждом шагу ему приходилось останавливаться и говорить несколько ласковых слов какому-нибудь известному дворянину, дед которого помог деду Леопольда прийти на престол к власти и был вознагражден за это герцогством на вечные времена.

А затем он избавился от последнего расфуфыренного дворянина и подошел к Хардину. Его улыбка перекосила лицо на две части, а черные глаза сверкнули из-под мохнатых ресниц с неиссякаемым удовлетворением.

— Мой дорогой Хардин, — сказал он низким голосом, — нет ничего удивительного в том, что вы

скучаете — ведь вы не назвали себя.

— Но я не скучаю, ваше высочество. Мне очень интересно. Вы же знаете, у нас на Терминусе нет ничего похожего.

— Несомненно. Но не пройдете ли вы в мои покои, где мы сможем поговорить и где никто нам не будет мешать.

— Конечно.

Они спустились по лестнице и не одна графиня-вдовушка поднимала свой лорнет в полном изумлении, кто же это так плохо одетый и не интересно выглядевший незнакомец, которому выпала такая большая честь от самого принца-регента.

В покоях Вениса Хардин

полностью расслабился, развалился в кресле и пробормотал благодарность за предложенный стакан вина, налитый ему рукой самого регента.

— Вино с Локриса, Хардин, — сказал Венис, — из королевских погребов. Настоящее вино. Ему двести лет. Оно было разлито по бочкам за десять лет до революции.

— Королевский напиток, — вежливо согласился Хардин. — За Леопольда первого, короля Анакреона.

Они выпили и Венис спокойно добавил:

— И за будущего короля всей Периферии, а дальше — кто знает? Может быть Галактика когда-нибудь

будет объединена.

— Несомненно, Анакреоном?

— Почему бы и нет? С помощью

Основания наше научное
превосходство над остальной частью
периферии несомненно?

Хардин поставил пустую рюмку
на стол и сказал:

— Это, конечно, так, но
Основание помогает любой нации,
которой требуется хоть малейшая
научная помощь. Исходя из высоких
идеалистических принципов нашего
правительства и великой моральной
цели нашего основоположника Хари
Сэлдона, мы не можем отдавать
кому-либо предпочтение. С этим
ничего нельзя поделать, ваше

высочество.

Улыбка Вениса стала еще шире.

— Галактический дух, выражаясь народным языком, помогает тем, кто помогает самим себе. Я прекрасно понимаю, что если предоставить Основание самому себе, оно никогда не окажет помощи.

— Я этого не говорил. Мы отремонтировали для вас имперский крейсер, хотя мой навигационный отдел хотел заполучить его для научных изысканий.

Регент с иронией повторил последние слова:

— Научных изысканий! Вот именно! Но вы бы никогда не стали бы его чинить, если бы я не

пригрозил вам войной.

Хардин пожал плечами.

— Я этого не знаю.

— Но я знаю. Эта угроза всегда оставалась.

— И останется?

— Сейчас уже слишком поздно говорить о каких бы то ни было угрозах.

Венис бросил быстрый взгляд на часы, стоящие на столе.

— Послушайте, Хардин, вы уже были один раз на Анакреоне. Тогда вы были молоды, мы оба тогда были молоды, но даже и тогда смотрели на жизнь с разных точек зрения. Вы ведь тот, кого называют мирным человеком?

— Мне так кажется. По крайней мере, я считаю, что насилие — это не законный путь достижения цели. Всегда существует способ выйти из положения, хотя, может быть, и не такой прямой.

— Да, я слышал ваше знаменитое выражение: «насилие — последнее прибежище беспомощного». И все же, — тут регент в забывчивости стал трепать себя за ухо, — я бы не назвал себя беспомощным.

Хардин вежливо кивнул головой, но ничего не ответил.

— И несмотря на это, — продолжал Венис, — я всегда верил в то, что действовать надо прямо. Я

верил, что всегда можно проложить прямой путь к своему сопернику и следовать этим путем. Таким образом я многого добился и надеюсь добиться еще большего.

— Знаю, — перебил его Хардин. — Мне кажется именно этот прямой путь вы проложили для себя и своих детей, и ведет он прямо к трону если вспомнить недавний случай с отцом короля, вашим братом, и довольно слабое здоровье теперешнего короля. Ведь у него слабое здоровье, не правда ли?

Венис нахмурился на этот выпад и голос его стал жестче.

— Вам было бы только полезно, Хардин, если бы вы избегали кое-

каких тем для разговора. Вы, конечно, считаете, что как мэр Терминуса находитесь в привилегированном положении и можете делать всякие... гм... глупые замечания, но если это так, то не обманывайте себя. Меня трудно напугать словами. Один из моих жизненных принципов тот, что трудности исчезают, когда ты смело идешь им на встречу, а я еще ни разу не поворачивался к ним спиной.

— Я в этом не сомневаюсь. И к какой именно трудности вы не собираетесь поворачивать спиной в данный момент?

— К трудности, Хардин, уговорить Основание помочь нам.

Видите ли, ваша политика мира заставляет вас сделать несколько серьезных ошибок просто потому, что вы недооценили смелости своего соперника. Ни один человек так не боится действовать, как вы.

— Например? — вставил Хардин.

— Например вы прибыли на Анакреон один и в мои покои тоже пошли один.

Хардин огляделся по сторонам.

— И что тут такого неправильного?

— Ничего, — сказал регент, — кроме того, что снаружи этой комнаты стоят пять охранников, хорошо вооруженных и готовых

стрелять по первому моему приказу. Я не думаю, что вам удастся уйти, Хардин.

Брови мэра высоко поднялись.

— Но я сейчас никуда и не хочу уходить. Но неужели вы меня так боитесь?

— Я вас вообще не боюсь, но так вы будете больше уверенны в моей непреклонности. Или вы хотите назвать это прихотью?

— Называйте, как хотите, — сказал Хардин безразличным тоном. — Я не собираюсь обсуждать с вами этот инцидент, как бы вы его не называли.

— Я уверен, что ваше отношение изменится со временем.

Но вы сделали серьезную ошибку, Хардин, куда более серьезную. Насколько я знаю, ваша планета Терминус почти не имеет защиты.

— Естественно! Чего нам бояться? Мы никому не угрожаем и относимся ко всем одинаково.

— И оставаясь безоружными, — продолжил Венис, — вы великодушно помогли нам вооружиться, сделав ценное, очень важное добавление к нашему космическому флоту. К флоту, который после того, как в нем появился имперский крейсер, стал непобедимым.

— Ваше высочество, вы теряете время.

Хардин сделал вид, что он собирается встать с кресла.

— Если вы хотите объявить войну, и, грубо говоря, объявляете мне ее, в таком случае позвольте мне немедленно связаться со своим правительством.

— Сядьте, Хардин. Я не объявляю вам войны и вы не свяжетесь со своим правительством. Когда мы начнем войну — не объявим, Хардин, а начнем — тогда Основание будет информировано об этом атомными пушками флота Анакреона, командовать которым будет мой сын с борта флагманского корабля «Венис», с настоящего времени, крейсера нашего

королевского флота.

Хардин нахмурился.

— Когда все это произойдет?

— Если вам действительно интересно, то флотилия звездолетов улетела с Анакреона ровно пятьдесят минут назад, в одиннадцать часов вечера, а первый выстрел будет произведен как только перед ними появится Терминус, то есть в полдень завтрашнего дня. Вы можете считать себя военнопленным.

— Именно пленным я себя и считаю, ваше высочество, — ответил Хардин, все еще хмурясь. — Но я разочарован.

Венис презрительно усмехнулся.

— И это все, что вы можете

сказать?

— Да. Я думал, что начать войну будет логично в момент коронации, в двенадцать часов. Очевидно, вы решили открыть военные действия, пока вы все еще являетесь регентом. Но все-таки сделайте вы по-моему, это было бы более красиво.

Регент уставился на него.

— О чем вы говорите?

— Разве непонятно? — мягко сказал Хардин. — Я назначил свой ответный удар ровно на полночь.

Венис подпрыгнул в кресле.

— Со мной вам не удастся блефовать. Никакого контрудара не существует. Если вы рассчитываете на поддержку других королевств,

забудьте о них. Их флот, даже объединившийся вместе, не может сравниться с нашим.

— Это я знаю и не собираюсь сделать и выстрела. Просто, еще неделю назад было объявлено, что с сегодняшней полночи планета Анакреон находится под запретом.

— Под запретом?

— Да. Если вы не понимаете, то могу объяснить: каждый священник на Анакреоне начнет забастовку, если я не отменю приказа. Но я не могу это сделать, раз я арестован, да и желания у меня никакого нет.

Он наклонился вперед и добавил с внезапной живостью в голосе:

— Понимаете ли вы, ваше

высочество, что нападение на
Основание — это самое большое
кощунство, которое вы могли
придумать?

Венис явно пытался взять себя в
руки.

— Мне все это неинтересно,
Хардин. Оставьте свои рассуждения
для толпы.

— Мой дорогой Венис, а как же
иначе? Я думаю, что за последние
полчаса каждый храм на Анакреоне
стал центром толп, слушающих
священников, которые произносят
именно то, что вы только что
слышали. На Анакреоне не осталось
ни одного мужчины, ни одной
женщины, которые бы не знали, что

их правительство организовало нападение, ничем не обоснованное, на центр их религии. Но до полуночи осталось всего четырнадцать минут. Советую вам спуститься в зал и наблюдать за событиями. Меня тут будут охранять целых пять стражников, так что не беспокойтесь.

Он откинулся на спинку кресла, налил себе еще рюмку вина и с полным безразличием уставился в потолок.

Венис крепко выругался и выбежал из комнаты.

Элита бального зала тихонько зашумела, когда перед троном был расчищен широкий проход. На нем,

положив руки на подлокотники, сейчас восседал Леопольд с гордо поднятой головой и каменным выражением лица. Свет канделябр чуть померк в свете многих цветных атомных лампочек потолка, королевская аура сверкала и переливалась, образуя вокруг его головы корону.

Венис остановился на пороге. Его никто не видел — все глаза были устремлены к трону. Он сжал руки в кулаки и заставил себя вспомнить, где он находится. Хардину не удастся его блеф и он не вынудил Вениса сделать какую-нибудь глупость.

А затем трон заколебался. Он бесшумно поднялся вверх и поплыл.

С пьедестала, вниз по ступеням, а потом в шести дюймах от пола к широкому открытому окну.

С протяжным звуком колокола, который обозначал полночь, трон остановился перед окном и... королевская аура исчезла.

Какую-то долю секунды король не двигался, лицо его было искажено изумлением, без ауры он был самым обычным человеком. Потом трон заколебался и рухнул с шести дюймов на пол. И одновременно во дворце погас свет.

Сквозь всеобщие крики и начавшуюся панику раздался громовой голос Вениса:

— Факелы! Зажгите факелы!

Расшвыривая толпу направо и налево, он пробрался к двери. Дворцовая охрана потоком лилась в темноту.

Откуда-то принесли факелы. Гигантские факелы, которые должны были нести по улицам процессии после коронации короля.

Обратно в зал охранники возвратились с фонарями: голубыми, зелеными, красными, и странный их свет озарил испуганные лица придворных.

— Ничего страшного не произошло, — прокричал Венис. — Оставайтесь на своих местах. Через несколько минут вновь будет подана энергия.

Он повернулся к капитану стражи, который стоял, вытянувшись по стойке смирно.

— В чем дело, капитан?

— Ваше высочество, — последовал немедленный ответ, — дворец окружен жителями города.

— Чего они хотят? — прорычал Венис.

— Во главе их священник. Его узнали. Это первосвященник Павел Вересов. Он требует немедленного освобождения мэра Сальвора Хардина и прекращения военных действий против Основания.

Рапорт был отдан бесстрастным голосом офицера. Но он все время отводил свой взгляд в сторону.

— Если хоть кто-нибудь из этих плебеев, — прокричал Венис, — попытается ворваться во дворец, — стреляйте без предупреждения! Это все. Пусть себе воюют! Завтра утром мы поговорим иначе.

Факелы были сейчас рассредоточены и зал опять озарился светом. Венис подбежал к трону, все еще стоящему у окна, и вытащил забившегося туда, испуганного, с желтым от страха лицом Леопольда. Он встряхнул короля и поставил его на ноги.

— Пойдем со мной.

Он посмотрел в окно. В городе было темным-темно. Внизу раздавались хриплые беспорядочные

крики толпы. Только справа, там, где стоял храм, была иллюминация. Он злобно выругался и потащил короля за собой.

Венис ворвался в свои покои вместе с пятью охранниками, следовавшими за ним по пятам. Леопольд вошел вслед за ними. Глаза его были широко раскрыты и он не мог вымолвить ни слова.

— Хардин, — хрипло сказал Венис, — вы играете с огнем, о который можете обжечься.

Мэр не обратил на него никакого внимания. Окруженный жемчужным светом карманной атомной лампочки, он продолжал спокойно сидеть в кресле. На его лице

блуждала ироническая улыбка.

— Добрый вечер, ваше величество, — сказал он Леопольду. — Я поздравляю вас с коронацией.

— Хардин, — вновь закричал Венис, — прикажите своим жрецам вернуться на свои места!

Хардин холодно взглянул на него.

— Приказывайте им вы, Венис, и тогда мы посмотрим, кто из нас играет с огнем, о который можно обжечься. В настоящий момент на Анакреоне не вертится ни одно колесо, не горит ни одна лампочка, кроме как в храмах. На той половине планеты, где царит зима, не работает

ни один отопительный прибор, кроме как в храмах. Больницы больше не принимают пациентов, энергостанции закрылись. Все воздушные аппараты приземлены. Если вам это не нравится, Венис, вы и прикажите жрецам вернуться на свои места. Что же касается меня, то я этого не хочу.

— Клянусь космосом, Хардин, я прикажу. Если дело идет к развязке, да будет так! Посмотрим, смогут ли ваши жрецы противостоять армии. Сегодня ночью каждый храм на планете перейдет в военное ведомство.

— Прекрасно, но как вы думаете отдавать приказы? Каждая линия

связи на планете прервана. Вы убедитесь сами, что радио не будет работать, телевизоры и передатчики тоже. Честно говоря, единственный аппарат на планете, который будет работать, не считая храмов, конечно, это телевизор, находящийся в этой комнате, да и то я его настроил только на прием.

Венис тщетно боролся со своим прерывистым дыханием, а Хардин продолжал говорить:

— Если хотите, можете приказать своей армии захватить Арголийский храм рядом с дворцом, а затем использовать ультракоротковолновый передатчик, чтобы наладить контакт с другими

частями планеты. Но если вы это сделаете, то, боюсь, ваша армия будет раздавлена и разорвана на клочки толпой, а тогда кто защитит ваш дворец, Венис? А что будет с вами, Венис?

С трудом дыша, он ответил:

— Мы еще будем бороться, ты, дьявол. Мы продержимся день, а тогда придут новости, что Основание завоевано. Ваше толпа поймет, на какой пустоте была построена ее религия, и они покинут ваших священников и обернутся против них. Я вам даю время до завтрашнего полудня, Хардин, потому что вы можете остановить все машины на Анакреоне, но вы не

можете остановить мой флот!

Он говорил все более возбужденным, ломающимся голосом: — Они уже в пути, Хардин, а во главе их тот самый крейсер, который вы сами привели в порядок.

— Да, — легко ответил ему Хардин, — крейсер, который я сам приказал починить... но так, как мне этого хотелось. Скажите мне, Венис, вы когда-нибудь слышали об ультразвуковом реле? Нет, вижу, что нет. Что же, минуты через две, вы сами увидите, что можно сделать...

Пока он говорил, экран телевизора внезапно зажегся, и Хардин поправил себя:

— Нет, через две секунды.

Садитесь, Венис, и слушайте.

Тео Апорат был на Анакреоне одним из священников самого высокого ранга. Благодаря этому своему рангу он получил назначение главного жреца на космолете «Венис».

Но дело было не только в ранге. Он знал корабль. Он принимал участие в его ремонте под руководством людей Основания. Он изучил двигатели по их приказам. Он чинил экраны, налаживал коммуникации, вправлял вмятины в корпусе, налаживал волшебные лучи. Ему даже разрешили помочь, когда мудрые люди с Основания собирали

такой святой прибор, который до этого ни разу не помещался ни на каких других кораблях и был специально создан для огромного колосса — ультракоротковолновое реле.

Поэтому ничего удивительного, что у него болело сердце, когда он узнал для какой цели предназначается этот удивительный корабль. Он не хотел даже верить тому, что сказал ему Вересов: будто крейсер должен был выполнить такое жуткое злодейство, будто его пушки должны были обратиться против Основания, где он в молодости учился, Основания, из которого исходила вся святость.

И все же теперь у него не оставалось сомнений, в особенности после того, что ему сказал адмирал.

Как мог корабль, благословенный богом, позволить себе такой кощунственный акт? И был ли виновен в этом король? А вдруг это приказ этого проклятого безбожника Вениса, а король об этом ничего не знает? А сын этого самого Вениса был тем адмиралом, который сказал ему пять минут тому назад:

— Займитесь своими душами и своими благословениями, святой отец, а я займусь кораблем.

Апорат недобро улыбнулся. Он займется своими душами и своими благословениями, но и своими

проклятиями тоже. Принц Лефкин скоро запоем не так.

Сейчас он вошел в главную радиорубку. За ним шел младший священник и два офицера звездолета, стоящих на вахте, не сделали никакой попытки помешать ему.

Главный жрец имел право входить в любое помещение корабля.

— Закройте дверь, — приказал ему Апорат и взглянул на хронометр. До двенадцати оставалось пять минут. Он правильно рассчитал время.

Быстрыми уверенными движениями он передвинул рычажки, дающие ему радио — и телесвязь со всеми помещениями

огромного двухмильного крейсера.

— Солдаты королевского
звездолета «Венис», внимание!
Говорит ваш главный жрец!

Он знал, что звуки его голоса,
многократно усиленные, будут
слышны и у атомных пушек и в кают-
компаниях, и в самом конце корабля
— навигационном отсеке.

— Ваш корабль, — вскричал
он, — предназначен для
кощунственных целей! С вашего
неведения он совершает такое
действие, которое проклянет душу
каждого из вас и обречет на вечное
молчание ледяного космоса!
Слушайте! Намерение вашего
командира — привести корабль к

Основанию и, подчиняясь своей греховной воле, напасть на это святое место. И так как это является его намерением, я, во имя Галактического Духа, смещаю его с командования, потому что не должно быть никаких команд, не благословенных Галактическим Духом. Сам божественный корабль ничего не может сделать без согласия Духа.

Голос его стал глуше, и младший священник прислушивался к нему с трепетом, а двое вахтенных — со страхом.

— И так как этот корабль идет выполнять такое дьявольское поручение, нет на нем благословения

Духа.

Он торжественно поднял руки и перед тысячью телеэкранов корабля солдаты затрепетали, глядя на торжественную фигуру своего Главного Жреца.

— Во имя Галактического Духа и его пророка Хари Сэлдона, его учеников, святых людей Основания, я проклинаяю этот корабль. Пусть телекамеры этого корабля, являющиеся его глазами, ослепнут. Пусть дреки, которые являются его руками, парализуют. Пусть атомные пушки, которые являются его кулаками, застынут. Пусть моторы, сердце его, перестанут биться. Пусть связь, которая его голос, оглохнет.

Пусть вентиляция, которое его дыхание, замрет. Пусть свет, который его душа, уйдет в ничто. Именем Галактического Духа я проклинаяю этот корабль.

И с последними его словами, с ударом полночи, за много световых лет, в Арголийском храме включилось ультракоротковолновое реле, которое со сверхсветовой скоростью включило также реле на флагманском корабле «Венис».

Так как главной характеристикой религии под названием наука является то, что она действует, то такие проклятия, как проклятие Апората, просто смертельны.

Он видел, как темнота окутывает весь корабль, услышал, как прекратилось мягкое далекое журчание гиператомных двигателей. Он достал из кармана своей длинной мантии атомную лампочку и она заполнила комнату своим жемчужным светом.

Он взглянул на двух вахтенных, людей несомненно храбрых, которые сейчас стояли на коленях со смертельным испугом, написанным на их лицах.

— Спасите наши души, ваше преподобие. Мы бедные люди и не знали преступных замыслов наших начальников, — прошептал один из них.

— Следуйте за мной, — сказал Апорат. — Ваши души еще не окончательно заблудшие.

В корабле стояла полная темнота, заполненная страхом, почти физически осязаемым. Солдаты пытались подползти поближе к Апорату и дотронуться до его мантии, слабыми голосами умоляя его о пощаде.

Ответ всегда был один:

— Следуйте за мной!

Когда он нашел принца Лефкина, тот пробирался в потемках по офицерской кают-компании, громким голосом требуя, чтобы дали свет. Адмирал уставился на своего Главного Жреца ненавидящими

глазами.

— Вот и вы!

Лефкин унаследовал от своей матери голубые глаза, но его нос был несколько крючковат, а один глаз косил, делая его похожим на Вениса.

— Каков смысл ваших предательских действий? Верните энергию кораблю. Здесь командир я.

— Вы больше не командир, — торжественно ответил Апорат.

Тот быстро огляделся вокруг себя.

— Взять этого человека. арестуйте его или клянусь космосом, я вышлю каждого человека, который сейчас меня слышит, в космос, но без скафандра.

Он на секунду замолчал, а потом заверещал тонким голосом:

— Вам приказывает ваш адмирал. Арестуйте его!

Затем он окончательно потерял голову.

— Неужели вы дадите себя обмануть этому пугалу, этому шуту? Поверите во всякие там облака и дурацкую райскую жизнь? Этот человек — жулик, а Галактический Дух, о котором он говорит, — ложь!

Апорат прервал его с бешенством в голосе:

— Взять богохульника! Вы слушаете его речи под угрозой вечного проклятия ваших душ!

И в ту же секунду благородный

адмирал очутился в цепких руках накиннувшихся на него солдат.

— Возьмите его и следуйте за мной.

Апорат повернулся и направился обратно в радиорубку. Солдаты, заполнявшие все коридоры, тащили за ним Лефкина. В радиорубке он поставил командира перед телевизором, который продолжал свою работу.

— Прикажете всему флоту изменить курс и приготовиться к возвращению на Анакреон.

Растрепанный, кровоточащий и полузадушенный, он отдал приказ.

— А сейчас, — хмуро сказал Апорат, — мы установим связь с

Анакреоном на ультракороткой волне. Говорите то, что я вам буду диктовать.

Лефкин сделал отрицательное движение, и толпа в рубке и коридорах страшно зашумела.

— Говорите! — сказал Апорат. — Начинайте: «Космический флот Анакреона...»

Лефкин начал говорить.

В покоех Вениса стояла полная тишина, когда на телевизионных экранах появился образ Лефкина. Регент слабо вскрикнул, когда он увидел изможденное лицо и разорванный мундир своего сына, а затем он упал в кресло. Лицо его перекосилось от страха и изумления.

Хардин слушал флегматично, руки его спокойно лежали на коленях, в то время как только что коронованный король забился в самый темный угол и нещадно теребил рукав своего вышитого золотом одеяния. Даже солдаты потеряли свою невозмутимость,

которая является достоинством военных, и, стоя линией у двери с атомными бластерами наготове, украдкой подглядывали на телевизор.

Лефкин говорил неохотно, делая промежутки между фразами, как будто ожидая подсказки. Голос его звучал хрипло:

— Космический флот Анакреона... узнав о своей миссии... и отказываясь быть орудием... возвращается на Анакреон... и диктует следующий ультиматум... тем богохульникам, грешникам... которые осмеливаются использовать грешную силу... против Основания... источника всех благословений... и против Галактического Духа...

Немедленно прекратить все военные действия против... истинной веры... и гарантируйте это, чтобы успокоить наш флот... представленный нашим Главным Жрецом, Тео Апоратом... что такая война никогда не произойдет в будущем и что, — тут последовала долгая пауза, — и что бывший принц-регент Венис... будет заключен в тюрьму и судим духовным судом... за его преступления. В противном случае, Королевский космический флот по возвращении на Анакреон... сметет дворец с лица земли... чтобы уничтожить гнездо грешников... и протон насильников... над человеческими душами, которые они

обрекают на вечные муки.

С полупридушенным рыданием голос умолк, и телевизионный экран потемнел.

Пальцы Хардина быстро нажали кнопку сбоку атомной лампочки, и ее свет померк, пока король, регент и солдаты не остались лишь смутными контурами в темноте. И тогда можно было заметить, что Хардина окружает аура.

Это не был тот сверкающий свет, который является прерогативой короля — он был и менее театрален и менее впечатляющ, но он был в своем роде более эффективным и куда более полезным.

Голос Хардина был мягок и ироничен, когда он обратился к тому самому Венису, который всего лишь час назад объявил его военнопленным, а Терминус на грани разрушения, и который сейчас превратился в тень, сломленную и молчаливую.

— На свете есть такая старая сказка, — сказал Хардин, — такая же старая, как само человечество, потому что ее самые старые записи тоже являются перепечаткой с еще более отдаленных по времени записей. Думаю, эта сказка может заинтересовать вас. Ее рассказывают так:

«Лошадь, у которой волк был

самым могущественным и страшным врагом, жила в постоянном страхе за свою жизнь. Когда она совсем уже было отчаялась, ей пришло в голову найти себе сильного союзника. И она пришла к человеку и предложила ему союз, заметив, что ведь волк является также врагом и человеку. Человек сразу же согласился и предложил ей немедленно убить волка, если только его новый партнер предоставит ему в распоряжение свои быстрые ноги. Лошадь была очень довольна и позволила человеку надеть на себя седло и уздечку. Человек вскочил на нее верхом, выследил волка и убил его. Лошадь, радостная и успокоенная, поблагодарила человека

и сказала: „Теперь, когда наш враг умер сними с меня седло и уздечку и верни мне свободу“, на что человек рассмеялся и ответил: „Вперед, кобылка!“ и вонзил в нее шпоры».

Наступила тишина. Тень, которая была Венисом, не шевелилась.

Хардин спокойно продолжал:

— Я надеюсь, вы видите аналогию. В своем жадном стремлении навеки закрепить свою власть над народом, короли Четырех Королевств приняли науку, как религию, которая делала их священными. И эта самая наука стала их седлом и уздечкой, потому что она передала жизненные силы атомной

энергии в руки священников, которые повиновались, заметьте, не вашим, а нашим приказам. Вы убили волка, но не смогли избавиться от че...

Венис вскочил на ноги. Глаза его в темноте сверкали. Голос его был хрипл и несвязен.

— И все-таки ты от меня никуда не уйдешь! Никуда не денешься! Ты сгинешь в могиле. Пусть они разрушат дворец. Пусть все разрушат! От меня не уйдешь! Солдаты! — истерически закричал он. — Стреляйте в этого дьявола! Убейте его! Убейте!

Хардин повернулся вместе со стулом лицом к солдатам и

улыбнулся. Один из них прицелился в него из бластера, потом опустил. Другой даже не шелохнулся. Сальвор Хардин, улыбаясь, смотрел на них. И вся мощь Анакреона превратилась в пыль.

Венис выкрикнул ругательство и подскочил к ближайшему солдату. Он с бешенством выхватил бластер из его рук, направил его на Хардина, который не шевельнулся, и нажал на курок.

Непрерывный белый луч уперся в силовое поле, окружающее мэра Терминуса, и, безвредно зашипел, нейтрализуясь. Венис еще сильнее нажал на курок и безумно расхохотался.

Хардин продолжал улыбаться, и его силовое поле-аура стало чуть ярче, впитывая энергию атомного луча. В своем углу Леопольд закрыл лицо руками и застонал.

Внезапно с воплем отчаяния Венис изменил свою цель и, вновь нажав на курок, свалился на пол уже обезглавленным.

Хардин поморщился и пробормотал:

— Туда ему и дорога.

Помещение, где стоял сейф Сэлдона, было переполнено. Людей было куда больше, чем мест, и они стояли по стенкам в три ряда.

Сальвор Хардин сравнил количество посетителей в этот раз и тогда, тридцать лет назад, когда Хари Сэлдон появился впервые. Тогда их было только шестеро: пятеро старых Энциклопедистов, давно умерших, и он сам, молодой упрямый мэр. Это был тот самый день, когда он с помощью Иоганна Ли взял власть в свои руки.

Сейчас все было не так, абсолютно не так. Каждый член

Совета ожидал появления Сэлдона. Он сам еще был мэром, но теперь уже могущественным и, в связи с последними событиями на Анакреоне, популярным. Вернувшись на Терминус с новостями о смерти Вениса и с новым договором, подписанным дрожащим Леопольдом, он был встречен ликующими приветствиями и выражением полного доверия со стороны Совета. Когда за этим последовали аналогичные договоры с каждым из трех королевств, договоры, которые давали Основанию власть, навсегда предотвращающую даже попытки нападения, как в случае с

Анакреоном, факельные процессии были проведены по каждой улице Терминуса. Даже имя Хари Сэлдона никогда так громко не произносилось.

Губы Хардина искривились. Такая популярность была у него и после первого кризиса.

На другом конце комнаты Сэф Сермак и Льюис Борт о чем-то оживленно совещались, и текущие события, казалось, совсем не выбили их из колеи. Они присоединились к большинству, выразившему Хардину свое доверие, произнесли речи, в которых публично признали, что они были не правы, красиво извинились за некоторые резкие фразы,

произнесенные ими ранее в дебатах, мягко объяснили, что все их ошибки происходили из того, что они прислушивались к мнению своих сердец — и немедленно после этого начали новую компанию своей партии Действия.

Иоганн Ли дотронулся до рукава Хардина и многозначительно показал на часы.

Хардин поднял голову.

— Привет, Ли. Ты все еще не доволен? Что теперь не так?

— Он должен появиться через пять минут, да?

— Мне так кажется. В прошлый раз он появился в полдень.

— А что, если этого не

произойдет?

— Послушай, ты собираешься мучить меня своими неприятностями всю жизнь? Не появится, так не появится.

Ли нахмурился и медленно покачал головой.

— Если он не появится будет очередной скандал. Если Сэлдон не подтвердит, что мы действовали правильно, Сермак опять начнет все с начала. Он требует немедленной аннексии четырех королевств и расширения границ Основания, если необходимо, то даже силой. Он уже начал свою компанию.

— Знаю. Пожарникам надо тушить пожар, даже если им

придется для этого его разжечь. И ты, Ли, будешь создавать себе заботы даже, если тебе придется помереть, чтобы наскрести что-нибудь новенькое.

Ли собирался что-то ответить, когда у него перехватило дыхание: накал ламп ослабел и комната погрузилась в полумрак. Он поднял руку по направлению к стеклянному кубу, который занимал собой половину помещения, а затем с глубоким вздохом упал в кресло.

Сам Хардин выпрямился при виде фигуры, занимавшей сейчас куб, фигуры в кресле-качалке! Он один из всех присутствующих помнил день, много лет назад, когда эта фигура

появилась впервые. Тогда он был молод, а этот человек стар. С тех пор этот человек не постарел, а сам он состарился.

Фигура уставилась прямо перед собой, руки ее перебирали книгу, лежащую на коленях.

Человек сказал:

— Я — Хари Сэлдон!

В комнате наступила мертвая тишина, и Хари Сэлдон продолжил:

— Сейчас я появлюсь здесь второй раз. Конечно, я не знаю, присутствовал ли кто-нибудь из вас тогда, тридцать лет назад. Откровенно говоря, я не могу даже сказать, но это не играет большой роли. Если второй кризис кончился

благополучно вы должны быть здесь — иначе не может быть. Если вас здесь нет, значит второй кризис оказался вам не по зубам.

Он поощрительно улыбнулся.

— Однако, я очень в этом сомневаюсь, потому что мои цифры показывают девяносто восемь процентов вероятности, что в первые восемьдесят лет существования больших отклонений от Плана не должно произойти.

Согласно нашим вычислениям, вы сейчас доминируете над варварским королевствами, находящимися в непосредственной близости от Основания. Так же, как и в первом кризисе вы удержали их

балансированием власти.

Однако, я должен предупредить вас: нельзя быть слишком самоуверенными. Я не хочу и не могу дать вам каких-нибудь предвидений будущих событий, но будет безопасно указать вам, что сейчас вы просто добились нового баланса — и не более, правда, значительно лучшего, чем раньше. Духовная власть вполне пригодна для того, чтобы атаковать в свою очередь. Из-за неизбежности роста таких противодействующих сил, духовная власть не может господствовать долго. Я уверен кстати, что не сообщаю вам нечего нового.

Вы должны извинить меня за то,

что я объясняюсь с вами столь
неопределенно.

В данном случае Основание
является только стартом на том пути,
который ведет к новой Империи.
Соседние королевства и по
количеству людей и по своим
ресурсам неизмеримо
могущественные, чем вы. За этими
королевствами лежат неизмеримые
джунгли варварства,
распространившегося теперь уже
почти на всю Империю. Внутри этих
джунглей осталось то, что когда-то
называлось Галактической
Империей ослабленной и
заискивающей — но все еще
могучей.

Хари Сэлдон поднял книгу и раскрыл ее. Лицо его стало торжественным.

— И ни на минуту не забывайте, что существует другое Основание, созданное восемьдесят лет назад, Основание на другом конце Галактики, там, где кончаются звезды. В нужную минуту они всегда придут на помощь. Господа, девятьсот двадцать Плана лежат передо мной. Проблема в ваших руках! Решайте ее!

Он опустил свой взгляд в книгу и исчез. Свет в помещениях вновь резко разгорелся. Сквозь начавшийся шум разговоров Ли наклонился к уху Хардина и прошептал:

— Он не сказал когда вернется.

— Знаю, — ответил Хардин, —

но очень надеюсь что он вернется не раньше, чем мы с тобой тихо и спокойно будем лежать в своих могилах!

Часть четвертая. Торговцы

Торговцы... — всегда и
всюду впереди
политической гегемонии
Основания или торговцы,
проникавшие в самые
отдаленные уголки
Периферии. Месяцы или
годы могли пройти между
их возвращениями на
Терминус, свои крохотные
корабли они всегда
ремонтировали вручную,
честность их оставляла
желать лучшего, их

смелость...

*И несмотря на все
это, они сохранили власть
куда более
продолжительную, чем
псевдорелигиозный
деспотизм* *Четырех
Королевств...*

*Легенды ходили об
этих сильных и всегда
одиноких людях, которые
то ли в шутку, то ли
всерьез взяли своим девизом
одно из высказываний
Сальвора Хардина.
«Высокоморальному
человеку это свойство
никогда не должно мешать*

совершать добрые дела». Сейчас трудно сказать, какие легенды о них правдивы, а какие — выдуманы. Вероятно, все они несколько преувеличены...

*Галактическая
энциклопедия*

Лиммар Пониетс был абсолютно гол, когда его застал звонок передатчика, что в старых анекдотах о телепосланиях и ваннах есть все же доли истины, даже когда речь идет о пустоте космоса, об отдаленной трассе Галактической Периферии.

К счастью, отсеки корабля, не отведенные под торговые товары, очень малы. Настолько малы, что душ и горячая вода расположены в помещении два на четыре и в десяти футах от панели управления. Пониетс достаточно ясно услышал сигнал передатчика.

Выругавшись, он вышел из ванной, роняя с себя пену, затем перешел на прием. И тремя часами позже второй торговый корабль подошел вплотную, и ухмыляющийся юноша вошел через проходную трубу.

Пониетс подтолкнул свой лучший стул к гостю, а сам уселся на вертящийся табурет пилота.

— Что вам надо от меня, Горм? — сумрачно спросил он. — С чего это вы вдруг решили догнать меня на таком расстоянии от Основания?

Лес Горм вытащил сигарету и отрицательно помотал головой.

— Я? С чего это вы взяли? Я просто свалял дурака, когда

приземлился на Глиптале IV через день после того, как пришла почта. Вот они и просили передать вам это.

Крохотный сверкающий цилиндрик перешел из рук в руки, и Горм добавил:

— Личное письмо, сверхсекретное! Нельзя передать через сверхпространство и все такое. По крайней мере, я так понял. В любом случае, это личная капсула и открыть ее можете только вы.

Пониетс с отвращением посмотрел на цилиндрик.

— Сам вижу. Я еще ни разу не слышал, чтобы в таких письмах сообщались радостные вести.

Цилиндрик открылся в его руке

и тонкий прозрачный лист бумаги развернулся. Глаза его быстро пробежали по строчкам послания, потому что, когда появилась последняя часть листка, первая уже потухла и сморщилась. Через полторы минуты лист окончательно почернел и распался.

— О, Великий Космос и вся Галактика! — взвыл Пониетс.

— Может, я могу чем-нибудь помочь? — спокойно спросил Лес Горм. — Или все слишком секретно?

— Можно и сказать, ведь вы — член Гильдии. Мне придется отправиться на Асконию.

— Туда? С какой стати?

— Они взяли в плен торговца.

Но никому об этом не говорите.

Выражение лица Горма стало злым.

— Взяли в плен! Это против концепции.

— Вмешательство во внутреннюю политику тоже против концепции.

— О! Что же он сделал?

Горм молчал.

— Кто этот человек? Я его знаю?

— Нет, — резко ответил Пониетс, и Горм, поняв намек, не стал задавать больше вопросов.

Пониетс поднялся на ноги и уставился в иллюминатор. Некоторое время он бормотал ругательства по

поводу этой туманной части Галактики, потом громко сказал:

— Проклятая заваруха! Я таким образом ничего не заработаю.

В глазах Горма блеснуло понимание.

— Эй, друг, Аскония ведь закрытая область!

— Вот именно. Там не продашь и перочинного ножика. Они не покупают никаких атомных приборов. В моих трюмах полно товаров и лезть мне туда — для меня самоубийство.

— И никак нельзя избавиться от этого поручения?

Пониетс рассеянно покачал головой.

— Я знаю этого парня. Не могу бросить друга в беде. Как говорилось раньше, я предаю себя в руки Галактического Духа и весело иду по пути им, предначертанному.

— Что-что? — недоуменно спросил Горм.

Пониетс взглянул на него и коротко рассмеялся.

— Совсем забыл. Ты ведь никогда не читал «Книгу Духов»?

— Даже не слышал, — ответил Горм.

— Пришлось бы, если бы вы учились в духовной семинарии.

— Духовной семинарии? Чтобы стать священником?

— Горм был явно шокирован.

— Боюсь, что так. Это мой позор и самый страшный секрет. Хотя я оказался не по зубам нашим Святым Отцам. Они меня просто вытурили по причинам, достаточным для того, чтобы моим дальнейшим образованием занялось Основание. Ну да ладно, это все неинтересно. Лучше скажите, как ваша торговля в этом году?

Горм погасил сигарету и одел кепи.

— Я сейчас с последним грузом. Думаю, что все будет в порядке.

— Счастливчик, — позавидовал Пониетс, и долгое время после того, как Горм ушел, он задумчиво сидел в кресле.

Итак, Эскель Горов попал на Асконию да еще и угодил в тюрьму.

Это было плохо! Честно говоря, намного хуже, чем это могло показаться с первого взгляда. Одно дело было сказать любопытному юноше, что ничего страшного не произошло, чтобы сбить его со следа и заставить заниматься своими делами. Совсем другое дело было смотреть настоящей правде в глаза.

Потому что Лиммар Пониетс был одним из немногих, которые знали, что Торговый Мастер Эскель Горов был вовсе не торговцем, а совсем другим лицом.

— Каким?

— Агентом Основания!

Две недели! Две потерянные недели!

Неделя, чтобы попасть на Асконию, находящийся на самых окраинах Периферии, и где его встретила целая флотилия военных кораблей. Какой бы детекторной системой они не обладали, работала она достаточно хорошо.

Они медленно окружили его, не подавая никаких сигналов и направляя его звездолет по направлению к центральному солнцу Аскони.

Пониетс мог бы справиться с ними запросто. Эти их корабли были

тральщиками давно мертвой и позабытой Галактической Империи. Это были скорее оперативные корабли, чем военные крейсера, не имеющие на борту никакого атомного оружия — абсолютно безвредные, хотя и живописные эллипсоиды. Но Эскель Горов был их пленником, а он является не тем заложником, которого можно было потерять. Асконийцы наверняка это хорошо понимали.

И еще одна неделя — неделя, чтобы пробиться сквозь толпу младших служащих, которая служила буфером между Великим Мастером и внешним миром. Каждый мелкий помощник секретаря требовал

заботы и терпения. Каждого следовало долго уговаривать поставить свою цветистую подпись, дававшую право обратиться к более высокому начальству.

В первый раз за всю жизнь Пониетс увидел, что его документы торговца не производят никакого впечатления.

И теперь, наконец, Великий Мастер был за охраняемой стражниками дверью — и две недели были потеряны.

Горов все еще оставался пленником, а груз Пониетса валялся бесполезной грудой в трюмах корабля.

Великий Мастер не поражал

своим ростом. Это был маленький человек, с лысой головой и очень морщинистым лицом. Шею его окутывал огромный блестящий меховой воротник, и под его тяжестью тело Великого Мастера казалось неподвижным.

Он чуть раздвинул пальцы в сторону, и толпа вооруженных людей раздвинулась, образуя проход, по которому Пониетс добрался до государственного кресла.

— Не разговаривайте, — отрывисто сказал Великий Мастер, и открытый было рот Пониетса тут же закрылся.

— Вот так, — произнес правитель Аскони с явным

облегчением. — Я терпеть не могу пустой болтовни. Вы не можете мне угрожать, и я не признаю лести. Нет смысла предъявлять претензии. Я уже потерял счет своим предупреждениям о том, что мне не нужны никакие ваши дьявольские машины. Вас, скитальцев, так и тянет на Асконию.

— Сэр, — спокойно ответил Пониетс, — я и не собираюсь оправдывать торговца, о котором идет речь. Наша политика состоит в том, чтобы не навязывать тем, кому мы не нужны. Галактика велика, и случайное нарушение границ происходило и раньше. Это просто плачевная ошибка.

— То, что она плачевная, это несомненно, — прокаркал Великий Мастер. — Но ошибка? Ваши люди с Глиптала IV стали приставать ко мне с просьбами о помиловании через два дня после того, как этот подлец был схвачен. О вашем прибытии они меня предупреждали уже тысячу раз. Похоже на то, что это хорошо организованная спасательная компания. Вы предприняли много шагов — слишком много для ошибки, плачевная она или нет.

Черные глаза асконийца глядели презрительно. Он даже не дал Пониетсу передохнуть.

— И раз торговцы, летающие из мира в мир, как сумасшедшие мухи,

и прекрасно знающие, где и что находится, могли приземлиться на самый большой мир Аскони, и потом заявить, что они просто заблудились и перепутали границы, сами того не желая, то что же тогда получается? Бросьте, конечно же, они здесь не случайно.

Пониетс поморщился в глубине души, хотя на лице его ничего не отразилось. Он упрямо сказал:

— Если попытка торговать была преднамеренной, Ваше Высочество, она незаконна и противоречит строжайшим постановлениям нашей Гильдии.

— Вот именно, незаконна, — коротко ответил аскониец. —

Настолько незаконна, что ваш приятель может поплатиться за нее своей жизнью.

У Пониетса все замерло внутри. Голос был достаточно решителен.

— Смерть, Ваше Высочество, — сказал он, — такой необратимый и абсолютный феномен, что конечно же, всегда можно найти другой выход из положения.

Последовала пауза, а потом прозвучал осторожный ответ:

— Я слышал, что Основание неизмеримо богато.

— Богато? Конечно. Но наши богатства именно то, от чего вы отказываетесь. Наши атомные товары стоят...

— Ваши атомные товары не стоят и ломаного гроша, потому что они лишены родового благословения. Ваши товары порочны и прокляты и они находятся под нашим родовым запрещением.

Предложения были произнесены бесстрастным тоном, так произносят формулы.

Веки Великого Мастера опустились и он произнес со значением в голосе:

— Больше у вас нет никаких ценностей?

Торговец не понял многозначительного вопроса.

— Я не понимаю, назовите тогда сами, чего вы хотите.

Аскониец развел руками.

— Вы хотите получить от меня нечто определенное, и тем не менее спрашиваете, какие мои желания. Так не пойдет. По-моему, вашему приятелю предстоит провести много лет в тюрьме за святотатство, которое он совершил, да и то в лучшем случае. Таков закон Асконии. Смерть в газовой камере. Мы справедливый народ. Самый бедный крестьянин в подобном случае пострадал бы не больше, даже я сам понес бы точно такое же наказание.

Пониетс
безнадежно
пробормотал:

— Ваше Высочество, разрешено ли мне будет поговорить с вашими

пленными?

— Асконийский закон, — холодно ответил Великий Мастер, — не допускает никакие отношения с осужденными преступниками.

В глубине души Пониетс перекрестился.

— Я прошу вас, Ваше Высочество, выказать милосердие человеческой душе в тот час, когда она должна лишиться своей земной оболочки. Он был лишен духовного благословения все то время, когда его жизнь была в опасности. Даже сейчас он может уйти в иной мир не подготовленный Всевышним Духом, который правит всем миром.

Медленно и презрительно

Великий Мастер спросил:

— Вы — Утешитель Душ?

Пониетс понуро опустил голову.

— Так меня учили в Духовной Семинарии. В огромной пустоте космоса, мы, странствующие торговцы, нуждаемся в таких людях, как я сам, которые следят за духовной стороной этой жизни, заполненной коммерцией и погоней за мирскими благами.

Правитель Аскони задумчиво причмокнул нижней губой.

— Каждый человек должен готовить свою душу в путь к своим духам-предкам.

Но я никогда не думал раньше, что торговцы — верующие.

Эскель Горов зашевелился на своей кровати и приоткрыл один глаз, услышав как открывается тяжелая стальная дверь. Горов вскрикнул и вскочил на ноги.

— Пониетс! Тебя все-таки прислали?

— Чистый случай, — с горечью в голосе ответил Пониетс, — а может, дело рук моего персонального злого гения. Пункт первый: ты попал в заварушку на Аскони. Пункт второй: мой торговый маршрут, известный Комитету Торговли, пролегал за пятьдесят парсеков от системы как раз во время пункта

первого. Пункт третий: мы работали вместе и раньше, и Комитет это знает. Скажи, ну разве можно после этого говорить о случае? По-моему, ответ напрашивается сам собой. Да, можно.

— Будь осторожен! — нервно сказал Горов. — Нас могут здесь подслушивать. У тебя с собой Исказитель поля?

Пониетс потряс кистью руки, на которой висел красивый браслет, и Горов успокоился.

Пониетс огляделся. Камера была большой и пустой. Она была хорошо освещена и в ней не пахло ничем дурным.

— Неплохо, — сказал он. —

Тебя тут не особо интересуют.

Горов нетерпеливо отмахнулся.

— Послушай, как тебе удалось ко мне пробиться? Я торчу тут совершенно один уже две недели.

— Вот как, с самого дня моего приезда?

Слушай, мне кажется, что у нашего старикашки, который здесь заправляет планетой, есть свои слабые стороны. Он не любит пустых разговоров, поэтому я рискнул и, кажется, выиграл. Я тут нахожусь в качестве твоего духовного наставника. Он человек набожный и что-то такое в нем есть. Он, не задумываясь, перережет тебе плотку, если это будет нужно, но он не

захочет подвергать опасности твою бессмертную и проблематичную душу. Типичный пример эмпирической психологии. Торговец обязан знать понемногу обо всем.

Горов сардонически улыбнулся.

— И ты тоже учился в теологической школе. Ты хороший парень, Пониетс. Я рад, что тебя прислали. Но Великий Мастер вряд ли так сильно будет заботиться о моей душе. Не упомянул ли он о выкупе?

Глаза торговца сузились.

— Он едва намекнул и он угрожал газовой камерой. Я не стал бы рисковать и торопиться. Возможно, это было ловушкой. Так значит, это обыкновенное

домогательство, вот как? И чего же он хочет?

— Золото.

— Золото?

Пониетс нахмурился.

— Сам металл? Для чего?

— Это их способ оплаты.

— Да? И где же я возьму золото?

— Где хочешь. Послушай, это важно. Со мной ничего не произойдет так долго, как Великий Мастер будет чувствовать своим носом запах золота. Обещай ему достать столько, сколько ему надо. Затем возвращайся на Основание, если это будет необходимо, и ты не достанешь металл нигде больше. Когда я освобожусь, нас проводят до

границ системы и там мы расстанемся.

Пониетс неодобрительно уставился на него:

— А потом ты вернешься обратно и попытаешься еще раз?

— Мое поручение состоит в том, чтобы продать атомные реакторы на Асконию.

— Тебя поймают прежде, чем ты пролетишь в космосе один парсек. И ты сам это прекрасно знаешь.

— Я этого не знаю, — ответил Горов. — А если бы и знал, это не изменило положение вещей.

— Во второй раз тебя просто убьют.

Горов пожал плечами.

— Если мне придется договориться с Великим Мастером, — сказал Пониетс, — я хочу знать всю историю. До сих пор я действовал вслепую. Несколько моих высказываний чуть не довели его до припадка.

— Все очень просто, — ответил Горов, — Единственный способ, которым можно усилить безопасность Основания здесь, на Периферии, это создать контролируемую религией коммерческую империю. Мы все очень слабы, чтобы осуществлять политический контроль. Это все, что мы можем, чтобы иметь власть над четырьмя королевствами.

Пониетс кивнул головой.

— Это я понимаю. И любая звездная система, которая отказывается признавать наши атомные приборы, не может быть, соответственно, контролируемой религией...

— Становится, следовательно, очагом независимости и враждебности. Верно.

— Ну что ж, — сказал Пониетс. — Это все теория. Но почему им все-таки нельзя продать? У них какие-нибудь свои верования? Великий Мастер говорил что-то в этом роде.

— Религия приняла у них форму преклонения перед предками. Их

традиции говорят о жестоком прошлом, от которого они были спасены простыми и добродетельными героями старших поколений. Речь идет об изменении анархического периода сто лет назад, когда последние войска бывшей Империи были изгнаны отсюда, и на их месте было создано современное правительство. Наука, в особенности атомная энергия, стали для них символом старого имперского режима, о котором они не вспоминают иначе, как с ужасом.

— Вот как? Но у них есть прекрасные компактные звездолеты, которые обнаружили меня за два парсека от системы. По-моему тут

пахнет атомной энергией.

Горов пожал плечами.

— Эти корабли, без всякого сомнения, — обыкновенные тральщики старой Империи. Возможно, на атомном приводе. То, что у них есть, они сохраняют. Дело в том, что они не хотят ничего приобретать, и их внутренняя экономика нигде не употребляет атомной энергии. Вот это мы и должны поменять.

— И как вы это собираетесь сделать?

— Сломив их сопротивление хотя бы в чем-нибудь. Проще говоря, если бы я мог продать дворянину хотя бы перочинный нож с

выскакивающим лезвием, в его интересах будет издать закон, по которому он сможет этим ножом пользоваться. Я понимаю, что на словах это звучит глупо, но это абсолютно справедливо с точки зрения психологии. Совершить нужную продажу в определенный момент времени, это значит создать проатомную секцию при дворе.

— И с этой целью послали тебя, в то время как я пригодился только для внесения выкупа, а потом мог убраться восвояси, в то время как ты будешь продолжать свои попытки? По-моему, это называется не видеть дальше собственного носа.

— Что ты имеешь в виду? —

осторожно спросил Горов.

— Послушай.

Пониетс внезапно почувствовал, что устал.

— Ты дипломат, а не торговец, и сколько не называй себя торговцем, ты от этого им не станешь. Этим делом должен заниматься тот, кто занимается продажей всю жизнь, а я сижу здесь с полным грузом товаров и, кажется, скоро совсем обанкрочусь, потому что мне некому их продать.

— Ты что, собираешься рисковать жизнью ради чужого дела? — вымученно улыбнулся Горов.

— Ты хочешь внушить мне, —

ответил Пониетс, — что тут дело только в патриотизме, а торговцы начисто лишены этого чувства?

— Совершенно справедливо. Пионеры всегда лишены такого чувства.

— Ну хорошо, не будем спорить. Я, конечно, не собираюсь мотаться по всему космосу, чтобы спасти Основание. И не подумаю. Но я торгую, чтобы делать деньги, а тут мне предоставляется шанс. Если это поможет к тому же и Основанию — прекрасно. А я рисковал жизнью, когда шансы были еще меньше, чем сейчас.

Пониетс поднялся и Горов встал вслед за ним.

— Что ты собираешься делать?
Торговец улыбнулся.

— Пока еще не имею понятия.
Но если дело только в том, чтобы что-нибудь продать, я всегда «за». Как правило я человек не жадный, но у меня есть свой принцип. До сих пор я еще ни разу не попадал на своем товаре впросак.

Дверь в камеру открылась почти сразу же, как только он постучал, и двое стражников повели его между собой.

— Показательное выступление! — хмуро сказал Великий Мастер.

Он сидел весь закутанный в меха. Его тонкая рука сжимала железную дубинку, которой он пользовался как тростью.

— И золото, Ваше Высочество.

— И золото, — небрежно согласился Великий Мастер.

Пониетс поставил перед собой коробку и открыл ее с такой уверенностью, на которую только был способен. Он чувствовал себя одиноким перед общей враждебностью, так же он

чувствовал себя в космосе, когда летал первый год. Полукруг бородатых советников, окружавших его, выражал своими взглядами полное неодобрение. Среди них был Ферл, фаворит с худым лицом, сидевший по правую руку от Великого Мастера и смотревший на Пониетса с явной враждебностью. Пониетс встречался с ним один раз и тут же отметил его, как своего первого врага и, соответственно, первую жертву.

За дверями зала маленькая армия ожидала событий. Пониетса очень эффектно изолировали от его звездолета, у него не было с собой никакого оружия, если не считать

попытки подкупа, а Горов все еще оставался заложником.

Он сделал последнее соединение на неуклюжем чудовище, которое стоило ему недели напряженных трудов, и в который раз горячо взмолился, чтобы свинцовый кварц выдержал напряжение.

— Что это? — спросил Великий Мастер.

— Это, — ответил Пониетс, отступая назад, — маленький прибор, который я соорудил собственными руками.

— Это и так понятно, но меня интересует совершенно другое. Это один из ваших злых волшебных отвратительных приборов?

— Он работает на атомной энергии, — торжественно признался Пониетс, — но никому из вас не придется дотронуться до него. Я сделаю все сам, и если этот прибор проклят, то пусть грех падет на мою душу.

Великий Мастер угрожающим жестом протянул свою дубинку к прибору, и губы его быстро безмолвно задвигались в очистительной молитве. Худолицый Советник, сидевший справа, что-то зашептал. Правитель Аскони нетерпеливо от него отмахнулся.

— И какая связь между вашим прибором зла и золотом, с помощью которого вы надеетесь выкупить

земляка?

— С помощью этого прибора, — ответил Пониетс, опустив руку на центральную камеру и мягко поглаживая ее помятые бока, — я могу обратить железо, которое вы мне дадите, в золото самого высшего качества. Это единственный прибор, известный человеку, который обращает железо, уродливое железо, Ваше Высочество, которым отделано и кресло, на котором вы сидите, и стены этого здания, в сверкающее, тяжелое желтое золото.

Пониетс почувствовал, что сел уселся на своего конька. Речь его, как всегда, когда он что-нибудь продавал, текла спокойно и уверенно. Хотя

Великого Мастера скорее интересовало содержание, а не форма.

— Вот как? Трансмутация? Нам уже попадались дураки, которые клялись, что могут это сделать.

— Но они преуспели?

— Нет.

На лице Великого Мастера отразилось холодное удивление и изумление.

— Успех в производстве золота был бы преступлением, которое им же и искупилось бы. Но преступная попытка, если она еще и неудачная, карается смертью. Вот, попробуйте что-нибудь сделать с моим посохом.

И он ударил своей дубинкой об

пол. — Ваше Высочество должны извинить меня. Мой прибор — всего лишь маленькая модель, сделанная мною самим, а ваш посох слишком велик.

Маленькие глаза Великого Мастера совершили круг по комнате и остановились.

— Ранда, ваши четки. Скорее, если это понадобится, я верну вам вдвойне.

Четки пошли по кругу, передаваясь из рук в руки. Великий Мастер задумчиво взвесил их в руке.

— Держите, — сказал он и бросил их на пол.

Пониетс нагнулся, чтобы подобрать их. Он с трудом открыл

цилиндрическую камеру и от напряжения моргнул, пытаясь аккуратно и тщательно поместить четки по центру анодного экрана. Возможно, потом и не придется столько возиться, но сейчас неудачи быть не должно.

Трансмутационный аппарат злорадно трещал в течение целых десяти минут и в комнате постепенно появился запах озона. Асконийцы, что-то бормоча, попятились назад, и вновь Ферл что-то настойчиво прошептал в ухо своего повелителя. Выражение лица Великого Мастера было каменным. Он не шелохнулся.

И четки стали золотыми.

Пониетс с поклоном протянул из Великому Мастеру и прошептал: «Возьмите, Ваше Высочество», но старик заколебался, потом дал знак, чтобы торговец пока оставил их у себя. Он уставился на аппарат.

Пониетс быстро сказал:

— Господа, это золото. золото от первого до последнего кусочка. Если вы не верите то можете подвергнуть его любому физическому или химическому опыту. Его нельзя отличить от обычного золота, которое находится в земле. И его можно сделать из любого железа. Ржавчина тоже не помешает, как и умеренные добавки других металлов.

Но Пониетс говорил только для того, чтобы как-то заполнить всеобщее молчание. Четки свисали с его руки и золото говорило само за себя.

Великий Мастер в конце концов медленно протянул руку, но тогда вмешался узколицый Ферл.

— Ваше Высочество, это золото из отравленного источника.

Пониетс возразил.

— Роза может вырасти из грязи, Ваше Высочество. Когда вы торгуете со своими соседями, вы покупаете у них самые разнообразные товары, не спросив, откуда они их взяли: из прекрасных машин, благословенных вашими добрыми предками, или у

каких-нибудь космических торговцев-негодяев. О чем говорить, я ведь не предлагаю вам прибор, я предлагаю вам золото.

— Ваше Высочество, — сказал Ферл, — вы не отвечаете за чужеземцев, поступки которых вы не одобряете и не знаете. Но согласиться принять это странное псевдозолото, которое было кощунственно сделано из железа в вашем присутствии, перед вашими глазами и с вашего одобрения — это значит оскорбить живые души наших святых предков.

— И все-таки золото — это золото, — с сомнением ответил Великий Мастер, и оно ниспослано

нам выше, чтобы обменять ничтожную личность на чистый и благородный металл. Ферл, по-моему, вы слишком уж строги.

Но он отдернул свою руку.

Пониетс тут же вмешался.

— Вы сама мудрость, Ваше Высочество. Чутьочку отойти от закона и произвести такой невинный обмен — ровным счетом ничего не значит, и благородные святые души ваших предков останутся не только спокойны, но и довольны. Ведь только вы можете сделать сверкающий золотом орнамент, которым они будут только довольны. И ведь если бы золото могло быть само по себе, если бы такое вообще

МОГЛО БЫТЬ ВОЗМОЖНЫМ, ЭТО ЗЛО НЕ
МОГЛО БЫ ОСТАТЬСЯ, ЕСЛИ БЫ ВЫ
УПОТРЕБИЛИ МЕТАЛЛ ДЛЯ КАКОЙ-ТО
БЛАГОРОДНОЙ ЦЕЛИ, КАК УСПОКОЕНИЯ
ДУШ ВАШИХ ПРЕДКОВ.

— Клянусь костями моего
деда! — в запальчивости воскликнул
Великий Мастер. На его лице
отразилось явное удивление, а губы
раздвинулись в улыбке.

— Ферл, что вы скажете об этом
молодом человеке? Его аргумент
неоспорим. Он также неоспорим,
как, и священные слова моих
предков.

— Кажется, это так, — мрачно
ответил Ферл. — Конечно, если эта
неоспоримость не очередная

хитроумная выдумка Злого Духа.

— Я пойду даже дальше, — внезапно сказал Пониетс. — Считайте это золото обычным залогом. Положите его на алтари ваших предков, как приношение, и задержите меня на тридцать дней. Если к концу этого срока не будет заметно никакого неудовольствия с их стороны, если не произойдет никаких несчастий, — ведь конечно же, тогда это будет доказательством, что они принимают это приношение. Разве можно предложить еще большее?

И когда Великий Мастер поднялся, чтобы оглядеть своих придворных и увидеть, кто не

согласен, он не увидел и тени сомнения на их лицах. Даже Ферл пожевал свой висячий ус и коротко кивнул головой.

Пониетс улыбнулся и подумал о пользе своего религиозного образования.

Прежде чем удалось организовать встречу с Ферлом, прошла еще неделя. Пониетс чувствовал напряжение, но он уже успел привыкнуть к ощущению физической беспомощности. Ему пришлось покинуть пределы города под стражей. Под стражей он находился и в загородной вилле Ферла. Ничего не оставалось делать, как просто смириться с этим и даже не оглядываться через плечо.

В домашней обстановке Ферл выглядел и выше и моложе, чем тогда в полукруге Старейшин. В своей домашней одежде он вообще не был

похож на старейшину.

— Вы странный человек, — резко сказал он.

Глаза его были полуприкрыты, а веки чуть дрожали.

— За последнюю неделю и в особенности за последние два часа, вы ни о чем другом не говорите, как о том, что мне необходимо золото. Это бесполезный труд, потому что скажите, кому оно не нужно? Давайте продвинемся в наших разговорах немного вперед.

— Это не просто золото, — осмотрительно сказал Пониетс, — не просто золото, не обычная монетка — другая. Мы говорим сейчас о том, что за этим лежит.

— Что может лежать за золотом? — сказал Ферл, искривив губы в усмешке. — Уж не хотите ли вы провести со мной еще одну демонстрацию?

— Демонстрацию?

Пониетс слегка нахмурился.

— Безусловно.

Ферл сложил руки на груди и одной из них погладил подбородок.

— Я вас не осуждаю. Вы проделали все неуклюже и с определенной целью, я в этом уверен. Я бы конечно предупредил Его Высочество об этом, если бы я знал только причину. Ведь будь я на вашем месте, я безусловно бы сделал бы золото на своем корабле, а потом

предложил бы его в обмен на пленника, не вызывая столько пересудов и споров, которые возникли в результате вашей демонстрации.

— Верно, — согласился Пониетс, — но так как я на своем месте, я и пошел на такой шаг, чтобы привлечь ваше внимание.

— Вот как? Только поэтому?

Ферл не сделал попытки скрыть своего презрительного удивления.

— И очистительный срок в тридцать дней вы тоже предложили для того, чтобы получить нечто посущественнее, чем мое внимание? Но что, если выяснится, что золото не чистое?

Пониетс тоже позволил себе в ответ мрачную шутку.

— Когда судить о его невысокой пробе будут люди, наиболее заинтересованные в том, чтобы оно было чистым?

Ферл поднял свои глаза и уставился на торговца. Он выглядел удивленным и удовлетворенным в одно и то же время.

— Разумно. А теперь скажите, для чего вам потребовалось привлечь мое внимание?

— Пожалуйста. За то короткое время, что я пробыл здесь, я обратил внимание на полезные сведения, которые касаются вас и интересуют меня. Например, вы молоды, очень

молоды для Старейшины и
происходите из относительно
молодой дворянской семьи.

— Вам не нравится мое
происхождение?

— Упаси господи. Ваши предки
велики и святы, никто не посмеет
этого отрицать. Но есть люди,
которые утверждают, что вы не
являетесь членом одного из Пяти
Племен.

Ферл откинулся на спинку
кресла.

— Оказывая полное уважение
всем, кто им является, — он не
скрывал угрозы в голосе, — могу
сказать, что у Пяти Племен бедное
семья и жидкая кровь. Не более

пятидесяти членов Племени
осталось в живых.

— И все-таки же есть люди, которые утверждают, что Великим Мастером, предводителем Нации, не может быть человек не этого происхождения. И говорят еще, что такой молодой и так быстро пробившийся в фавориты Великого Мастера человек не может не иметь могущественных врагов среди крупных государственных деятелей. Его Высочество стареет, а его протекция кончится с его смертью, в то время как ваш враг несомненно станет тем человеком, который будет толковать слова Святого Духа.

— Для чужеземца вы успели

услышать слишком много, — резко сказал Ферл. — такие уши полезно обрубать.

— Это никогда не поздно сделать.

— Давайте подведем итоги, — нетерпеливо сказал Ферл, заерзав в своем кресле. — Вы собираетесь предложить мне богатство и власть на том условии, что я соглашусь на ваши злые приборы, которые находятся в звездолете. Так?

— Допустим, что так. Что вы можете возразить? Привести ваши обычные возражения о добре и зле?

— Вовсе нет, — покачал головой Ферл. — Свое мнение о нас вы основываете на языческом

агностицизме, но ведь я не раб вашей мифологии, хотя это и может так показаться. Я человек образованный, сэр, и, надеюсь, просвещенный. Полная глубина наших религиозных обычаев — в ритуальном смысле скорее, а не в этическом — в основном предназначена для народных масс.

— В чем же тогда состоит ваше возражение? — мягко настаивал Пониетс.

— Именно в этом. В массах. Лично я может и хотел бы заключить с вами соглашение, но для того, чтобы извлекать пользу из ваших маленьких приборов, ими надо уметь пользоваться... Как я могу стать

богатым и уважаемым, если мне придется пользоваться... ну, скажем, обычной бритвой в строжайшей тайне и с дрожью в руках, чтобы это не обнаружили? Если даже мой подбородок будет чисто выбрит, то как это поможет стать мне богатым? И как мне избежать смерти в газовой камере или быть разорванным на куски толпой, если меня поймают с бритвой?

Пониетс пожал плечами.

— Вы правы. В качестве лекарства я могу только предложить обучить ваш народ, чтобы они стали использовать атомную энергию для своей собственной пользы и выгоды. Не отрицаю, работу придется

выполнить титаническую, но она себя окупит с лихвой. Но это ваше личное дело и в настоящий момент я говорю о другом. Я не собираюсь предлагать вам ни бритв, ни ножей, ни механических мусоропроводов.

— Что же вы мне хотите предложить?

— Золото. Просто золото. Вы можете получить прибор, который я демонстрировал прошлой неделе.

Ферл весь напрягся, и кожа на его лбу заходила, собираясь в морщины.

— Трансмутационный аппарат?

— Да. Запас вашего золота будет равняться запасу вашего железа. Поэтому, это удовлетворит все ваши

нужды. Это удовлетворит даже самого Великого Мастера, несмотря на всю вашу молодость и всех ваших врагов. И это безопасно.

— Каким образом?

— Надо действовать в тайне ото всех, как вы мне сами только что сказали. Вы можете запрятать ваш аппарат в самые глубокие темницы ваших самых высоких крепостей, в самом отдаленном вашем предместье, и он все равно сделает вас неизмеримо богатым. Вы покупаете золото, а не прибор, и на нем не написано, откуда оно взялось, потому что его нельзя ничем отличить от настоящего.

— А кто будет работать с этим

прибором?

— Вы сами. Я вам покажу, что делать, и через пять минут вы будете разбираться во всем не хуже меня.

— А взамен?

— Ну что ж, — Очень осторожно начал Пониетс. — Я хочу свою цену и она велика. В конце концов я живу торговлей. Ну, скажем... Это ведь очень ценная машина... вы дадите мне эквивалент одному кубическому футу золота чистым железом.

Ферл рассмеялся и Пониетс покраснел.

— Я хочу добавить вам, сэр, — сказал он натянуто, — что вы сможете получить свои деньги

обратно в течении двух часов.

— Верно, а через час вас уже не будет, а прибор ваш перестанет работать. Мне нужны гарантии.

— Я даю вам свое слово.

— Это прекрасная гарантия, — Ферл иронически поклонился. — Но ваше присутствие будет для меня еще лучше. Я могу дать вам свое слово, что заплачу через неделю после покупки, если прибор будет работать.

— Невозможно.

— Невозможно? Да вы заслужили смертельную казнь одним только предложением продать мне что-нибудь. Вы, конечно, можете отказаться от сделки, но выбор у вас только один: прибор, или газовая

камера завтра утром. Это я вам обещаю.

Лицо Пониетса оставалось неподвижным, но в глазах промелькнула какая-то искорка.

— Вы нечестно пользуетесь своим положением, — сказал он. — По крайней мере вы подтвердите свое обещание письменно?

— И стану преступником? Нет, сэр!

Ферл улыбнулся широкой удовлетворенной улыбкой.

— Нет, сэр! Из нас двоих только один дурак.

Тихим голосом торговец сказал:
— Согласен.

Горова освободили на тридцатый день, и на его место легло пятьсот фунтов самого чистого золота. И вместе с ним освободили его звездолет, который все это время никто не трогал и который простоял взаперти все тридцать дней.

Затем маленькие звездолеты проводили их до границ системы, совсем так же, как раньше провожали до планеты.

Пониетс наблюдал за крохотной сверкающей точкой, которая была кораблем Горова и слушал его ясный голос по передатчику.

— Это не то, что надо,

Пониетс, — говорил он. — Трансмутационный аппарат не пойдет. Кстати, где ты его взял?

— Нигде, — Терпеливо ответил Пониетс. — Собрал из деталей пищеиррадиационной камеры. Да, в нем нет ничего хорошего. Расход энергии в больших количествах запрещен, иначе бы Основание не гонялось по Галактике за тяжелыми металлами, а использовало бы трансмутацию. Это один из тех обычных трюков, которые знает каждый торговец, разве что мне никогда не приходилось обращать железо в золото. Но это впечатляет и аппарат работает... временно.

— Хорошо. Но все же этот трюк

мне не подходит. — Я тебя вытащил оттуда. — Это тоже не имеет отношения к делу. В особенности, если учесть, что я возвращаюсь, как только удастся избавиться от этого конвоя.

— Зачем?

— Ты сам объяснил это своему знакомому Старейшине.

Голос Горова сорвался.

— Когда ты продавал аппарат, ты аргументировал тем, что это — средство для достижения цели и сам по себе он не имеет никакой цены, что твой Старейшина покупает золото, а не прибор. Это было великолепно с психологической точки зрения, но...

— Но? — вежливо и спокойно повторил Пониетс.

Голос из динамика звучал более взволнованно.

— Но мы хотим продать им прибор, который имел бы цену сам по себе. И они должны пользоваться им открыто, для своей же собственной выгоды.

— Это я все понимаю, мягко ответил Пониетс. — Ты уже объяснялся со мной однажды. Но подумай сам, что последует за моей продажей, ладно? Пока трансмутатор будет работать, Ферл будет чеканить золотые монетки, а он будет работать достаточно долго, чтобы Ферл победил на следующих выборах.

Великий Мастер не вечен.

— Ты рассчитываешь на его сознательность? — холодно спросил Горов.

— Нет... на разумную заинтересованность. Трансмутатор поможет ему стать Великим Мастером. Другие приборы...

— Нет! Нет! Ты путаешь причину со следствием. Ему поможет не трансмутатор, а хорошее добропорядочное золото. Я тебе долблю об этом уже полчаса.

Пониетс улыбнулся и уселся по удобнее.

Кажется, хватит. Сколько же можно дразнить бедного парня. Голос Горова и так уже звучал

достаточно раздраженно.

— Не забегай вперед, Горов, — сказал ему торговец. — Я еще не кончил. Тут дело еще и в других аппаратах.

Наступило короткое молчание. Затем Горов осторожно спросил:

— Каких других аппаратах?

Пониетс автоматически сделал движение рукой.

— Ты видишь этот эскорт?

— Вижу, — коротко ответил Горов. — Расскажи мне о приборах.

— Я расскажу, если ты не будешь меня перебивать. Этот эскорт состоит из личных звездолетов Ферла. Он упросил этой милости для нас у Великого Мастера.

— Ну и что?

— Как ты думаешь, куда это нас с тобой эскортируют? В его личные рудники на окраинной планете государства Аскония. Вот куда! Послушай!

Пониетс неожиданно разбушевался.

— Я тебе с самого начала сказал, что собираюсь делать деньги, а не спасать какие-то там миры. Прекрасно. Я продал трансмутатор за бесценок. Ничего за него не получил, кроме риска попасть в газовую камеру, а это не назовешь прибылью.

— Вернемся к рудникам, Пониетс. При чем тут они?

— Как при чем? Я собираюсь

заработать. Мы погрузим олово, Горов. Я забью им свои трюмы до отказа, да и твой трюм кое-что влезет. Мы спустимся с Ферлом на планету, а ты, старина, уж прикрой меня, пожалуйста, всеми пушками своего корабля — вдруг Ферл вовсе не такой благородный, каким он хочет казаться? Вот на олове я и заработаю. Мне им заплатили.

— За трансмутатор?

— За весь мой груз атомных приборов. Двойная цена плюс комиссионные.

Он пожал плечами чуть ли не извиняюще.

— Я признаюсь, что маленько надул их, но должен же я заработать,

ты как считаешь?

Горов явно не находил, что сказать. Наконец, он слабым голосом произнес:

— Ты не можешь все объяснить?

— Что тут объяснять? Это же очевидно, Горов. Это умник решил, что поймал меня в ловушку, потому что его слово значило для Великого Мастера куда больше, чем мое. Он взял трансмутатор. По законам Аскони — это самое страшное преступление. Но он в любой момент мог сказать, что просто хотел вывести меня на чистую воду и приобрел аппарат из чисто патриотических целей и соображений, чтобы потом объявить

меня продавцом запретных товаров.

— Это очевидно.

— Правильно, но тут дело было вовсе не в его слове против моего. Видишь ли, Ферл никогда даже не подозревал, что существует такая штукавина, как портативный видеомаягнитофон.

Горов внезапно рассмеялся.

— Вот именно, — сказал Пониетс, — он меня обманул. Все карты были в его руках. Но когда я, как побитая собака, устанавливал ему трансмутатор, я присоединил к нему маягнитофон и вынул его только на следующий день. У меня в руках оказалась прекрасная видеозапись его святая святых и его самого,

бедного Ферла, управляющего прибором и квохчущего над первым полученным золотом, как курица над яйцом.

— И ты показал ему запись?

— Через два дня. Бедняжка, он никогда не видел трехмерных изображений за всю свою жизнь. Он утверждает, что не суеверен, но если я когда-нибудь скажу тебе, что видел человека так же испуганного, как он, назови меня лжецом. Когда я сказал ему, что подсоединил свой видеомagneитофон к центральной площади города и что включится ровно в полдень, когда там будут находиться миллионы фанатичных асконийцев, ГОТОВЫХ,

соответственно, разорвать его на куски, Ферл очутился на коленях ровно через полсекунды. Он был готов заключить со мной любую сделку.

— А ты? — Заметно было, что Горов едва сдерживается, чтобы не рассмеяться. — Я имею в виду ты что, действительно, подключил магнитофон к городской площади?

— Нет, но это не имеет значения. Сделку мы заключили. Он купил все мои приборы, а я получил разрешение вывезти столько олова, сколько смогу взять. В тот момент он верил, что я могу все. Соглашение заключено в письменном виде, и я отдам тебе копию, когда спущусь с

ним на планету. Это просто предосторожность.

— Но ты оскорбил его самолюбие, — сказал Горов. — захочет ли он пользоваться нашими приборами?

— Почему же нет? Это для него единственный способ оправдать все его расходы, а если он еще сделает на этом деньги, то забудет свою гордость. И он будет следующим Великим Мастером, а лучшего для нас человека и не придумать.

— Да, — сказал Горов. — Это была удачная сделка. но ты пользуешься не совсем удобными приемами для ведения дел. Ничего удивительного, что тебя выгнали из

семинарии. Неужели у тебя начисто отсутствует мораль?

— А какие были мои шансы? — безразличным голосом ответил Пониетс. — Кроме того, ты же знаешь, что Сальвор Хардин говорил о морали.

Часть пятая.

Торговые магнаты

*Торговцы... — с
психоисторической
неизбежностью
экономический контроль
Основания возростал.
Торговцы становились
богаче, а с богатством
приходила и власть...*

*Иногда забывают, что
Хобер Мэллоу начинал свою
жизнь, как обычный
торговец. Зато никогда не
забудут, что он окончил ее,
будучи первым торговым*

магнатом...

*Галактическая
Энциклопедия*

Джоран Сатт сложил вместе пальцы с тщательно наманикюренными ногтями и сказал:

— Это похоже на загадку. Мне кажется — говорю вам в строжайшей тайне — что наступает еще один кризис Хари Сэлдона.

Его собеседник сунул руки в карманы короткого смирнийского пиджака и вынул оттуда сигарету.

— Не знаю, Сатт. Как правило, политики начинают кричать «Сэлдонский Кризис» с каждым новыми выборами в мэры.

Сатт слабо улыбнулся.

Но я не собираюсь проводить никаких предвыборных компаний, Мэллоу. Нам угрожают атомным оружием, а мы не знаем, откуда оно берется.

Хобер Мэллоу из Смирно, Главный Торговец, курил спокойно, почти безразлично.

— Продолжайте. Если вам есть, что сказать, не стесняйтесь, говорите. Мэллоу никогда не был вежлив к людям Основания: таких ошибок он не делал.

Он был инопланетянином, но считал, что мужчина всегда должен оставаться мужчиной.

Сатт включил трехмерную звездную карту на столе. он сделал

нужные подсоединения, и скопления полудюжины звездных систем засверкали красным светом.

— Это — Корельская республика, — спокойно сказал он.

Торговец кивнул.

— Я там был. Вонючая дыра! Вы, конечно, можете называть ее республикой, но почему-то Комдором там избирают каждый раз члена семьи Арго. И если это кому-то не нравится, с ним что-нибудь происходит.

Он поджал губы и повторил:

— Я там был.

— Вы оттуда вернулись, что удавалось не каждому. Три торговых корабля, неприкосновенные согласно

конвенции, исчезли внутри территории республики за последний год. А эти корабли были вооружены обычными ядерными бомбами и силовыми полями.

— Какие последние сообщения были переданы об этих кораблях?

— Рутинные отчеты и больше ничего.

— Что по этому поводу говорят корелийцы?

Глаза Сатта иронически заблестели.

— Мы даже не можем, не имеем возможности их спросить.

Основание держится на своей репутации могущества. Как вы думаете, можем мы потерять три

корабля, а затем начать расспросы?

— В таком случае, может быть вы скажете, что вы хотите от меня?

Джоран Сатт не стал тратить своего времени на такое излишество, как раздражение. Будучи секретарям мэра, он часто сдерживал сторонников оппозиции, людей, ищущих работу информаторов и непризнанных гениев, которые клялись, что они сами разработали тот план, который предложил Хари Сэлдон, и что теперь они могут предсказывать будущее. С таким богатым опытом слишком много надо приложить усилий, чтобы он высказал раздражение.

Он внятно ответил:

— Сейчас скажу. Видите ли, потеря трех звездолетов в одном и том же секторе в течение года не может быть случайностью, а атомная энергия может быть превзойдена только еще большей атомной силой. Автоматически возникает вопрос: откуда на Корелии есть атомное оружие, откуда они его берут?

— И откуда же?

— Есть две возможности. Либо корелийцы сами его изготавливают...

— Ценное наблюдение!

— Очень! Но существует еще одна возможность: предательство.

— Вы так думаете?

Голос Мэллоу был холоден.

Секретарь спокойно ответил:

— Ничего невозможного в этом нет. С тех пор как Четыре Королевства подписали Конвенцию Основания, нам приходилось иметь дело со значительными группами сопротивления на многих планетах. Каждое бывшее королевство имело своих недовольных, в основном из бывшей знати, которые не слишком сильно притворялись в своей любви к Основанию. Возможно, некоторые из них перешли от слов к делу.

Мэллоу сидел пунцово-красный.

— Понятно. Так что вы хотите мне сказать? Сам я со Смирно.

— Знаю. Вы — смирниец, родились на Смирно, одном из бывших Четырех Королевств.

По рождению вы инопланетянин и иностранец, а к Основанию вы относитесь только по своему образованию. Несомненно, ваш дед был бароном во времена войн Смирно и Локрис, а также несомненно, что ваши фамильные поместья были конфискованы и разделены Сэфом Сермаком.

— Неправда! Клянусь космосом, это ложь! Мой дядя был нищим сыном космолетчика, который умер, потому что у него не хватило денег на уголь. Это было еще до Основания. Я ничего не должен старому режиму. Но я родился на Смирно и я не стыжусь ни Смирно, ни смирнийцев, клянусь Галактикой!

Ваши идиотские намеки на предательство не заставят меня поцеловать пыль под ногами Основания. А теперь вы можете либо отдать приказ, либо предъявить мне обвинение. Мне плевать, что именно.

— Мой дорогой Главный Торговец, меня не волнует, был ли ваш дед королем Смирно, или самым последним нищим на планете. Я говорил о вашем рождении и предках только для того, чтобы показать вам, что меня это абсолютно не интересует. Очевидно, вы этого не знали. Давайте вернемся назад. Вы — смирниец, вы знаете инопланетян. Кроме того, вы торговец, причем один из лучших. Вы были на Корелии

и вы знаете корелийцев. Туда вам и предстоит отправиться.

Мэллоу глубоко вздохнул. — Я буду шпионом? — Вовсе нет. Обычным торговцем, но вы будете держать глаза широко открытыми.

Если вы сможете выяснить, откуда они достали оружие... Я хочу напомнить вам, раз уж вы смирниец, что два последних исчезнувших звездолета были со Смирно.

— Когда я должен вылетать?

— Когда вы сможете подготовить свой корабль к отлету?

— Через шесть дней.

— Вот тогда и отправляйтесь.

Подробности вы узнаете в адмиралтействе.

— Хорошо.

Он поднялся, крепко пожал руку и вышел.

Сатт подождал, осторожно потирая руки и давая схлынуть нервному напряжению, потом пожал плечами и вошел в кабинет мэра.

Мэр выключил телевизор и откинулся на спинку стула.

— Как он тебе понравился, Сатт?

— Может быть, он хороший актер, — ответил Сатт и задумчиво уставился перед собой.

Был вечер того же самого дня. В холостяцкой квартире Джорана Сатта на двадцать первом этаже Хардинг Билдинг сидел Публис Манлио и маленькими глотками пил пиво.

Стареющее легкое тело Публиса Манлио управляло двумя важнейшими отраслями Основания. Во-первых, он был иностранным секретарем в кабинете мэра, отвечающим за все миры, исключая Основание, и во-вторых, он был Кардиналом Церкви, поставщиком Святой Пищи, Епископом Храма и так далее и тому подобное — перечислять можно до

бесконечности.

Он пил пиво и говорил:

— Но он не согласится разрешить нам послать этого торговца. Это уже нечто.

— Но этого так мало, — ответил Сатт. — Это не даст нам немедленных результатов. Мы работаем слишком грубо, так как не можем предвидеть, что произойдет. Это все равно, что вешаться на бесконечно длинной веревке в надежде, что в конце ее обязательно будет петля.

— Где-то вы правы. И этот Мэллоу способный человек. Что если не удастся его так легко обмануть?

— Тут мы должны рискнуть.

Если дело в предательстве, то в нем участвуют способные лица. Если нет — то нам нужен способный человек, который сможет узнать правду. И за Мэллоу будут следить. Ваш бокал пуст.

— Нет, спасибо. Мне достаточно.

Сатт наполнил свои бокал и терпеливо продолжал нелегкий для себя разговор.

О чем бы этот разговор не шел, кончился он неопределенно, потому что кардинал внезапно нервно спросил:

— Сатт, что вы задумали?

— Я скажу вам, Манлио.

Тонкие губы Сатта раздвинулись

в улыбке.

— Мы сейчас в самой гуще очередного Сэлдонского кризиса.

Манлис вздрогнул, потом мрачно спросил:

— Откуда вы знаете? Темпоральный сейф еще раз открылся?

— Нет, мой друг, но это и необязательно. Послушайте и сами сделайте вывод. С тех пор как Галактическая Империя покинула Периферию и предоставила нас самим себе, мы еще ни разу не имели противника, обладающего атомной энергией. Этот случай первый. Такой факт имел бы большое значение, даже если бы у нас не было других

неприятностей. А они есть. В первый раз за последние семьдесят лет мы переживаем большой внутренний кризис. И я считаю, что такая синхронизация внешнего и внутреннего кризисов делает мой вывод бесспорным.

Глаза Манлио сузились.

— Если других причин нет, этого недостаточно. До сих пор мы пережили два Сэлдонских кризиса, и оба раза Основание находилось под угрозой разрушения. Третий кризис не может начаться, пока такая опасность не будет очевидной.

Сатт остался таким же невозмутимым.

— Опасность приближается.

Каждый дурак может сказать, что был кризис, если тот уже прошел. Настоящая государственная служба состоит в том, чтобы отличить этот кризис в зародыше. Послушайте, Манлио, мы с вами живем на спланированной для нас тропинке истории. Мы знаем, что Хари Сэлдон разработал исторические вероятности нашего будущего. Мы знаем, что в один прекрасный день мы восстановим Галактическую Империю. Мы знаем, что это займет около тысячи наших лет. И мы знаем, что на этом пути нас ждет несколько тяжелых кризисов.

Итак, первый кризис разразился через пятьдесят лет после создания

Основания, а второй через тридцать лет после первого. С тех пор прошло почти семьдесят пять лет. Время, Манлио, время.

Тот неуверенно потер свои нос.

— И вы решили подготовиться к этому кризису?

Сатт кивнул.

— А я, — продолжал Манлио, — тоже должен играть в нем какую-то роль?

Сатт вновь кивнул.

— Прежде чем отражать угрозу внешней атомной войны, мы должны навести порядок у себя дома. Эти торговцы...

— А!

Кардинал напрягся, глаза его

сузились.

— Да, да торговцы. Они полезны, но они слишком сильны и слишком независимы. Они инопланетяне и имеют прекрасное образование, не связанное с религией. С одной стороны мы сами дали им это образование, а с другой — потеряли после этого над ними всякий религиозный контроль.

— А если вам удастся доказать предательство?

— Если это только удастся, то тогда все просто. Но это дело надо пресекать в корне. Даже если среди них нет предателей, они образуют неопределенный элемент в нашем обществе. У них нет по отношению к

нам ни патриотических чувств, ни обычного уважения. Под их твердым руководством внешние провинции, которые со времен Хардина смотрят на нас как на Святую планету, могут отколоться.

— Я все это понимаю, но выход...

— Выход должен быть найден быстро, прежде чем Сэлдонский кризис подойдет к своему максимуму. С угрозой атомной войны и нарастающими внутренними беспорядками, шансы могут стать не в нашу пользу.

Сатт поставил на стол пустой бокал, который рассеянно вертел в руке.

— И это — ваша задача.

— Моя?

— Лично я ничего не могу сделать. У меня назначенная должность и нет юридической власти.

— Мэр...

— Невозможно. Подумайте только, что это за человек. Он энергичен только тогда, когда надо избежать какой-нибудь ответственности. Но если возникнет независимая партия, грозящая переизбранием, он пойдет туда, куда мы его позовем.

— Но, Саат, у меня нет никаких способностей к политике.

— Это предоставьте мне. Кто

знает, Манлио? Со времен Сальвора Хардина должности Верховного Жреца и мэра никогда еще не занимал один человек. Но сейчас это может произойти, если вы хорошо выполните свое задание.

А на другом конце города, куда в более домашней обстановке, у Хобера Мэллоу была еще одна встреча. Он слушал долго и внимательно, а потом осторожно сказал:

— Да, я слышал о ваших компаниях, чтобы добиться торгового представительства в Совете. Но почему я, Твер?

Джейм Твер, который всегда говорил к месту и не к месту, спрашивали его или нет, что он был в первой группе инопланетян, получивших образование на Основании, ответил низким голосом:

— Я знаю, что делаю. Помнишь, когда мы с тобой встретились впервые?

— На конвенции торговцев.

— Точно. Ты был председателем. Ты не оставил от этих упрямцев камня на камне, ты заткнул им рты раз и навсегда. И у народа Основания ты тоже популярен. У тебя есть обаяние или, по крайней мере, твердая репутация человека, любящего приключения, что одно и тоже.

— Прекрасно, — ответил Мэллоу. — Но почему именно сейчас?

— потому что сейчас нам предоставляется случай. Знаешь ли

ты, что министр Образования подал в отставку? Об этом пока еще не объявлено официально, но это так.

— Откуда ты это знаешь?

— От... неважно.

Он недовольно махнул рукой.

— Это точно. Партия Действия постепенно разваливается. Мы можем прихлопнуть ее прямо сейчас, если выдвинем вопрос о равных правах для торговцев, или вернее, о демократии.

Мэллоу откинулся в кресле и уставился на свои толстые пальцы.

— Понятно. но мне очень жаль, Твер. Я уезжаю по делам на следующей неделе. Тебе придется найти кого-нибудь другого.

Твер уставился на него.

— По делам? Каким еще делам?

— Сверхсекретным.

Государственная тайна и все такое прочее. Говорил сегодня с собственным секретарем мэра.

— Змеей Саттом? —

возбужденно спросил Джейм Твер. — Ловушка. Эта лиса просто хочет от тебя избавиться. Послушай, Мэллоу...

— Остановись!

Рука Мэллоу упала на сжатые кулаки собеседника.

— Не кипятись. Если это ловушка, я ведь вернусь когда-нибудь обратно для расчета. А если нет, то ваша змея, Сатт, играет нам только на

руку. Послушай, наступает очередной Сэлдонский кризис.

Мэллоу замолчал, ожидая бурной реакции, но ее не последовало. Твер уставился на него в недоумении.

— Что это такое?

— Великая Галактика!

Мэллоу не выдержал и взорвался.

— Какого черта вы делали в школе? Чем вы там занимались? Вы что, шутите со мной, задавая идиотские вопросы?

Его более пожилой собеседник нахмурился.

— Если вы объясните...

Наступила долгая пауза, затем

Мэллоу опустил глаза и сказал:

— Объясню. Когда

Галактическая Империя стала распадаться по Периферии и когда на этой периферии наступил период варварства, она вообще отпала от Империи. Хари Сэлдон и его группа психологов создала колонию, Основание, в центре всего этого варварства, чтобы мы могли культивировать науку, искусство, технологию, и создали бы ядро Второй Империи.

— О, да, да, я об этом...

— Я еще не окончил, — холодно сказал торговец. — Будущий путь Основания был рассчитан согласно психоисторическим формулам и на

этом пути люди были поставлены в такие условия, чтобы пережить серию кризисов, которые в свою очередь подтолкнут человечество к более быстрому созданию будущей Империи. Каждый кризис, каждый Сэлдонский кризис, заканчивает эпоху в нашей истории. Сейчас мы приближаемся к очередному кризису — третьему по счету.

— Ну, конечно!

Твер пожал плечами.

— Теперь я вспомнил. Но я закончил учебу давным-давно, раньше чем ты.

— Ну, ладно, забудем это. Все дело в том, что меня посылают сейчас в самую гущу этого кризиса.

Никому не известно, что будет, когда я вернусь, а выборы в Совет происходят ежегодно.

Твер поднял голову.

— Ты напал на какой-нибудь след?

— Нет.

— Но у тебя есть какие-нибудь определенные планы?

— Вообще никаких.

— Но...

— «Успех не достигается одним планированием. Надо уметь думать.» Я собираюсь думать.

Твер неуверенно покачал головой и они оба встали, глядя друг на друга.

Неожиданно, но тоном, как

будто это само собой разумеется, Мэллоу сказал:

— Послушайте, что я вам скажу, не хотите ли полететь со мной, молодой человек? Да не смотри ты на меня так. Прежде чем стать политиком ты был торговцем. По крайней мере, мне так говорили.

— Скажи, а куда мы летим?

— К Вассалийскому провалу. Я не могу сказать тебе точнее, пока мы не окажемся в космосе. Ну, что ты скажешь?

— Предположим, Сатт решил, что лучше ему не выпускать меня из своего поля зрения?

— Не думаю. Если ему так хочется избавиться от меня, то

почему, заодно, не от нас двоих? Кроме того, ни один торговец не выйдет в космос, если ему не разрешат набрать собственную команду. Кого хочу, того и беру.

В глазах более пожилого человека заиграли огоньки.

— Хорошо. Я согласен. Он протянул руку.

— Это будет моим первым путешествием за три года. Мэллоу крепко пожал протянутую руку и ответил:

— Прекрасно. Все просто прекрасно. А сейчас я пойду соберу своих мальчиков. Ты знаешь где док «Дальней Звезды»? Тогда до завтра. Прощай.

Корелия — довольно частый феномен в истории, республика, в которой правитель обладает всеми прерогативами монарха, разве что не его титулом. И, следовательно, в ней царил обычный деспотизм, не сдерживаемый обычным влиянием законной монархии: королевской честью и придворным этикетом.

В материальном отношении ее благосостояние было низким. Дни Галактической Империи давно прошли, не оставив после себя ничего, кроме безмолвных памятников и развалин построек. Дни Основания еще не наступили, и

под беспощадной властью ее правителя, Комдора Аспера Арго, который ввел строгие ограничения для торговцев и еще более строгое запрещение для миссионеров, они могли никогда не наступить.

Космодром пришел в полную негодность от дряхлости, и команда «Дальней Звезды» очень хорошо это почувствовала. Ангары находились в полуразрушенном состоянии, и Джейм Твер поморщился, раскладывая пасьянс.

— Здесь неплохое местечко для торговца, — задумчиво сказал Хобер Мэллоу.

Он спокойно осматривал местность из иллюминатора. Пока

что мало что можно было сказать о Корелии. Путешествие прошло без всяких происшествий. Эскадра корольских звездолетов, которые перехватили «Дальнюю Звезду» на подступах к системе, были остатками былой роскоши и поражали своей неуклюжестью. Они держались на почтительном расстоянии и поддерживали это расстояние до конца. Уже целую неделю просьбы Мэллоу о встрече с представителями правительства оставались без ответа.

— Здесь неплохое местечко для торговца, — повторил Мэллоу. — Можно сказать, девственная территория.

Джейм Твер нетерпеливо поднял

голову и откинул карты в сторону.

— Что ты в конце концов собираешься делать, Мэллоу? Команда ворчит, офицеры обеспокоены, а я удивляюсь...

— Удивляешься, чему?

— Положению. И тебе. Что мы вообще здесь делаем?

— Ждем.

Старый торговец фыркнул и начал медленно краснеть.

— Ты блуждаешь в потемках, Мэллоу, — громко сказал он. — Вокруг нас и космодрома охрана, а над нашей головой дежурят космолеты. Допустим, они решат сделать из нас дыру в их земле?

— У них была на это целая

неделя.

— Может, они ждут подкреплений.

Глаза Твера были остры и проницательны.

Мэллоу резко уселся в кресло.

— Да, я об этом думал. Видишь ли, проблема-то не из легких. Во-первых, мы долетели сюда без всяких забот. Однако, это ни о чем не может говорить, потому что, все-таки три корабля исчезли. Правда, из трехсот. Слишком низкий процент. Но это может также значить, что у них просто мало кораблей, вооруженных атомным оружием, и что они не осмеливаются показать свою силу до тех пор, пока их мощь не возрастет.

Но с другой стороны, это может значить, что у них все-таки вообще нет атомной энергии. А может быть и есть, но они тщательно ее скрывают. Одно дело захватить обычный купеческий корабль — легкий и слабовооруженный. С другой стороны — напасть на корабль Основания, когда один тот факт, что такой корабль присутствует, может говорить о том, что Основание что-то подозревает. Сравним это...

— Подожди, Мэллоу, подожди.

Твер поднял руку.

— Ты меня просто утопил в своих речах. К чему ты клонишь? Говори прямо.

— Тебе придется выслушать все,

иначе ты не поймешь, Твер. Они не знают, что я здесь делаю, а я не знаю, что у них есть. Но я в более тяжелом положении, потому что я один, а их — целая планета, причем, возможно, обладающая атомной энергией. Я не могу позволить себе расслабиться. Конечно, это опасно. Конечно, может нас ждать в результате дыра в земле, но мы знали об этом с самого начала. Так что же нам остается еще делать?

— Я не... Это еще что такое, а?

Мэллоу нетерпеливо нажал на кнопку видеоэкрана. Экран осветился и на нем появилось морщинистое лицо сержанта караула.

— В чем дело, сержант?

— Извините меня, сэр. Часовые

пропустили к звездолету миссионера
Основания.

— *Кого?*

На лице Мэллоу заиграли яркие
краски.

— Миссионера, сэр. Он
нуждается в срочной
госпитализации, сэр...

— По вашей милости, сержант, в
ней скоро будет нуждаться не один.
Прикажите команде занять места по
боевому расписанию.

Кают-компания команды была
почти пуста. Не прошло и пяти
минут после приказа, а люди уже
заняли места у пушек по боевой
готовности. В варварских
анархических районах космоса

скорость является первой необходимостью, а команда Мэллоу была одна из лучших по скорости выполнения его приказаний.

Мэллоу медленно вошел в комнату и оглядел миссионера с ног до головы. Его взгляд скользнул по лейтенанту Тинтеру, который неуверенно переступал с ноги на ногу, и по сержанту Демену, чье невыразительное лицо и крепкая фигура маячили за лейтенантом.

Главный Торговец повернулся к Тверу и на секунду задумался.

— Ну что ж, Твер, собери здесь всех офицеров, за исключением координаторов и проектировщиков. Команда пусть остается на своих

местах до дальнейшего распоряжения.

Наступила пятиминутная передышка, во время которой Мэллоу открыл дверь во все комнаты, заглянул за бар и задернул тяжелые шторы над иллюминаторами. На полминуты он вообще покинул каюту и, когда вернулся, мурлыкал под нос что-то непонятное.

Вошли офицеры. За ними появился Твер и бесшумно закрыл за собою дверь.

Мэллоу спокойно сказал:

— Во-первых, кто пустил сюда этого человека без моего приказа?

Сержант караула сделал шаг вперед. Все взгляды обратились на

него.

— Извините, сэр. Его пропустил не какой-то определенный человек. Мы как бы все на это согласились. Он ведь один из нас, можно сказать, а все эти иностранцы...

Мэллоу прервал его:

— Я, конечно, понимаю вас, сержант, и даже очень сочувствую. Скажите, эти люди находились под вашей командой?

— Да, сэр.

— Когда все кончится, вы подвергнете их недельному аресту в казармах. Сами вы освобождаетесь от своих обязанностей на тот же период времени. Вы меня поняли?

Лицо сержанта не изменилось,

но плечи его слегка поникли. Он кратко ответил:

— Да, сэр.

— Можете идти. Займите свой пост.

Дверь за сержантом закрылась, и в каюте поднялся легкий шумок разговоров.

— За что ты наказал его, Мэллоу? — вмешался Твер. — Ты же знаешь, эти корелийцы убивают пленных миссионеров.

— Действие наперекор моим приказам достаточно плохо само по себе, чтобы ему было какое бы то ни было оправдание. Ни один человек не должен был войти или покинуть звездолет без моего личного

разрешения.

Лейтенант Тинтер недовольно пробормотал:

— Семь дней бездействия. Так вам никогда не удастся поддержать дисциплину.

— Мне удастся, — ледяным голосом ответил Мэллоу. — Какой смысл в дисциплине, если условия идеальны? Мне нужна дисциплина даже перед лицом смерти, иначе она бесполезна. Где этот священник? Давайте его сюда.

Торговец уселся, глядя на одетую в красную мантию Фигуру, которую к нему подвели.

— Как вас зовут, ваше преподобие?

— А?

Он повернулся к Мэллоу, слегка покачиваясь. Глаза священника смотрели слепо, на одном из висков красовался недавний шрам. Он не сказал ни одного слова и, насколько помнил Мэллоу, даже не шелохнулся во время всех предыдущих разговоров.

Твер сделал шаг вперед и сказал хриплым голосом, глядя на Мэллоу встревоженными глазами:

— Этот человек болен. Пусть кто-нибудь доведет его до постели. Прикажи, чтобы его уложили, Мэллоу, и пусть за ним ухаживают. Он тяжело ранен.

Длинная рука Мэллоу

оттолкнула его в сторону. Не вмешивайся, Твер, или я выгоню тебя из каюты.

— Итак, как вас зовут, ваше преподобие? Рука миссионера судорожно сжалась. — Если вы просвещенный человек, спасите меня от этих язычников.

Он еле говорил.

— Спасите меня от этих негодяев и варваров которые преследуют меня и оскорбляют Галактического Духа своими преступлениями. Я — Джордж Парма с Анакреона. Получил образование на Основании, дети мои. Я священник Духа, посвященный во все его тайны,

пришедший сюда по велению моего внутреннего голоса.

Он задыхался.

— Как я страдал в руках непосвященных. Все мы дети Духа и именем этого Духа я заклинаю вас спасти меня от них.

Внезапно его речь прервал металлический сигнал тревоги и голос:

— Появились военные силы противника. Необходимы указания.

Мэллоу в бешенстве выругался. Он щелкнул переключателем и крикнул:

— Продолжайте наблюдение! Это все!

Затем он вернул переключатель

в прежнее положение, подошел к шторкам иллюминаторов, которые раздвинулись при его прикосновении, и угрюмо выглянул наружу.

— Военные силы противника! Несколько тысяч солдат, замаскированных под обычную корелийскую толпу.

Шум этой толпы достиг звездолета и сквозь холодный свет было видно, что передние ряды продвинулись на несколько шагов.

— Тинтер!

Торговец даже не повернулся. Но его шея сзади покраснела.

— Включите внешний рупор и выясните, чего они хотят. Спросите,

есть ли среди них представитель закона. Ничего не обещайте и не вздумайте грозить, или я вас собственноручно прикончу.

Тинтер повернулся и вышел из каюты.

Мэллоу почувствовал, что его резко схватили за плечо и он ударил по держащей его руке. Это был Твер. Он злобно прошептал ему на ухо:

— Мэллоу, ты обязан защитить этого человека. Нет другого пути защитить свою честь. Он из Основания, в конце концов, он священник. Эти дикари... Ты меня слышишь?

— Я прекрасно тебя слышу, Твер.

Голос Мэллоу был надломлен.

— У меня здесь есть дела поважнее, чем охранять миссионеров. И я сделаю, сэр, то, что пожелаю, и клянусь Сэлдоном и всей Галактикой, если ты попытаешься меня остановить, я сверну тебе шею. Не становись на моем пути, Твер, или это плохо для тебя кончится.

Он повернулся и подошел к своему креслу.

— Вы! Святой отец Парма! Вы знали, что согласно конвенции ни один миссионер не имеет права находиться на их территории?

Тот весь дрожал.

— Я иду туда, куда призывает меня Дух, сын мой. Когда

непосвященные отказываются
увидеть свет, разве это не великий
знак того, что он им необходим?

— Это не имеет отношения к
делу, святой отец. Вы находитесь
здесь вопреки законам, как
корелийским, так и Основания. По
закону я не имею права взять вас под
свою защиту.

Миссионер вновь воздел вверх
свои руки.

Его растерянность прошла.
Снаружи из репродуктора слышался
чей-то голос и злобный шум в ответ.
От этого шума глаза священника
стали почти безумными.

— Вы слышали их? Почему вы
говорите мне о законе, о людском

законе? Есть законы более высокие. Разве не Галактический Дух сказал: «Не стой праздно, когда обижают человека, твоего Брата»? Разве не он сказал: «Как ты будешь заботиться об увечных и беззащитных, так позаботятся и о тебе»? Разве у вас нет пушек? Разве позади вас не стоит Основание? А над всеми нами, над вселенной разве не царит Галактический Дух?

Он остановился, переводя дыхание.

А затем усиленный голос из репродуктора умолк, и в каюту вошел лейтенант Тинтер. Он был встревожен.

— Говорите, — резко сказал

Мэллоу.

— Сэр, они требуют человека по имени Джордж Парма.

— В противном случае?

— Угроз много, сэр. Трудно что-нибудь разобрать. Их слишком много и все они беснуются. Кто-то из толпы кричит, что он начальник этого округа и имеет политическую власть. Но, по-моему, он выступает от чьего-то имени.

— От чьего-то или не от чьего-то, — пожал плечами Мэллоу, — он представляет закон. Мне еще до сих пор не приходилось когда-либо с ним сталкиваться. Но если здесь кто-нибудь думает, что может учить меня, как поступать, я с удовольствием сам

научу его не вмешиваться в мои дела.

Пистолет медленно обошел весь круг и остановился на Твере. Усилием воли старый торговец расслабил мускулы своего лица и разжал кулаки. Дыхание со свистом вырывалось у него из ноздрей.

Тинтер вновь вышел и через пять минут крохотная фигурка отделилась от толпы. Она медленно и неуверенно приблизилась к звездолету, явно боясь. Дважды она поворачивала обратно и дважды угрозы беснующейся толпы заставляли ее продолжить свой путь.

— Хорошо.

Мэллоу указал на дверь дулом бластера, который так и остался в его

руке.

— Выведите его.

Миссионер завизжал. Он воздел вверх руки и широкие рукава его мантии упали до плеч, обнажив исхудалые с синими венами руки. На какую-то долю секунды мелькнул и пропал солнечный зайчик. Мэллоу моргнул и вновь презрительно указал бластером на дверь.

Голос миссионера прерывался, пока он боролся с двумя людьми, держащими его под руки.

— Пусть будет проклят предатель, который покинул своего брата и предал его злобе и смерти. Пусть оглохнут его уши, которые глухи к мольбам беспомощного.

Пусть ослепнут его глаза, которые слепо взирают на невинного. Пусть черной станет его душа, которая...

Твер в отчаянии заткнул уши.

Мэллоу засунул бластер обратно в кобуру.

— Займите свои места по расписанию, — сказал он. — Продолжайте наблюдение в течении шести часов после того, как разойдется толпа. После этого удвойте посты на сорок восемь часов. Дальнейшие инструкции потом. Твер, пройдемте со мной.

Они остались наедине в личной каюте Мэллоу. Торговец указал на кресло и Твер сел в него. Его красная фигура выглядела несколько

увядшей.

Мэллоу уставился на него с иронической улыбкой.

— Твер, — сказал он. — Я в тебе разочаровался. Три года занятий политикой кажется выбили у тебя из голов все торговые привычки. Не забывай: я могу быть демократичным там, на Основании, но ничего, вплоть до тирании, не остановит меня, чтобы командовать своим кораблем так, как мне это нравится. Еще ни разу в жизни мне не приходилось заставлять свою команду выполнять мои приказы под дулом бластера. Не пришлось бы и на этот раз, если бы ты не вмешался. На моем звездолете, Твер, ты не имеешь никакого

официального положения, но я готов разговаривать с тобой и на «ты», и по-свойски, но только когда мы наедине. Однако, с настоящей минуты, в присутствии офицеров или моих солдат, я для тебя «сэр», а не Мэллоу. И когда я отдам приказ, ты бросишься выполнять его быстрее, чем новобранец, или я прикажу заковать тебя в кандалы и до конца нашего путешествия ты просидишь в трюме. Тебе все понятно?

Лидер Партии сглотнул слюну. Он неохотно ответил:

— Прими мои извинения.

— Принимаю! Пожмем друг другу руки?

Ватные пальцы Твера потонули в

огромной ладони Мэллоу.

— Мои намерения были самыми лучшими, — сказал Твер. — Очень трудно отдать человека на растерзание толпы. Этот представитель закона, или как он там себя называл, не может спасти его от суда Линча.

— Тут я бессилен. Да и честно говоря, все это происшествие дурно пахло. Ты ничего не заметил?

— Нет, а что?

— Космодром находится на большом удалении от населенных пунктов. Внезапно миссионеру удается бежать. Откуда? Он появляется здесь. Совпадение? Собирается большая толпа. Откуда?

Ближайший хоть сколько-нибудь населенный город находится на добрую сотню миль отсюда. Но они умудрились прийти сюда за полчаса. Каким образом?

— Каким образом? — словно эхо повторил Твер.

— А ты представь себе, что миссионера привезли сюда и освободили, просто как приманку. Наш общий друг, его преподобие Парма, выглядел совершенно растерянным. Мне показалось, что он за всю нашу беседу ни разу по-настоящему не вел себя.

— Жестокое обращение, — с горечью прошептал Твер.

— Может быть! А может быть,

вся идея, вся идея заключалась в том, чтобы вы проявили галантность в своей глупой защите этого человека. Он находится здесь против законов Основания и Корелии. Если бы я позволил ему остаться, это было бы военным актом против Корелии, и Основание, в свою очередь, уже не имело бы возможности защищать нас.

— Это... это все домыслы.

Лампочка коммутаторной связи загорелась и не дала Мэллоу ответить своему собеседнику.

— Сэр, — раздался голос из интеркома, — нами получено официальное послание.

Сверкающий цилиндрик

выскочил с легким щелчком из щели стола. Мэллоу открыл его и вытряхнул оттуда пропитанный серебряным раствором лист бумаги. Он оценивающе потер бумагу пальцами и сказал:

— Телепортирование прямо из столицы. Личная канцелярия Комдора.

Он окинул послание одним взглядом и коротко рассмеялся.

— Так значит я слишком далеко заглядывал?

Он пододвинул письмо к тверу и добавил:

— Через полчаса после того, как мы вернули им миссионера, пришло очень вежливое приглашение явиться

перед очи августейшего Комдора. И это после семи дней ожидания. Кажется, первое испытание мы выдержали.

Комдор Аспер был избран своим народом со всеобщего одобрения. Остатки его когда-то длинных прямых волос висели до плеч, рубашка была не первой свежести, говорил он немного в нос.

— Не нужна мне никакая показуха, — говорил он, — никаких фальшивых представлений. Во мне вы видите просто первого гражданина государства. Вот это означает слово Комдор, и это единственный титул, который я имею.

Он казался неимоверно довольным своей речью.

— Откровенно говоря, я считаю этот факт одним из теснейших связей между Корелией и вашей нацией. Ведь ваш народ также любит республиканские настроения, как и мы.

— Вы совершенно правы, Комдор, — серьезно ответил Мэллоу, приводя в уме сравнения и внутренне содрогнувшись. — Вы привели именно такой аргумент, который я считаю благоприятным для продолжительного мира и дружбы между нашими правительствами.

— Мир! Ага!

Редкая седая бороденка Комдора двигалась в такт сентиментальным выражениям его лица.

— Я думаю, что никто по всей Периферии не принимает так близко к сердцу идеал мира, как я. Говорю вам чистую правду: с тех пор, как я унаследовал от своего прекрасного отца предводительство государством, мир еще ни разу не был нарушен. Может мне не следует этого говорить...

Тут он скромно откашлялся.

— ...но мне самому так говорили, будто мой народ дал мне прозвище Аспера Любимого.

Мэллоу окинул взглядом хорошо возделанный сад. Может быть, высокие телохранители и незнакомое оружие глядело на него из каждого угла, только дожидаясь взгляда

Комдора. Но высокие стальные стены, окружавшие сад, выглядели совсем новыми, что выглядело достаточно странно для любимого народом Аспера.

— Какое счастье, что я буду иметь дело именно с вами, Комдор, — сказал он. — Деспоты и монархи других миров, которые не имеют такого просвещенного управления, часто не имеют качеств, делающих их всенародно любимыми.

— Каких качеств?

В его голосе прозвучала осторожность.

— Ну, конечно же, прежде всего, они не соблюдают интересов своего народа. Вы, с другой стороны,

прекрасно понимаете все их нужды.

Комдор не отводил своих глаз от посыпанной гравием тропинки, по которой они лениво прогуливались. Он потирал рука об руку, сложив их за спиной.

Речь Мэллоу продолжала гладко течь.

— До сих пор торговля между двумя нашими нациями страдала из-за ограничений, наложенных на торговцев вашим правительством. Я не сомневаюсь, что вы уже давно пришли к заключению, что ничем не лимитированная торговля...

— Свободная торговля! — промямлил Комдор.

— Пусть — свободная торговля.

Вы должны понять, что она будет взаимовыгодная. У нас есть то, что нужно вам и наоборот. Нам бы только наладить обмен и наше с вами благосостояние будет расти. Такой просвещенный деятель, да еще такой, как вы, друг народа, скажу больше, один из народа, не требует моих убеждений по этому поводу. И я никогда не оскорблю ваш ум таким предложением.

— Правильно! Я давно это понял! Но чего вы хотите?

Голос у него был довольно унылый.

— Ваши люди были всегда такими неразумными. Я бы хотел торговать с вами столько, сколько

позволит наша экономика, но не на ваших условиях. Я ведь не единственный, кто здесь приказывает, — он повысил голос. — Я — только слуга народа. Мой народ не желает торговать, когда торговля отравлена красно-золотыми мантиями.

Мэллоу весь подобрался.

— Вас принуждали к религии?

— На деле к этому все шло. Вы ведь конечно помните Асконийское дело, двадцать лет тому назад. Сначала было продано несколько ваших приборов, а потом ваши люди потребовали полную свободу действий миссионерам, чтобы управлять этими приборами, затем

были воздвигнуты храмы. Далее произошло основание религиозных школ, требование автономных прав для жрецов церкви — и каков результат? Сейчас Аскония является членом системы Основания и сам Великий Мастер не может назвать своего собственного нижнего белья своим. О, нет! Нет! Самоуважение нашего независимого народа никогда не потеряет этого.

— Но не собираюсь вам ничего такого предлагать, — прервал его Мэллоу.

— Нет?

— Нет. Я — Главный Торговец. Моя религия — деньги. Весь этот мистицизм и миссионерские фокусы

меня только раздражают, и я рад, что вы отказываетесь иметь дело со всеми этими священниками. Так вы мне больше по душе.

Смех Комдора был пронзителен и нервен.

— Хорошо сказано! Основанию следовало прислать такого человека, как вы, намного раньше.

Он по-дружески положил руку на покатое плечо торговца.

— Но послушайте, вы сказали мне только половину. Я понял только, что вам не по душе. А теперь скажите, что вы хотите взамен.

— Единственное, чего я хочу, Комдор, это чтобы ваши сундуки ломились от неслыханных богатств.

— Вот как?

Он фыркнул носом.

— Но для чего мне все эти богатства? Настоящую цену имеет только любовь твоего народа. Это у меня есть.

— Но ведь вы можете иметь и то, и другое, потому что еще никто не запрещал собирать золото одной рукой, а любовь — другой.

— Ну-ну, молодой человек, это был бы, конечно, интересный феномен, если бы он был возможен. Как вы себе это представляете?

— О, существует много способов. Трудность скорее представляет их выбор. Давайте посмотрим. Ну, например, предметы

роскоши. Вот это, скажем...

Мэллоу вытащил из внутреннего кармана плоскую цепочку из полированного металла.

— Взгляните.

— Что это такое?

— Словами не скажешь. У вас здесь есть поблизости какая-нибудь девушка? Абсолютно любая, лишь бы она была молода, и зеркало во весь рост?

— Г-м-м... Ну что ж, зайдемте в дом.

Комдор называл свое жилище домом. Население, несомненно, называло его дворцом. Для зорких глаз Мэллоу оно очень смахивало на крепость. Здание было выстроено на

возвышенности, откуда открывался вид на столицу. Ее толстые стены были укреплены арматурой. Все подходы к нему охранялись, и сама архитектура делала его еще более неприступным. Как раз такой дом, в котором должен был жить всеми любимый Комдор.

Перед ними стояла молодая девушка. Она низко поклонилась Комдору, который сказал:

— Это одна из служанок. Она подойдет?

— Превосходно!

Комдор внимательно наблюдал, как Мэллоу застегивал цепочку вокруг пояса девушки. Потом торговец отступил на шаг.

Комдор в очередной раз фыркнул. — И это все? — Не задернете ли вы занавеску, Комдор? Милая девушка, рядом с застежкой находится небольшой рычажок. Будьте любезны, передвиньте его вверх. Да не бойтесь, это вам не повредит.

Девушка сделала то, что ей было велено, задержала дыхание и посмотрела на свои руки. От изумления у нее сперло дыхание.

— Ох! — только и вымолвила она.

От пояса и выше она была окружена бледным сверкающим сиянием, заканчивающимся короной жидкого огня над головой. Казалось,

кто-то снял зарю с неба и подарил ее своей любимой.

Девушка остановилась около зеркала и уставилась на него с восхищением. — Держите-ка, — сказал Мелой, протягивая ей ожерелье из серых камешков.

— Наденьте себе на шею. Она послушно застегнула ожерелье у себя на груди, и каждый камешек, соприкасаясь с люминесцентным полем, засверкал алыми и золотыми цветами.

— Как вам нравится? — спросил у нее Мэллоу.

Девушка не ответила, но в ее глазах застыло восхищение. Комдор сделал движение рукой, и она

неохотно опустила рычажок пояса вниз. Сияние погасло. Она ушла, но воспоминаний у нее хватит на всю жизнь.

— Все это ваше, Комдор, — Сказал Мэллоу, — для вашей жены. Считайте это небольшим подарком Основания.

— Гм-м-м...

Он повертел цепочку и ожерелье в руках, как будто взвешивая.

— Как вы это делаете?

Мэллоу пожал плечами.

— Это вопрос для наших технических экспертов. Но это будет работать, заметьте, без всяких священников.

— Да, но в конце концов это не

более, чем женская безделушка. Что с ней можно сделать? Как на ней можно заработать?

— Вы ведь, конечно, устраиваете балы, приемы, банкеты или что-нибудь в этом роде?

— О, да.

— Понимаете ли вы, сколько заплатит женщина за такую драгоценность? Десять тысяч, как минимум.

Казалось, ударь сейчас посередине дворца молния, Комдор бы не был так поражен.

— Ах!

— А так как энергетический блок не выдержит более шести месяцев, то потребуются частые

замены. Теперь о деле: Мы можем продавать столько таких безделушек, сколько вы захотите, всего по одной тысяче, только заплатите нам кованым железом. Вот вам и девятьсот процентов прибыли.

Комдор схватил себя за бороду и весь, казалось, погрузился в вычисления.

— Великая Галактика! Да вдовушки просто передерутся из-за них! Я буду продавать в небольшом количестве и пусть устраивают аукцион. Конечно, им не следует знать, что это я лично...

Мэллоу быстро перебил его.

— Мы можем предоставить вам целый список приборов, находящихся

в трюме моего звездолета. У нас есть электрические плиты, которые за две минуты поджарят вам бифштекс так, что он будет таять во рту. У нас есть ножи, которые никогда не надо точить. Наши стиральные машины работают автоматически и непрерывно, когда вам надо что-нибудь постирать, так же как и посудомойки, полотеры, пылесосы, и вообще все, что вы пожелаете. Подумайте о своей популярности, которая начнет возрастать, если вы сделаете все эти приборы доступными для широкой публики. Подумайте о всевозрастающем количестве товаров, когда они станут монополией правительства с

девятисотпроцентным барышом. Они будут готовы заплатить сколько угодно и им совсем необязательно знать, за какую сумму вы сами это купили. И заметьте, ни один из моих приборов не требует никакого религиозного наблюдения. Все будут счастливы.

— Кроме вас, как мне кажется. А что вы будете с этого иметь?

— То, что имеет каждый торговец по законам Основания. Я и мои люди получают прибыль. Вы, главное купите то, что я хочу вам продать, а выгодно будет нам обоим. **ОЧЕНЬ** выгодно.

Комдор о чем-то, думал и на его лице было написано явное

наслаждение.

— Чем вы хотите получить плату? Железом?

— Да, и углем, и бокситами, а также табаком, перцем, магнезией, древесиной. У вас все это есть в достаточных количествах.

— Это звучит неплохо.

— Я думаю! Да, Комдор, и еще одна вещь, которая мне только что пришла в голову. Я могу переоборудовать ваши заводы.

— Что? Как так?

— Ну, возьмите, например, ваши литейные заводы. У меня есть прекрасные, небольшие приспособления, которые позволяют уменьшить стоимость выпускаемой

продукции на девяносто девять процентов. Вы сможете снизить цену вдвое и все еще получать прибыль при продаже. Говорю вам, я могу показать, что именно я имею в виду, если только вы мне это разрешите. У вас есть в городе сталелитейная плавильня? Обещаю, что это не займет у нас много времени.

— Это можно организовать, торговец Мэллоу, но только завтра, завтра. Вы ведь отобедаете у нас сегодня вечером?

— Мои люди... — начал Мэллоу.

— Пусть все приходят, — величественно сказал Комдор. — Символический дружеский союз наших наций... Но с одним

условием, — лицо его вытянулось и стало строгим. — Никаких ваших религий. Не думайте, что все это — разрешение вмешиваться в наши дела вашим миссионерам.

— Комдор, — сухо сказал Мэллоу, — я даю вам слово, что религия только уменьшит наши прибыли.

— Тогда на сегодня хватит. Вас проводят обратно на корабль.

Комдора была намного моложе своего мужа. Лицо ее было бледным и холодным, а черные волосы гладко зачесаны с узлом на затылке.

Голос ее был резкий.

— Вы уже покончили со своими делами, мой любезный и благородный супруг? Совсем-совсем? Может быть вы даже снизойдете до разрешения выйти мне в сад?

— Не надо драм, Лидия, дорогая, — мягко ответил Комдор. — Сегодня вечером у нас обедает молодой человек и ты можешь говорить о чем хочешь с ним и даже иногда прислушиваться, о чем

говорю я. Где-нибудь во дворце надо освободить комнаты для его людей. Правда, мне почему-то кажется, что их будет немного.

— Но зато они будут есть и пить за всех остальных, а потом ты будешь стоять две ночи, подсчитывая расход.

— А может быть и не буду. Несмотря на все твои предыдущие рассуждения, обед сегодня должен быть обильным.

— О, теперь понятно.

Она с презрением уставилась на него.

— Ты слишком уж дружески относишься к этим варварам. Возможно, именно поэтому мне не разрешено было присутствовать при

вашей беседе. Может быть, твоя маленькая умудренная опытом душечка, решила отвернуться от своего отца.

— Вовсе нет.

— Да, я скорее всего поверю тебе, не правда ли? Если когда-нибудь бедная женщина была жертвой политики в неудавшемся браке, то это была я. Я могла бы выйти замуж за более приличного человека. Если бы поискала.

— Ну что же, моя дорогая леди. Возможно вы и с наслаждением вернетесь на свою собственную планету. Но только, чтобы мне всегда помнить о вас, я сохраню на память сувенир, с которым познакомился

лучше всего за время нашей совместной жизни — ваш язычок. Я просто прикажу его отрезать, — тут он склонил голову набок как бы к чему-то примериваясь, — чтобы уж до конца улучшить вашу красоту, я прикажу вам отрезать уши и кончик носа.

— Ты не посмеешь, свинья! Мой отец превратит все твои планеты в метеоритную пыль. Честно говоря, он может это сделать в любом случае, если только я скажу ему что ты решил заключить договор с этими варварами.

— Гм-м-м... Мне кажется, нет никакой нужды в угрозах. Если хочешь, сама поговори с этим

молодым человеком сегодня вечером.
А тем временем, мадам, держи свой
язычок при себе.

— Это приказ?

— Послушай, вот тебе мой подарок и замолчи наконец.

Цепочка обвилась вокруг ее талии, ожерелье повисло на шее. Он сам передвинул рычажок и отступил назад.

У нее перехватило дыхание, и она неуверенно протянула руку к шее. Когда она стала перебирать ожерелье, то невольно вновь вскрикнула.

Комдор потер с
удовлетворением руки и сказал:

— Можешь надеть это сегодня, а

я достану тебе еще. А теперь —
заткнись!

Она заткнулась.

Джейм Твер покачнулся. Он едва волочил ноги.

— Чего это у тебя вся физиономия перекошена? — спросил он.

Хобер Мэллоу оторвался от своих размышлений.

— Разве? Я этого не хотел.

— Наверняка что-то вчера произошло... Я хочу сказать, кроме этой попойки. — С внезапным убеждением Твер продолжал: — Мэллоу, у тебя какие-нибудь неприятности, да?

— Неприятности? Нет. Скорее наоборот. У меня такое впечатление,

что я изо всех сил кинулся на дверь, а она оказалась в это время открытой. Что-то уж больно легко нас пускают в литейную плавильню.

— Ты боишься ловушки?

— Ох, ради самого Сэлдона, оставь свои мелодрамы.

Мэллоу сдержал свое нетерпение и более спокойным тоном добавил:

— Простой такой открытый доступ означает, что там ничего интересного мы не увидим.

— Атомную энергию, да?

Твер задумался.

— Скажу тебе прямо, что-то непохоже, чтобы на Корелии хоть где-нибудь применяли атомную

энергию. А скрыть ее практически невозможно. Слишком глубокие следы оставляет такая цивилизация на всей экономике.

— Не в том случае, когда развитие атомной техники начинается, Твер, и не тогда, когда ее начинают применять для военных целей и в военной экономике. Тогда ее можно обнаружить лишь в доках звездолетов и сталелитейных плавильнях.

— Значит, если мы ее не обнаружим, тогда...

— Тогда у них просто нет атомной энергии... или они просто ее от нас умело скрывают. Брось монетку, или сам догадайся.

Твер покачал головой.

— Я очень жалею, что меня не было вчера с тобой.

— Я тоже об этом жалею, — холодно ответил Мэллоу. — Против моральной поддержки я не возражаю. К сожалению, условия этой встречи диктовал Комдор, а не я. Посмотри-ка, кажется этот автомобиль пришел за нами, чтобы отвезти нас на плавильню. Ты взял с собой приспособления?

— Все до единого.

Сталеплавильный цех был огромен и носил все признаки разрушения, которые никакие искусственные починки не могли исправить. Сейчас он был пуст и на удивление тих, принимая таких гостей, как Комдор и его придворные.

Небрежным движением Мэллоу положил лист стали на козлы. Он взял в руки инструмент, кожаную рукоятку, опоясывающую свинцовую оболочку.

— Этот инструмент опасен, — сказал он, — но ведь опасна и любая пила. Просто не надо подставлять

руки.

И пока он говорил, он провел дулом аппарата по всей длине стальной полосы, которая беззвучно развалилась надвое.

Раздался всеобщий изумленный вздох, и Мэллоу рассмеялся. Он поднял одну из половинок и положил ее на колено.

— Моим прибором можно отрезать одну полосу с точностью в одну сотую дюйма, а лист стали двухдюймовой толщины разрезается так же легко, как и тонкий. Если вы точно установите толщину металла и положите лист на стол, вы можете разрезать сталь, даже не поцарапав дерева.

И с каждой его фразой дуло аппарата ходило взад и вперед, а сталь разлеталась по всей комнате.

— Со сталью, — закончил он, — можно делать все, что угодно.

Он чуть передвинул рычажок.

— Допустим, вы хотите уменьшить толщину стали, или убрать раковину, или устранить ржавчину? Смотрите!

Прозрачная фольга начала вылетать из дула прибора, сначала шестидюймовыми стружками, потом восьмидюймовым, и, наконец, двенадцати.

— А если вы хотите сверлить? Принцип один и тот же.

Теперь все столпились вокруг

него. Это была демонстрация, волшебство, а точнее — умение говорить и уговаривать при продаже. Высочайшие правительственные чины стали на цыпочки: заглядывали друг другу через плечо и шептались, в то время как Мэллоу просверлил круглые аккуратные дыры в однодюймовой стали своим аппаратом на атомном приводе.

— А теперь я хочу показать вам еще кое-что. Пусть кто-нибудь принесет два коротких обрезка трубы.

Почтенный министр какой-то там отрасли вскочил, как мальчишка, но никто не обратил внимание на то, что он извозил свои руки в грязи и

машинном масле, как простой работяга.

Мэллоу поставил трубки одну на другую вертикально, и одним движением аппарата произвел сварку. Не было заметно даже шва!

Мэллоу оглядел всех присутствующих, начал было свою речь и внезапно замолк на первом же слове. У него похолодело в груди.

Во всеобщем возбуждении один из телохранителей Комдора подошел поближе, чтобы лучше видеть, и Мэллоу впервые находился на таком расстоянии, чтобы во всех деталях рассмотреть незнакомое ему ручное оружие.

Оно было атомным! Ошибки

быть не могло. Обычные пистолеты просто не могли иметь дуло такой формы. Но самое главное было не в этом совсем даже не в этом.

На рукоятках этих бластеров, на глубоко врезанной золотой пластинке стояла эмблема Звездолет и Солнце.

Та самая эмблема Звездолета и Солнца, которой был проштампован каждый огромный том Энциклопедии Основания, уже начатой, но еще незаконченной.

Та самая эмблема Звездолета и Солнца, которая развевалась на знаменах Галактической Империи уже тысячу лет.

Мэллоу продолжал говорить и

думать одновременно. — А теперь испытайте эту трубу! Она стала единым целым! Она, естественно, не идеальна — соединение не должно производиться вручную.

Больше задерживаться не имело смысла. Все кончилось. Мэллоу получил то, что хотел. Его мозг занимала лишь одна мысль: золотистый шар с его прямыми лучами и наклоненная сигара звездолета.

Звездолет и Солнце Империи!

Империя! Эти слова охладили душу. Полтора века прошло, но Империя все еще жива, где-то глубоко, в самом центре Галактики. И она вновь появилась на

Периферии.

Мэллоу улыбнулся.

«Дальняя Звезда» уже два дня как была в космосе, когда Ховер Мэллоу находясь в своей личной каюте с лейтенантом Драфтом, протянул ему запечатанный конверт, рулон микропленки и серебряный цилиндр.

— Спустя ровно час, лейтенант, вы приступите к выполнению обязанностей командира корабля, вплоть до моего возвращения, или навсегда.

Драфт попытался было встать, но Мэллоу удержал его.

— Сидите и слушайте. В конверте вы найдете координаты

планеты, к которой вам надлежит следовать. Там вы будете ждать меня в течении двух месяцев. Если Основание обнаружит вас до того, как истечет двухмесячный срок, микрофильм — это мой отчет об экспедиции. Если же однако, — тут его голос помрачнел, — я не вернусь через два месяца, а звездолеты Основания вас не обнаружат, летите на планету Терминус и отдайте в качестве моего отчета капсулу. Вы меня поняли?

— Да, сэр.

— Ни вы, ни ваши люди не должны говорить ничего такого, что противоречило бы моему официальному рапорту.

— А если нас будут спрашивать, сэр?

— В таком случае вы ничего не знаете.

— Есть, сэр.

На этом интервью закончилось и ровно через пятьдесят минут от «Дальней Звезды» мягко отвалила средних размеров спасательная шлюпка.

Онум Бар был стар, слишком стар, чтобы бояться. Со времени последнего распределения он жил на клочке земли с теми своими книгами, которые спас от уничтожения. Ему нечего было бояться потерять свою жизнь, и поэтому он смотрел на вторгнувшегося к нему незнакомца без страха.

— Дверь была открыта, — объяснил незнакомец.

Он говорил с каким-то странным лающим акцентом, и Бар первым делом обратил внимание, что на его бедре висит странный серо-

стальной бластер. В полутьме комнаты Бар заметил и слабое мерцание силового поля, окружающего человека.

— Какой смысл ее закрывать? — слабо ответил он. — Вам что-нибудь от меня нужно?

— Да.

Незнакомец остался стоять в центре комнаты. Он был высокого роста и широкоплеч.

— Ваш дом — единственный во всей округе.

— Здесь уединенное место, — согласился Бар.

— Но к востоку отсюда есть город. Если хотите, я покажу.

— Потом. Могу я присесть?

— Если кресла вас выдержат, — серьезным тоном ответил старик.

Они были стары и изношены, как и он сам. Реликвии прежней молодости.

— Меня зовут Хобер Мэллоу, — сказал незнакомец. — Я прилетел из далекой провинции. Бар кивнул головой и улыбнулся. — Я давно это понял по вашему акценту. Меня зовут Онум Бар. Я с планеты Сивенна и когда-то был принцем Империи.

— Значит, это Сивенна. У меня, к сожалению, только старые карты.

— Они должны быть достаточно стары для того, чтобы положение звезд изменилось. Пока незнакомец оглядывался, Бар сидел в своем

кресле совершенно спокойно. Он заметил что защитное силовое поле человека исчезло, и сухо отметил, что его жалкая персона не вызывала уже страха у его недругов.

— Дом мой беден и я получаю совсем мало, — сказал он. — Вы можете разделить со мной скудный обед, если только ваш желудок переварит черный хлеб и сухое зерно.

Мэллоу покачал головой.

— Спасибо, я уже обедал, и к тому же мне некогда. Единственное что мне нужно, это добраться до места, где находится ваше правительство.

— Это мне легко вам показать и, хотя я беден, это ничем мне не

грозит. Вы хотите знать, где столица планеты или где столица Имперского Сектора?

Глаза молодого человека сузились.

— Сивенна. Но планета уже не является столицей Норманского Сектора. Ваши звездные карты все-таки вас обманули. Звезды могут не меняться столетиями, но политические границы текучи.

— Плохо, очень плохо. А новая столица далеко?

— На Орше II. В двадцати парсеках. Вы найдете ее на своей карте. Кстати, как давно она издана?

— Сто пятьдесят лет назад.

— Так давно?

Старик вздохнул.

— С тех пор так много произошло. Вы знакомы с нашей историей?

Мэллоу медленно покачал головой.

— Тогда вы счастливчик, — сказал Бор. — Для провинции настали тяжелые времена, и немного полегче стало только во время императора Станнела IV, а он умер пятьдесят лет тому назад. С тех пор — восстания и разруха, разруха и восстания.

Про себя Бар подумал, не стал ли он слишком болтливым. Он жил слишком одиноко и так редко удавалось перекинуться словечком с

живым человеком.

С внезапным интересом Мэллоу резко спросил:

— Разруха? Вы говорите так, как будто все провинции полностью истощены.

— Возможно, не полностью. Нужно много времени, чтобы целиком истощить физические ресурсы двадцати пяти первоклассных планет. Но по сравнению с благосостоянием прошлого столетия, мы, конечно, резко опустились и улучшения пока что незаметно. Но почему вы так заинтересовались, молодой человек? Вы здоровый и сильный, и в глазах ваших сверкает сама жизнь!

Торговец чуть было не покраснел, когда в выцветшие глаза, казалось, заглянули глубоко в его душу и улыбнулись тому, что там увидели.

— Дело в том, что я просто торговец — хочу торговать с окраинными областями Галактики. Я нашел несколько старых карт, прибыл сюда чтобы найти новые рынки сбыта. И, конечно, разговоры об истощившихся планетах волнуют меня. Как же на них заработать? Вот, скажем, что с Сивенной?

Старик наклонился вперед.

— Я не могу точно сказать. Может быть не так уж плохо. Но вы торговец? Вы скорее похожи на

воина. Вы все время держите руку рядом со своим бластером, и на вашей скуле шрамы.

Мэллоу дернул головой.

— Там, откуда я пришел, мало законов. Драки и шрамы — просто часть того, что приходится делать в результате торговых операций. Но сражаться имеет смысл, если только в конечном итоге это окупиться, а если можно обойтись без драк, то тем лучше. А теперь скажите, смогу ли я заработать на этой планете достаточно для того, чтобы было за что сражаться? Это меня как раз не пугает.

— Я вижу! — согласился Бар. — Вы могли бы присоединиться к

остаткам армии Вискарда на Красных Звездах. Правда, я не знаю, назвать это сражение или пиратство. Вас бы с удовольствием взяли в рекруты к теперешнему регенту, который занимается убийствами и насилием с тех пор, как было совершено удачное покушение на последнего принца.

Тонкие щеки патриция покраснели. Глаза его закрылись и вновь открылись, яркие, как у птицы.

— Вы не особенно дружелюбно говорите о регенте, патриций Бар, — сказал Мэллоу. — А что, если я один из его шпионов?

— Ну и что, если так? — с горечью ответил Бар. — Что вы

можете от меня взять? Он обвел иссохшей рукой голые стены своей убогой мансарды.

— Вашу жизнь.

— Я расстанусь с ней достаточно легко. Она и так уже на пять лет дольше, чем необходимо. Но вы не шпион. Если бы это было так, то даже моя инстинктивная самозащита не дала бы мне высказать того, что я вам сказал.

— Откуда вы знаете?

Старик рассмеялся.

— Вы смотрите на меня подозрительно. Готов поспорить, вы подумали, что я строю вам ловушку, чтобы вы начали ругать правительство. Нет, нет. Я давно не

занимаюсь политикой.

— Не занимаетесь политикой? Разве может кто-то не заниматься ею? Слова, которыми вы описали действия регента — убийства, насилия и тому подобное. Вы отнюдь не выглядели объективным. По крайней мере не так, как если бы давно не занимались политикой.

Старик пожал плечами.

— Воспоминания жалят, если они приходят внезапно. Послушайте и судите сами! Когда Сивенна была столицей всей провинции, я был патрицием и членом провинциального Совета. Моя семья была старинной и весьма уважаемой. Один из моих пра-прадедов был...

Хотя, это невозможно. Бывшая слава — плохое воспоминание.

— Я так понимаю, — сказал Мэллоу, — у вас произошла либо гражданская война, либо революция.

Лицо Бара потемнело.

— Гражданские войны стали бесконечны. Это дегенеративные дни, но на Сивенне все было спокойно. Во времена Станнела IV она почти достигла прошлого благополучия. Но затем на престол один за другим вступали слабые императоры, а слабые императоры означали сильных регентов, и наш последний регент, тот самый Вискард, который сейчас занялся пиратством на Красных Звездах,

решил сам стать императором. Он был не первым. И если бы он преуспел, это тоже был бы не первый случай. Но у него ничего не вышло, потому что когда императорская флотилия звездолетов во главе с Адмиралом приблизилась к Сивенне, вся планета восстала против своего изменившего наместника.

Он грустно замолчал.

Мэллоу обратил внимание, что во время речи старика он весь напрягся, и тут же заставил себя расслабиться.

— Пожалуйста, продолжайте, сэр.

— Спасибо, — слабо ответил Бар. — Это великодушно с вашей

стороны удовлетворить прихоти старого человека. Они восстали, или, мне вернее следует сказать, мы восстали, потому что я был одним из младших предводителей. Вискарду еле-еле удалось бежать, мы преследовали его по пятам. Планета, а вместе с ней и вся провинция, открыла свои двери адмиралу, выражая полное почтение и лояльность Императору. Почему мы это сделали, я сам не знаю. Может быть, мы чувствовали лояльность не к самому Императору, который был тогда крошечным младенцем, а к символу. А может — мы боялись долгой осады.

— А дальше? — подстегнул его

Мэллоу.

— Дальше, — угрюмо ответил старик, — адмиралу все это пришлось слишком не по душе. Он жаждал победной славы над восставшей провинцией, а его люди хотели поживиться тем, что обычно достается победителям. Поэтому, пока народ, собравшийся на улицах всех городов, кричал «Ура» императору и его адмиралу, он занял все центры обороны, а затем приказал сбросить бомбы на население.

— На каком основании?

— На том основании, что они восстали против наместника, поставленного самим Императором.

И адмирал стал новым наместником через месяц после убийств, насилий и прочих ужасов. У меня было шесть сыновей. Пятеро из них умерло в то время. У меня была дочь. Я надеюсь, она тоже умерла. Меня не тронули, потому что я был стар. Я пришел сюда, слишком старый для того, чтобы наш наместник обо мне думал.

Он склонил свою седую голову.

— Мне ничего не оставили, потому что я помогал свергнуть восставшего наместника, мешая адмиралу заслужить его славу.

Мэллоу молча сидел и ждал. Потом он мягко спросил:

— А что с вашим шестым сыном?

— Что?

Бар улыбнулся ледяной улыбкой.

— Он в безопасности, потому что он присоединился к адмиралу простым солдатом под вымышленным именем. Он артиллерист в личном флоте его величества. О, нет. Я вижу ваши глаза. Он неплохой сын. Он навещает меня, когда может, и помогает. Он поддерживает мою жизнь. И в один прекрасный день наш великий и славный наместник будет пресмыкаться перед своей смертью. И его казнит мой сын.

— И вы говорите все это незнакомцу? Вы ставите вашего сына в тяжелое положение.

— Нет. Я помогаю ему, давая нового врага. И если бы я был другом наместника, а не его врагом, я бы посоветовал ему выслать патрульные корабли до самого края Галактики.

— Разве у вас в космосе нет кораблей?

— А вы видели хоть один? Разве вас кто-нибудь остановил и потребовал визу? С таким малым количеством кораблей, как у нас, и при таких интригах и беззакониях, которые творятся у нас, ни одного звездолета нельзя оторвать от этих дел, чтобы послать охранять внешние системы, где царит варварство. До сих пор нам ничего не грозило с периферийных районов Галактики...

до тех пор, пока не появились вы.

— Я? Я не представляю собой никакой опасности.

— За вами придут другие.

Мэллоу медленно покачал головой.

— Я не совсем уверен, что понимаю, о чем вы говорите.

— Послушайте!

Какое-то лихорадочное нетерпение было в голосе старика.

— Я понял, кто вы такой, как только вы вошли. Когда я вас впервые увидел, ваше тело было окружено силовым полем.

Мэллоу с сомнением головой, потом ответил:

— Да... это верно.

— Ну вот. В этом была ошибка, хотя вы этого сами не знали. Есть некоторые вещи, которые я знаю. В наши умирающие дни немодно быть ученым. События текут и проскакивают мимо, и кто не может бороться с прибоем с оружием в руках, того смывает в море, как, например, меня. Но я был ученым и я знаю, что за всю историю открытия атомной энергии портативное силовое поле никогда не было изобретено. У нас, конечно, есть силовые поля, управляемые огромными, неуклюжими энергостанциями, которые могут защитить город или даже звездолет, но не одного единственного

человека.

— Вот как.

Нижняя губа Мэллоу
выдвинулась вперед.

— И какой вы делаете из этого вывод?

— Много странных слухов ходило по всему космосу. Конечно, они передаются из уст в уста искаженными, но когда я был молод, на нашей планете высадился небольшой звездолет, в котором были странные люди. Они не знали наших законов и не могли сказать, откуда они пришли. Они говорили о волшебниках на самом краю Галактики, волшебниках, которые светились в темноте, летали по

воздуху, и которых нельзя было убить никаким оружием. Мы смеялись. Я вспомнил об этом только сегодня. Но вы светились в темноте, и я не думаю, что если бы у меня был бластер, я смог бы вас убить. Скажите, а вы можете летать по воздуху так же просто, как вы сейчас сидите?

— Все это пустая выдумка, — хладнокровно ответил Мэллоу.

Бар улыбался.

— Я принимаю ваш ответ. Я не расспрашиваю своих гостей. Но если волшебники существуют, и вы — один из них, то когда-нибудь их будет здесь много. Может быть, это и хорошо, может быть, нам следует

обновить кровь в жилах.

Он что-то пробормотал себе под нос, потом медленно произнес:

— Но ведь возможно и обратное. Наш новый наместник тоже мечтает, как и старый, Вискард.

— Об императорской короне?

Бар кивнул головой.

— Мой сын передавал мне слухи. Находясь в личном конвое наместника, тяжело их не услышать. А он мне все говорит. Наш новый наместник не откажется от короны, если и она будет ему предложена, но он оставил себе путь для отступления. Говорят, что в случае неудачи, он намеревается создать новую Империю среди варварских

государств. Говорят также, но в этом я не уверен, что он выдал одну из своих дочерей замуж за какого-то мелкого варварского короля.

— Если верить слухам...

— Знаю. Многое, что говорят. Я стар и несу чепуху. Что вы говорите?

И его проницательные глазки уставились на торговца.

— Я ничего не говорю, — ответил Мэллоу. — но я хотел бы задать вам вопрос. На Сивенне есть атомная энергия? Подождите, подождите, я понимаю, что вы обладаете знанием атомной энергии, я спрашиваю, есть ли у вас действующие генераторы, или все было разрушено во время восстания?

— Разрушено? Ну что вы. Скорее уничтожили бы половину планеты, чем самую крохотную атомную станцию. Они ведь незаменимы и постоянно заряжают наш атомный флот. По ту сторону Трантора, — почти с гордостью добавил он, — наши атомные энергостанции самые мощные.

— Тогда что я должен сделать, чтобы осмотреть эти генераторы?

— Ничего! — решительно ответил Бар. — Вы не можете подойти к военному центру без того, чтобы вас тут же не расстреляли. Никто не может. Сивенна все еще лишена гражданских прав.

— Вы хотите сказать, что все

энергостанции под военной охраной?

— Нет. Есть еще маленькие городские станции, которые дают свет и тепло домам, автомобилям и тому подобное. Но и здесь не лучше. Их контролируют техработники.

— Кто они такие?

— Специальная группа, которая обслуживает энергостанции. Их знания передаются по наследству, сыновья работают вместе с отцами, как помощники. Они ни о чем не думают, кроме чести своего сословия. Ни один человек не может войти на станцию, если он не техник.

— Понятно.

— Не могу однако сказать, —

добавил Бар, — чтобы не было случаев, когда техников подкупали. В наши дни, когда мы сменили девять императоров за пятьдесят лет, и семь из них были убиты, когда каждый командир звездолета добивается узурпации власти наместника, а наместник — узурпации власти императора, я думаю, что даже техники могут польститься на деньги. Но платить придется очень много, а я — нищий. А вы?

— Вы имеете в виду деньги? Нет, у меня их нет. Но разве для подкупа всегда необходимы деньги?

— Что же еще, если на деньги можно купить все остальное?

— Есть много вещей, которые

нельзя купить ни за какие деньги. А теперь, если вы скажите мне, как добраться до ближайшего города с атомной энергостанцией, я буду вам очень признателен.

— Подождите!

Бар протянул вперед свои худые руки.

— Куда вы спешите? Вы пришли ко мне, но разве я задавал вам вопросы? В городе, где жителей все еще называют повстанцами, вас остановит первый же солдат или охранник, который услышит ваш акцент или увидит вашу одежду.

Он поднялся и достал из темного угла своего шкафчика какую-то книжечку.

— Мой поддельный паспорт. С ним я бежал.

Он сунул его в руки Мэллоу и задержал наверху свои пальцы.

— Описание не сходится, но если вы чуть испачкаете его, то скорее всего смотреть слишком пристально не будут.

— Но как же вы? У вас не останется документа.

Старик цинично пожал плечами.

— Что с того? И еще одна предосторожность. Сдерживайте свой язык! Ваш акцент — варварский, ваши идиомы стары, и время от времени вы употребляете удивительно старые архаизмы. Чем меньше вы будете говорить, тем

меньше вызовете подозрений. А теперь я объясню вам, как попасть в город.

Спустя пять минут Мэллоу здесь уже не было.

Однако, прежде чем уйти окончательно, он вернулся на минуту в старый сарай патриция. И когда на следующее утро Онум Бар вышел в свой маленький сад, он нашел у своих дверей большую коробку. В ней лежали продукты, концентрированные продукты, которые обычно грузят на борт звездолета и которые ни на вид, ни на вкус не были изделиями этой планеты.

Но они были хорошего качества

и их должно было хватить надолго.

Техработник был человеком невысокого роста. Кожа у него была гладкая и блестела от довольства. Прическа была короткой и сквозь волосы розово поблескивал череп. Пальцы его были украшены тяжелыми кольцами и перстнями, от одежды пахло духами, и это был первый человек на планете, выглядевший сытым.

Он брезгливо сложил губы.

— Ну, говорите скорее, чего вам надо. Меня ждут дела, Вы, кажется, иностранец...

Он кинул взгляд на костюм Мэллоу и уставился на него с

подозрением.

— Да, — ответил Мэллоу спокойно, — я с другой планеты. Я имел честь послать вам вчера небольшой подарок...

Тот шевельнул носом.

— Я его получил. Интересная штукавина. Может, я ею когда-нибудь воспользуюсь.

— У меня есть для вас и другие, еще более интересные подарки. Куда более интересные.

— Да-а? — задумчиво произнес техник. — По-моему, я уже раскусил вас. На первый случай хотите подарить мне какой-нибудь пустяк: немного денег, одежду, второсортные драгоценности — неужели ваша

маленькая душонка считает, что этим можно подкупить техника?

Его нижняя губа презрительно выставилась вперед.

— Я и знаю, чего вы хотите взамен. Многие другие уже пробовали эту же блестящую идею. Вы хотите быть принятым в наш клан. Вы хотите, чтобы мы посвятили вас в тайны атомной энергии и в то, как работать с приборами. Вы думаете, что уже если эти собаки с Сивенны ежедневно несут наказание за свой мятеж, то вы, иностранец, сможете дослужиться до большого, пользуясь привилегиями и протекцией гильдии техработников.

Мэллоу хотел было вставить слово, но техник внезапно взревел:

— А теперь убирайтесь, пока я не вызвал стражника. Вы что, думаете, я предам доверие? Сивеннские предатели, которые работали до меня, может и согласились бы на это! Но сейчас вы разговариваете с другими людьми. Великая Галактика, я стою и удивляюсь, почему я еще не убил вас прямо сейчас своими голыми руками!

Мэллоу улыбнулся про себя. И по тону, и по содержанию, эта речь была самым обычным фарсом, и техник прекрасно об этом знал.

Торговец с иронией глядел на

две толстые руки, которые грозились стать его палачом несколько минут назад, и ответил:

— Ваша Мудрость, вы ошибаетесь по трем пунктам. Во-первых, я не шпион наместника, пришедший испытывать вашу лояльность. Во-вторых, мои подарки таковы, что ими не побрезговал бы и сам августейший Император, если бы ему удалось их заполучить. И в-третьих, хочу я от вас совсем немного, просто пустяк.

— Это вы так говорите!

На сей раз техник говорил с неуклюжим сарказмом.

— Ну да ладно, что это за штуковина, которой позавидует сам

Император? Что это вы, в своей милости, собираетесь подарить мне, чего нет у Императора?

И он засмеялся каркающим смехом.

Мэллоу поднялся и отодвинул кресло в сторону.

— Я ждал три дня, чтобы увидеть вас, ваша мудрость, но моя демонстрация займет всего три секунды. Если вас не затруднит вытащить свой бластер, рукоятку которого я вижу рядом с вашей рукой...

— А?

— ... и застрелить меня — я буду вам очень обязан.

— Что?

— Если я буду убит, вы просто заявите в полицию, что я пытался купить у вас секреты гильдии. Вы заработаете славу. Если я не буду убит, я подарю вам свое силовое поле.

В первый раз за все время техник обратил внимание на туманное освещение, которое окутывало его посетителя, как будто он весь был покрыт жемчужной пылью. Прицелившись из бластера, он нажал курок.

Молекулы воздуха, пойманные атомным разрушителем, превратились в сверкающие горящие ионы и контуры их вычертили тонкий луч, упершийся Мэллоу

прямо в сердце... и упавший к ногам.

Терпеливое выражение лица Мэллоу не изменилось, в то время как атомы пытались пробить его защиту и безвредно таяли в воздухе.

— Невероятно...

— Разве есть у Императора личное силовое поле? — спросил Мэллоу. — А у вас оно может быть.

— Скажите, вы техник? — заикаясь, пробормотал техник.

— Нет.

— Тогда... тогда, где вы это достали?

— Какая вам разница?

Голос Мэллоу был холоден и презрителен.

— Нужно вам это или нет?

Тонкая узловатая цепочка упала на стол.

— Держите.

— И это все?

— Все.

— Откуда же берется энергия?

Палец Мэллоу указал на большую рукоятку в тяжелой свинцовой оправе.

Техник внимательно оглядел цепочку и его лицо постепенно налилось кровью.

— Сэр, я — техник, причем старый. Я двадцать лет работаю Супервизором, и учился у самого Великого Блера в Транторском Университете. Если у вас наглого шарлатанства уверять меня, что

контейнер размером с... орех, черт его побери, может заключать в себе атомный генератор, я отправлю вас к Протектору под стражей ровно через три секунды.

— В таком случае объясните как хотите, если сможете. Я сказал вам правду.

Краска медленно стала сходить с лица техника, в то время как он оборачивал цепочку вокруг пояса, а затем следуя жесту Мэллоу повернул рукоятку. Смутный свет окутал его с головы до ног. Он поднял бластер, затем заколебался. Очень медленно, он поставил рычажок бластера на минимум.

А затем, судорожно, он нажал на

курок, и атомный луч безвредно скользнул по его руке.

Он резко повернулся.

— А что, если я убью вас сейчас, а силовое поле оставлю себе?

— Попробуйте, — сказал Мэллоу. — Вы что, думаете, я отдал вам единственный образец?

И он тоже окутался туманным светом.

Техник нервно хихикнул. Бластер упал на стол.

— Какова же тогда та маленькая услуга, тот пустяк, который вы от меня хотите?

— Я хочу осмотреть генераторы.

— Вы понимаете, что это запрещено. Мы с вами можем оба

взлететь на воздух, если...

— Я не собираюсь их трогать или что-нибудь делать. Я просто хочу видеть их на расстоянии.

— А если нет?

— Ну что ж, у вас останется силовое поле, но у меня в запасе есть еще много подобных вещей. Например, бластер, специально созданный для преодоления такого силового поля.

— Гм...

Глаза техника засверкали.

— Пойдемте со мной.

Дом техника был небольшим двухэтажным зданием, находившемся на окраине пространства, закрытого огромным кубом без окон и дверей, почти в центре города. Проникли они туда по подземному переходу, и Мэллоу очутился в тихой озонированной атмосфере электростанции.

В течении пятнадцати минут он молча шел за своим проводником. Глаза его не упускали ни малейшей подробности. Но он ничего не трогал. А затем техник сказал придушенным от нервного напряжения голосом:

— Ну как, достаточно? Я не могу доверять своим подчиненным в таком деле. — Можете ли вы вообще кому-нибудь доверять? — иронически спросил Мэллоу. — Но тем не менее, все в порядке. Достаточно.

Они прошли обратно в контору, и Мэллоу задумчиво спросил:

— И все генераторы в ваших руках?

— Все до единого, — ответил техник с гордостью.

— И вы держите их в порядке и в рабочем режиме?

— Совершенно верно!

— А если они сломаются?

Техник негодуяще покачал

головой.

— Они не сломаются. Они никогда не сломаются. Они были построены навечно.

— Вечность — это слишком долгое время. Давайте предположим...

— Это не научно — предполагать ничего не значащие обстоятельства.

— Ну, хорошо. Допустим, я бы сейчас разрушил своим бластером самую важную деталь генератора, или разрубил кварцевую Д-трубку?

— Тогда, — в бешенстве закричал техник, — вас бы просто убили.

— Да, я это знаю.

Мэллоу теперь тоже кричал.

— Но что бы произошло с генератором? Смогли бы вы починить его?

— Сэр, — техник отчеканивал каждое слово, — вы честно получили то, что хотели. Я вас не обманул. А теперь уходите! Я больше ничего вам не должен!

Мэллоу отвесил ему иронический уважительный поклон и вышел.

Через два дня он был уже на базе, где «Дальняя Звезда» ждала его возвращения, чтобы отправиться на планету Терминус.

А еще через два дня силовое поле техника отказало, и как он не

тряс цепочку, какие проклятия не
извергал, сияние больше не
появилось.

Мэллоу позволил себе расслабиться в первый раз за полгода. Он лежал на спине в солнечной комнате своего нового дома, совершенно раздетый. Его мускулистые загорелые руки были раскинуты в стороны, и мышцы ходили в такт дыханию.

Человек, сидевший рядом с ним на стуле, сунул сигарету ему в рот и зажег ее. Затем он откусил конец второй сигареты и сказал:

— Вы явно переработали. Вам нужен длительный отдых.

— Может быть, Джаель, но лучше уж я отдохну в кресле

советника. Потому что я собираюсь получить это место, а вы мне поможете.

Анкор Джаель поднял брови и спросил:

— А причем тут я?

— То есть, как причем? Во-первых, вы лишились своего портфеля благодаря трудам Джорана Сатта, того самого человека, который скорее бы согласился потерять глаз, чем увидеть меня в кресле советника. Вы считаете, что у меня мало шансов, не правда ли?

— Немного, — согласился экс-министр Основания. — Вы со Смирно.

— Юридически это не имеет

значения. Я получил образование на Основании.

— Не будьте ребенком. С каких это пор предвзятость имела какие-нибудь законы, кроме своих собственных? А как насчет вашего собственного человека... как его, Джейма Твера? Что он говорит?

— Он говорит о том, что я мог пройти в Совет еще год назад, — спокойно ответил Мэллоу. — Но он — человек без глубины мысли и суждений, и у него все равно бы ничего не вышло. Он кричит громко и сильно, но в данном случае этого мало. Я должен пройти в Совет. И мне нужны вы.

— Джоран Сатт — самый умный

политик на планете и он будет против вас. Я не могу быть уверенным, что мне удастся переиграть его. И не думайте, что он не умеет бороться жестоко и грязно.

— У меня есть деньги.

— Это уже лучше. Но чтобы подкупить предвзятость, требуется куча денег!

— У меня их куча. — Ну что ж, я посмотрю, что можно сделать. Но потом не начинайте корчиться на полу и блять, что это я вас втянул в это дело? Кто это?

Уголки губ опустились вниз и он сказал:

— Насколько я понимаю, Джоран Сатт собственной персоной.

Я и так избегал его целый месяц. Послушайте, Джаель, пройдите в соседнюю комнату и включите микрофон. Я хочу, чтобы вы все слышали. Он шутливо подтолкнул члена Совета из комнаты голой ногой, затем встал на и накиннул себе на плечи шелковый халат. Синтетический солнечный свет сменился обычным.

Секретарь мэра торжественно вошел в комнату, а безмолвный мажордом закрыл за ним дверь. Мэллоу затянул ремень халата и сказал:

— Выбирайте себе любое кресло, Сатт. — Тот даже не улыбнулся. Он выбрал себе кресло

достаточно удобное, но усевшись, не расслабился ни на минуту. С самого краешка кресла он произнес:

— Если для начала вы выскажете свои условия, то можем перейти.

— Я передал вам отчет много месяцев тому назад. Тогда вы были довольны.

— Да. — Сатт задумчиво потел пальцем лоб. — Но с тех пор производимые вами действия приобрели большое значение. Мы много знаем о ваших делах, Мэллоу. Мы точно знаем, сколько новых заводов вы открыли, с какой скоростью вы это делаете и сколько вам это стоит. И этот дворец,

который вы себе отгрохали, — он
окинул комнату холодным
оценивающим взглядом, — стоит вам
в месяц больше, чем мое годовое
жалованье. И путь, по которому вы
идете — очень важный и
дорогостоящий путь — по верхним
слоям общества Основания.

— Ну и что? Не спорю, у вас,
конечно, прекрасные шпионы, но о
чем все это говорит?

— Это говорит о том, что у вас
есть деньги, которых не было год
назад. И это говорит вообще о чем
угодно... например, что вы
заключили прекрасную сделку на
Корелии, о которой мы ничего не
знаем. Откуда у вас деньги?

— Мой дорогой Сатт, вы ведь не ждете, что я расскажу вам об этом?

— Нет. — Я так и подумал. И именно поэтому я вам расскажу. Они текут ко мне рекой из сундука Комдора Корелии.

Сатт моргнул. Мэллоу улыбнулся и продолжал: — Но, к большому сожалению для вас, эти деньги вполне законные. Я Главный Торговец и деньги получаю кованым железом и хромом в обмен на кое-какие безделушки, которые я был в состоянии предоставить ему. Пятьдесят процентов прибыли мои по нерушимому контракту с Корелией. Вторая половина идет правительству в конце года, когда

добрые граждане платят налоги.

— В вашем отчете не было никакого упоминания о торговых сделках.

— Там также не упоминалось, что я съел на завтрак в тот день, или имя моей недавней любовницы, или что-нибудь такое же несущественное.

Улыбка Мэллоу перешла в гримасу. — Я был послан — процитирую вас, — чтобы держать свои глаза открытыми. Вы хотели выяснить, что случилось с тремя захваченными в плен торговыми кораблями Основания. Я о них ничего не слышал и не видел. Вы хотели выяснить, имеет ли Корелия атомную энергию. В моем отчете

говорится об атомных бластерах у телохранителей Комдора. Других признаков я не видел. А те бластеры, что я видел — реликты старой Империи, может быть, даже вообще давно не работают, насколько я знаю.

До этой поры я следовал приказам, но я вольный человек и свободен поступать так, как мне заблагорассудится. Согласно законам Основания Главный Торговец имеет право открывать новые рынки сбыта там, где ему только хочется, и, собственно, получать пятьдесят процентов понимаю.

Сатт осторожно отвел глаза к стене и, с трудом сдерживая раздражение, ответил:

— Общепринятый обычай всех торговцев укреплять и продвигать религию, когда они продают какие-нибудь товары.

— Я повинуюсь законам, а не обычаям.

— Есть времена, когда обычаи стоят выше законов.

— В таком случае обращайтесь в суд.

Сатт поднял на него свои мрачные глаза, которые, казалось, ввалились на самое дно глазных впадин.

— Да что там говорить, вы все-таки смирниец. Кажется, ни переселение, ни образование, не смогли изменить порочность вашей

крови. И все же послушайте и постарайтесь понять. Это не имеет отношения ни к деньгам, ни к рынкам сбыта. У нас есть наука великого Хари Сэлдона, который доказал, что от нас зависит будущая Галактическая Империя, и с пути, который ведет к ней, мы не можем свернуть. Религия, которую мы насадили, где могли, наиважнейший инструмент для достижения этой цели. С ее помощью мы взяли контроль над Четырьмя Королевствами, хотя наступил момент, когда они могли сломить нас, как спичку. Это самое хорошее оружие, которым можно контролировать как людей, так и

новые миры.

Первопричина развития торговли и появления торговцев заключалась в том, чтобы распространять эту религию как можно скорее, а вместе с ней внедрять новую технику и новую экономику, которая будет находиться под нашим тщательным и безграничным контролем.

Он остановился перевести дыхание, и Мэллоу спокойно сказал:

— Я знаю теорию и великолепно ее понимаю.

— Вот как? Это более того, что я ожидал. Тогда вы, конечно, сами должны видеть, что ваша попытка торговать ради самой торговли при

массовой поставке бесполезных приборов, которые только искусственно могут поднять экономическое положение планеты, при гибельной постановке вопроса только о выгоде, при отторжении атомной энергии от нашего контроля — может окончиться только полным провалом той политики, которую мы вели уже на протяжении ста лет.

— Вполне достаточное время для того, — сказал Мэллоу, — чтобы превратить политику в устаревшую, опасную и бесполезную. Как бы хорошо ваша религия не преуспевала в деле с Четырьмя Королевствами, редкая планета на всей Периферии переняла ее. К тому времени, как мы

захватили контроль над
Королевствами, одна Галактика знает
сколько эмигрантов оттуда
распространяла истории о том, как
Сальвор Хардин использовал
священников и предрассудки народа,
чтобы свергнуть независимость и
власть светских монахов. А если этих
слухов было недостаточно, то дело
Асконии двадцать лет назад
объяснило все и всем как дважды
два. Теперь по всей Периферии не
найдется ни одного правительства,
которое скорее перережет себе
глотку, чем пустит к себе хотя бы
одного священника.

Я не хочу заставлять Корелию
или любой другой мир принимать

что-то, чего они не желают. Нет, Сатт. Если атомная энергия делает их опасными, искренняя дружба через торговлю будет во много раз лучше, чем шаткий контроль, основанный на невидимой всеми иностранной духовной власти, которая слабеет хотя бы ненамного, уже полностью дискредитирует и не оставляет после себя ничего, кроме смертельного страха и ненависти.

— Прекрасная речь, — цинично ответил Сатт. — Но вернемся к началу нашего разговора. Каковы ваши условия? Чего вы хотите, чтобы поменять свои идеи на мои?

— Вы считаете, что мои убеждения продаются?

— Почему же нет? —
последовал холодный ответ. Разве это
не ваше занятие — купля-продажа?

— Только с прибылью, —
последовал спокойный ответ. —
Можете ли вы мне предложить
больше, чем я получаю?

— Вы можете иметь три
четверти прибыли, а не половину.

Мэллоу коротко рассмеялся.

— Прекрасное предложение.
Если я даже приму ваше
предложение, то даже вся прибыль
целиком будет куда меньше одной
десятой части того, что я могу
получить. Предложите что-нибудь
поинтереснее.

Внезапным движением Сатт

сжал кулак.

— Вы также можете спасти себя от тюрьмы. От двадцати лет, как минимум, если я настою на своем. Посчитайте здесь свою прибыль.

— Прибыли здесь никакой, если вам удастся осуществить свою угрозу.

— Удастся. Вас будут судить за убийство.

— Чье убийство? — презрительно спросил Мэллоу. Голос Сатта стал хриплым, хотя говорил он также негромко.

— За убийство священника с Анакреона, находящегося на службе у Основания.

— Ах, вот как? И каковы ваши улики? Секретарь мэра наклонился

вперед.

— Мэллоу, я не шучу. Предварительное следствие закончено. Мне стоит подписать всего лишь одну бумагу, и дело Хобера Мэллоу, Главного Торговца, против Основания начнется. Вы бросили подданного Основания на пытку и смерть в руки чужеземной толпы. Мэллоу, я даю вам пять секунд на размышления, чтобы предотвратить положенное вам наказание. Лично я предпочел бы, чтобы вы решили, что сумеете выпутаться. Вы будете куда безопаснее, как поверженный враг, чем как сознательный новый друг.

Мэллоу торжественно ответил:

— Тогда считайте, что я выполнил последнее ваше желание.

— Прекрасно!

И секретарь недобро улыбнулся.

— Это мэр настаивал на том, чтобы попробовать с вами договориться, а не я. Засвидетельствуйте, что я не очень старался.

Он встал и вышел из комнаты.

Мэллоу поднял глаза на вошедшего Анкора Джаеля.

— Вы все слышали? — спросил он.

Тот подал плечами.

— С тех пор, как я знаю это имя, эту змею, я еще ни разу не слышал, чтобы он так выходил из себя.

— Хорошо. Что вы можете сказать?

— Это, по-моему, очевидно. Внешняя политика превосходства с помощью духовных сил — его идея фикс, но мне все-таки кажется, что его конечная цель отнюдь не духовная. Меня уволили из Кабинета Министров из-за споров на те же самые темы, да и вы сами это прекрасно знаете.

— Конечно, знаю. И что же это за цель, как вы считаете?

Джаель стал серьезен.

— Ну что ж, он не глуп, так что должен видеть полное банкротство нашей религиозной политики, которая едва ли доставила нам хоть

одну победу за последние семьдесят лет. Он совершенно очевидно использует ее для того, чтобы что-нибудь добиться самому.

Теперь следующее. Любая догма, основанная на верованиях и эмоциях, опасное оружие, потому что никогда нельзя гарантировать, что оно не повернется против себя самого. Уже на протяжении пятидесяти лет мы используем ритуалы и мифы, которые становятся все более почтенными, традиционными и... устаревшими. В некотором смысле мы уже потеряли контроль над своей собственной религией.

— В каком смысле? —

требовательно спросил Мэллоу. — Говорите, я хочу знать, что вы думаете.

— Допустим, что один честолюбивый человек использует силу религии против нас, а не за нас.

— Вы хотите сказать, что Сатт...

— Вы правы. Я имел в виду Сатта. Послушайте, если бы он мог мобилизовать различные иерархии на различных подданных планетах против Основания, как вы думаете, был бы у нас хоть один шанс? Возглавив армию набожных людей он мог бы напасть на ересь, например, в вашем лице, и сделаться королем, что неизбежно. В конце концов, ведь это Хардин однажды

сказал: «Атомный бластер — хорошее оружие, но он может стрелять в обе стороны».

Мэллоу хлопнул себя по голому бедру.

— Ну хорошо, Джаель, устрой меня в этот Совет и я дам ему бой.

Джаель помолчал, потом сказал много значительно:

— Не знаю, не знаю. Что это за разговоры о линчевании священника? Это ведь неправда?

— Чистая правда, — небрежно ответил Мэллоу.

Джаель присвистнул.

— У него есть неопровержимые доказательства?

— Должно быть.

Он заколебался, потом добавил:

— Джейм Твер был его человеком с самого начала, хотя ни один из них не подозревает, что я знаю это. А он был всему свидетель.

Джаель покачал головой.

— Да-а. Это плохо.

— Плохо? Что здесь плохого? Этот священник находится на планете вопреки законам Основания. Он явно был использован корелийским правительством, как приманка, вольно или невольно, я не знаю, По всем законам здравого смысла у меня не оставалось никакого выбора действий, и то, что сделал я, укладывается в рамки закона. Если он передаст дело в суд,

он не добьется ровным счетом ничего, только выставит себя дураком.

Джаель вновь покачал головой.

— Нет, Мэллоу, вы не понимаете. Я уже говорил вам, что он умеет пользоваться грязными средствами. ОН не собирается добиваться обвинительного приговора, он знает, что это ему никогда не удастся. Но он собирается погубить ваши отношения с народом. Вы уже слышали, что он сказал. Иногда обычаи выше, чем законы. Вы можете выйти из зала суда свободным человеком, но если народ будет думать, что вы кинули священника на растерзание толпы, от

вашей популярности не останется и следа.

Они признают, что вы сделали все по закону, и даже более того, сделали разумную вещь. Но тем не менее в их глазах вы останетесь трусливой собакой, бесчувственным негодяем, бессердечным чудовищем. И вас никогда не изберут в Совет. Вы можете даже лишиться своего звания Главного Торговца, так как одновременно проголосуют за то, чтобы лишить вас гражданства. Ведь вы не уроженец Основания. Как вы думаете, что Сатту еще желать?

Мэллоу упрямо хмурился.

— Вот как?

— Мой мальчик, — сказал

Джаель. — Я, конечно не покину вас, но не смогу помочь. Вы попали в переделку, да еще в какую.

На четвертый день заседания суда по процессу Хобера Мэллоу, Главного Торговца, зал Совета был полон в буквальном смысле этого слова. Единственный отсутствующий член Совета проклинал разбитый череп, который уложил его в постель. Галереи были забиты по самый потолок толпой, которая использовала все, богатство или дьявольскую настойчивость, только бы попасть на процесс. Остальные расположились на площади снаружи, сгрудились огромными толпами прямо у стоящих там трехмерных телевизоров.

Анкор Джаель еле-еле
пробрался в зал заседания с
помощью полиции, а затем уже
сквозь меньшую толпу дошел до
кресла Хобера Мэллоу.

Тот с облегчением повернулся.

— Клянусь Сэлдоном, я чуть
было не подумал, что все пропало.
Достали?

— Держите. Здесь все, что вы
просили.

— Хорошо. Как там толпа
снаружи?

— Она просто беснуется.

Джаель неуверенно заерзал в
кресле.

— Нам не следовало допускать
до открытого суда. Вы могли это

сделать.

— Но я не хотел.

— Поговаривают о суде Линча. Паблио Манлио на других планетах...

— Именно об этом я и хотел спросить вас, Джаель. Он настраивает против меня иерархию, да?

— Не знаю. Внешне все даже благопристойно. Как министр иностранных дел, он возглавляет обвинение, когда дело касается межзвездных законов. Как Первосвященник и Кардинал Церкви, он поднимает толпы фанатиков...

— Ладно, неважно. Помните ли вы слова Хардина, о которых

говорили мне в прошлом месяце? Мы покажем им, что бластер умеет стрелять в обе стороны.

В зале мэр занял свое место, и члены Совета поднялись в знак уважения.

— Сегодня моя очередь, — прошептал Мэллоу. Сидите и смотрите на комедию.

Заседание суда началось и спустя пятнадцать минут Хобер Мэллоу, напутственный враждебным шепотом со всех сторон, прошел на пустое пространство перед скамьей мэра. Одинокий луч света высветил его и на экранах телевизоров перед тысячными толпами Основания и других планет, в каждом доме, на

мириадах частных экранов появилась огромная вызывающая фигура этого человека.

Он начал говорить спокойно и просто:

— Чтобы не тратить время зря, я сразу признаюсь в каждом пункте, которые мне предъявили в качестве обвинения. История о священнике и толпе, как представил ее прокурор, верна до малейших подробностей.

По залу прокатился шум, и снаружи раздались дикие триумфальные крики толпы. Он терпеливо ждал когда утихнет шум.

— Однако картина, которую они нарисовали далека от завершения. Я прошу возможность дополнить ее

своими соображениями. Сначала мой рассказ может показаться не имеющим отношением к делу. За это я прошу у вас прощения.

Мэллоу говорил, не сверяясь с бумагами лежащими перед ним.

— Я начну с того самого момента, с которого начал и прокурор, со дня моей встречи с Джораном Саттом и Джеймом Твером. Что произошло при этих встречах — вы знаете. Все наши разговоры были пересказаны, и мне нечего добавить, кроме собственных мыслей в тот день. Это были подозрительные мысли, так как события дня были страшны. Посудите сами. Два человека,

которых я практически не знал, вдруг делают мне какие-то неестественные и невероятные предложения. Один из них, секретарь мэра, просит меня взять роль правительственного шпиона и выполнить это дело, природу и важность которого вам сегодня объяснили, в строжайшей тайне. Другой из них, невежественный лидер политической партии, просит меня баллотироваться в члены Совета.

Естественно, я прежде всего подумал о причинах. С Саттом все было понятно. Он не доверял мне. Возможно, он думал, что я продаю атомное оружие врагам и готовлю восстание. А возможно, он просто

пытался ускорить события, или, по крайней мере, думал, что пытается. В таком случае ему необходим был рядом со мной его человек, когда я буду выполнять его миссию. Последняя мысль, однако, не пришла мне в голову до тех пор, пока на сцене не появился Джейм Твер.

Судите сами: Твер представился мне, как торговец, ушедший в политику, но тем не менее я ничего до этого не слышал о его торговой карьере, хотя мои знания в этой области огромны. И далее, хотя Твер все время говорил, что получил образование на Основание, он даже не слышал о Сэлдонских кризисах.

Мэллоу остановился, хотя

важность того, что он сказал, дошла до сознания поглубже и впервые был вознагражден молчанием, которое не нарушила даже галерка. Коренные жители Терминуса все прекрасно поняли. Человек с другой планеты мог слышать только искаженные версии, затуманенные религией. Он ничего не мог знать о Сэлдонских кризисах. Ничего, это не последние, что они поймут. Он продолжал:

— Найдется ли здесь хоть один человек Основания, который мог бы не знать о природе этого кризиса? Только один тип образования на всей планете может не дать такого знания, которое полностью исключает любое знание об историческом процессе

Сэлдона и говорит только о самом человеке, как о величайшем волшебнике...

В ту же секунду я знал, что Джейм Твер никогда не был торговцем. Я знал, что он находится у меня по приказанию священников и, возможно, сам один из них. Несомненно и другое: все три года, что он возглавлял политическую партию, он был купленным человеком Джорана Сатта.

В ту минуту я был в потемках. Я не знал целей Сатта по отношению к самому себе. Но так как он делал вид, что дает мне полную свободу действий, я тоже не сидел сложа руки. Я больше не сомневался, что

Твера приставил ко мне Джоран Сатт в качестве неофициального стражника. Если бы я, допустим, не клюнул на эту удочку и не взял бы его с собой, он придумал бы что-нибудь еще, в чем я не смог бы так быстро разобраться. Известный враг относительно безопасен. Я пригласил его лететь со мной. Он согласился.

Это, господа советники, объясняет две вещи. Во-первых, это говорит вам о том, что Твер вовсе не мой друг, дающий свидетельские показания против меня с неохотой и ради восстановления справедливости, как пытается доказать обвинение. Во-вторых, это

объясняет мои определенные действия при первом появлении священника, в убийстве которого меня обвиняют — действия вам неизвестные, потому что я о них никогда еще вам не говорил.

Члены Совета, чем-то обеспокоенные, шепотом переговаривались. Мэллоу театрально откашлялся и продолжал:

— Мне очень неприятно описывать свои чувства, когда я впервые услышал, что на борту звездолета находится беженец-миссионер. Мне даже неприятно вспоминать их. В основном в голове у меня была полная сумятица. Сначала я подумал, что это

очередной ход Сатта, но просчитать это было невозможно. Я был в растерянности, причем в полной.

Я мог сделать только одно. Избавится от Твера на пять минут, услав за моими офицерами. В его отсутствие я включил видеомэгнитофон, чтобы потом проанализировать все, что произошло. Я не вполне четко, но вполне искренно считал, что то, что смущало меня в тот момент, может стать очевидным при просмотре записей.

С тех пор я просмотрел этот фильм более пятидесяти раз. Пленка находится у меня с собой и я демонстрирую его в вашем

присутствии в пятьдесят первый раз.

Мэр однотонным голосом отдал приказ, в то время как в зале нарастал шум, а галерка ревела. В пяти миллионах домов Терминуса возбужденные зрители придвинулись поближе к телевизорам, а на скамье прокурора Сатт холодно покачал головой в ответ на нервные слова первосвященника, не отрывая своего взгляда от Мэллоу. Центр зала был очищен и свет притушен. Анкор Джаель на своей левой скамье включил аппарат и вместе с щелчком на экране появилось изображение.

Появился миссионер, смущенно и испуганно стоящий между лейтенантом и сержантом.

Молчаливо стоял Мэллоу, а затем вошли люди и последним — Твер. Начался разговор. Сержанту было наложено дисциплинарное взыскание, а миссионер допрошен. Появилась толпа, был слышан ее рев, и его преподобие Джордж Парма начал свои дикие вопли. Мэллоу выхватил бластер, и миссионер, перед тем, как его утащили, воздел руки, проклиная торговца, а потом возникла и пропала тоненькая полоска света.

Миссионера утащили и офицеры застыли в ужасе. Твер заткнул дрожащими руками уши, а Мэллоу спокойно спрятал бластер в кобуру.

В зале включили свет.

Пространство в центре комнаты окончательно очистилось от людей Мэллоу, настоящий живой Мэллоу, продолжал свое тяжелое повествование.

— Дело, как вы видели, происходило в точности так, как показало обвинение, но только на поверхности. Я сейчас постараюсь объяснить. Эмоции Джейма Твера, кстати, ясно показывают, что он получил духовное образование.

В тот же самый день я указал на некоторые несоответствия всего происходящего Тверу. Я спросил его, откуда мог взяться миссионер в таком изолированном месте, в котором приземлится наш звездолет.

Далее я спросил его, откуда могла взяться толпа, если ближайший самый маленький городок находится в ста милях отсюда. Прокурор почему-то не обратил внимания на эти вопросы.

Не обратил он внимания на другую любопытную деталь: явную наглость Джорджа Парма. Миссионер на Корелии, рискующий своей жизнью, нарушающий законы Корелии и Основания расхаживает по планете явно в новом священном одеянии. В то время я предположил, что этот миссионер является ловушкой со стороны Комдора, который хотел заставить нас совершить грубое незаконное

нарушение, чтобы оправдать последующее уничтожение им нас и нашего звездолета.

Прокурор принял мое соображение по данному вопросу во внимание. Они ждали, что мои объяснения будут следующими: мой корабль, мой экипаж и моя миссия находились под угрозой и не могли быть пожертвованы ради одного человека, когда этот человек все равно был бы уничтожен с нами или без нас. И они отвечают мне невнятными бормотаниями о честности Основания и о необходимости поддержания престижа, чтобы не нарушать нашего авторитета.

Однако, по каким-то странным причинам обвинение позабыло о самом Джордже Парма, как о индивидууме. На процессе о нем не было сказано ни слова: ни о месте его рождения, ни об его образовании, ни о том, что он вообще делал раньше. Объяснение этого выявит также и те несоответствия, на которые я указал при просмотре фильма. Это взаимосвязано.

Обвинение не предоставило никаких данных о Джордже Парма, потому что оно этого сделать не может. Сцена, которую вы видели на пленке нереальна, потому что сам Джордж Парма нереален. Такого человека никогда не существовало.

Весь этот процесс — самый большой фарс происходящий на Основании и показывающий то, чего никогда не было.

Еще раз пришлось обождать, пока в зале утихнет шум.

— Я собираюсь показать вам отдельный увеличенный кадр пленки. Он будет говорить сам за себя. Свет, Джаель.

В зале потемнело и экран вновь наполнился замершими в неестественных позах фигурками. Офицеры звездолета вновь стояли тесной группой. Бластер появился в твердой руке Мэллоу. Святой отец Парма тонко визжал и сыпал проклятиями, затем воздел руки к

небу, и широкие рукава его мантии скользнули до плеч.

И из руки миссионера вырвался этот маленький зайчик света, который в предыдущем показе мелькнул и погас. Сейчас кадр остановился и свет был виден постоянно. — Обратите внимание на полосу света на его руке, — слышался из темноты голос Мэллоу. — Увеличьте кадр, Джаель.

Экран быстро приблизился. Все остальные фигуры отплыли в стороны, и миссионер оказался в самом центре. Сначала виднелись только гигантская голова и руки, затем только одна рука, которая заполняла весь экран и застыла на

месте. Свет на этой руке засиял еще ярче.

И внезапно это свет, при еще большем увеличении, сложился в четкие буквы: КСП.

— Это, — гудел на весь зал голос Мэллоу, — образец татуировки. При обычном свете он не виден, но при ультрафиолетовом, а перед включением аппарата я запомнил комнату ультрафиолетовыми лучами, татуировка явно выделяется. Это, конечно, наивный способ сохранять секреты. Но на Корелии вы это встретите на каждом шагу. Даже на нашем звездолете это случайно произошло.

Возможно, некоторые из вас уже

догадались, что такое КСП. Джордж Парма прекрасно знал священные тексты и сыграл свою роль превосходно. Где и как он этому научился, я не могу сказать, но КСП значит «Корелийская Секретная Полиция».

Мэллоу кричал во весь голос, пытаясь перекричать рев толпы: — У меня есть косвенные улики в форме документов, привезенных с Корелии, которые я предоставляю Совету по первому требованию.

И где сейчас дело обвинения? Они уже тысячу раз делали кошмарные предположения, что я должен был защитить этого человека, миссионера, несмотря на то, что

закон был против него, и я должен был погубить свою миссию, свой корабль с командой ради «чести» Основания.

Но поступить так ради самозванца?

Следовало ли мне сделать это ради корелийского агента, одетого в мантию священника и пользующегося проповедями, вероятно, заимствованными с Анакреона? Неужели же Джоран Сатт и Публис Манлио ожидали, что я попадусь в такую глупую ловушку...

Его хриплый голос утонул в бесконечном монотонном реве толпы. Его подняли на плечи и

вынесли к скамье мэра. Из окон он видел толпы с ума сходящих людей, которые все увеличивались и увеличивались. Мэллоу посмотрел, где Анкор Джаель, но ничего невозможно было разглядеть сквозь массы лиц. Медленно он понял, что толпа теперь скандирует одну и ту же фразу:

— Да здравствует Мэллоу... Да здравствует Мэллоу... Да здравствует Мэллоу...

Анкор Джаель подмигнул Мэллоу. Лицо у бывшего министра было изможденным: последние два дня он почти не спал.

— Мэллоу, все прошло более чем прекрасно, но не заноситесь слишком высоко, это вам только повредит. Вы не можете серьезно думать о том, чтобы выставить свою кандидатуру в мэры. Энтузиазм толпы это, конечно, великая вещь, но он быстро проходит.

— Вот именно, — угрюмо сказал Мэллоу. — Поэтому мы и должны поддерживать его, А для этого нужно поторопить события. —

И что делать сейчас? — Вы должны арестовать Публиса Манлио и Джорана Сатта...

— Что?!

— То, что слышите. Заставьте мэра их арестовать! Мне плевать, какие угрозы вы используете. В моих руках толпа, по крайней мере, сегодня. Он не осмелится противостоять ей.

— Но какие же им предъявить обвинения, черт возьми?

— Самые очевидные. Они подбивали священников других планет вмешиваться во внутренние дела Основания. По Сэлдону, это нелегально. Обвините их в том, что они поставили государство в

опасность. И мне также наплевать, вынесут им смертный приговор или нет, как и им в моем случае. Просто выключите их из деятельности, пока я не стану мэром.

— До выборов еще полгода.

— Не так уж и долго.

Мэллоу вскочил на ноги и внезапно сжал руку Джаеля.

— Послушайте, я захвачу правительство силой, если это понадобится, так, как это сделал Сальвор Хардин сто лет назад. Сэлдонский кризис еще не кончился, и когда он будет в самом разгаре, я должен стать мэром и первосвященником в одном лице!

Джаель нахмурил брови. Он

спокойно спросил:

— Что должно произойти? Все-таки Корелия?

Мэллоу кивнул головой.

— Конечно. Она неизбежно объявит нам войну, хотя я могу поспорить, что не раньше чем через полгода.

— Атомным оружием?

— А вы как думали? Эти три космических корабля, которые мы потеряли в их секторе, не были уничтожены из мелкокалиберной винтовки. Джаель, они получают звездолеты от самой Империи. Не открывайте рот, как дурак. Я сказал: Империи! Она все еще никуда не делась, знаете ли. Ее нет здесь, на

Периферии, но в галактическом центре она все еще действует. И одно неверное движение означает, что она придет сюда свернуть нам шею. Вот почему я должен стать мэром. Я — единственный человек, который знает, как справиться с кризисом.

Джаель сухо сглотнул.

— Как? Что вы собираетесь делать?

— Ничего.

Джаель неуверенно улыбнулся.

— Да? Вот как?

Но ответ Мэллоу был тверд.

— Когда я буду управлять Основанием, я ничего не буду делать. На сто процентов ничего, и это — секрет кризиса.

Аспер Арго, всеми любимый Комдор Корелийской республики, приветствовал свою жену хмурым поднятием своих кустистых бровей. К ней не подходил этикет — всеми любимой. Даже он знал об этом.

Она сказала голосом, таким же некрасивым как и волосы, и таким же холодным как ее глаза:

— Насколько я понимаю, мой великий господин принял решение о будущей судьбе Основания?

— Вот как? — раздраженно спросил Комдор. — И какие ценные наблюдения вы сделали?

— Многие, мой благородный

супруг. Вы еще раз собрали свой
пустоголовый Совет. Чудные
советчики! Глупое стадо, думающее
только о своей прибыли. Они
забывают, что мой отец может быть
этим очень недоволен.

— А кто, моя дорогая, —
последовал мягкий ответ, — тот
источник, из которого вы черпаете
столь ценные сведения?

Она коротко рассмеялась.

— Если бы я вам сказала, мой
источник иссяк бы в ту же минуту.

— Ну что ж, вы как всегда
настояли на своем.

Комдор пожал плечами и
отвернулся.

— А что касается вашего отца,

его неудовольствия, то боюсь, что оно выражается в том, что он трусливо отказал нам в поставке следующей партии звездолетов.

— Звездолетов?

Она горячо кинулась на защиту.

— Разве у нас нет уже пяти штук? Не отрицайте, я зная, что у вас уже пять и вам пообещали шестой.

— Мне обещали его год назад.

— Но один, всего лишь один может превратить Основание в пыль! Один звездолет! Один звездолет, чтобы разметать по всему космосу их кораблики.

— Я не могу атаковать их планету даже с дюжиной звездолетов.

— А долго выдержит их планета, если торговля будет нарушена, а их дурацкие грузы уничтожены?

— Эти дурацкие грузы приносят деньги, — вздохнул он. — Большие деньги.

— Но, если ты захватишь все Основание, разве не достанется вместе с ним и все остальное? А если вы добьетесь уважения и признательности моего отца, разве это не больше, чем может дать Основание? Три года — даже больше — прошло с тех пор, как этот варвар устраивал здесь свои демонстрации. Вполне достаточно.

— Моя дорогая, — комдор

повернулся и уставился на нее, — я старею и слабею. У меня нет больше сил выслушивать твой болтливый язык. Вы говорите, что знаете мое решение. Да, я решил. И между Корелией и Основанием сейчас война.

— Хорошо.

Она выпрямилась и глаза ее засверкали.

— Наконец-то вы поняли истинную мудрость, хотя и поздно. А когда вы станете властелином всей периферии, вы будете пользоваться уважением и влиянием в Империи. Наконец-то мы сможем покинуть этот варварский мир и быть при дворе наместника. Думаю, нам это

разрешат.

Она вышла из комнаты с улыбкой на устах.

Когда она вышла, он сказал ей во след:

— А когда я стану властелином того, что ты называешь Периферией, я прекрасно обойдусь как без наглости твоего отца, так и без язычка дочери. И уж определенно без последнего!

Старший лейтенант звездолета «Черное Облако» в ужасе уставился на экран.

— Великая Галактика.

Он думал, что кричит, а на самом деле это был хриплый шепот.

— Что это?

Это был звездолет, но рядом с «Черным Облаком» он выглядел как кит рядом с моллюском и на его борту была эмблема Империи: Звездолет и Солнце. Истерические сигналы тревоги звучали по всему кораблю.

Приказы были отданы и «Черное Облако» приготовилось

бежать, если удастся, в то время как из радиорубки понеслось послание через космос к Основанию на ультракоротких волнах.

Вновь и вновь! Иногда просьба о помощи, но чаще всего — предупреждение об опасности.

Просматривая отчеты, Хобер Мэллоу устало переложил ногу за ногу. Два года, проведенных на посту мэра, сделали его намного более мягким, намного более терпеливым, намного более бездомным, но они не научили его любить правительственные отчеты и тот казенный язык, которым они были написаны.

— Как с нашими звездолетами? — спросил Джаель.

— Четыре насильно посажены на планету. О двух других ничего не известно. Остальные в полном порядке.

Мэллоу хмыкнул.

— Могло быть и лучше, но ничего не поделаешь.

Ответа не последовало, и Мэллоу поднял голову.

— Тебя что-нибудь беспокоит?

— Хоть бы Сатт не пришел, — последовал ответ не к месту.

— Ах, да, и мы снова услышим лекцию о ближнем фронте.

— Ничего подобного, — ответил Джаель. — Ну и упрям же ты, Мэллоу. Вы, конечно, может и разработали внешнюю политику до тонкостей, но тебе всегда было безразлично, что происходит у тебя под носом.

— Но ведь это твоя забота, не

так ли? Для чего иначе я сделал тебя министром Образования и Пропаганды?

— Очевидно для того, чтобы пораньше загнать в могилу. За последний год я прожужжал тебе все уши об опасности со стороны Сатта и его религиозной партии. Кому нужны все твои прекрасные планы, если Сатт устроит специальные перевыборы и сам станет мэром.

— Признаюсь, что никому.

— А твоя речь вчера вечером? Да ты протягиваешь Сатту пост мэра на блюдечке с голубой каемочкой. Какова необходимость говорить всю правду?

— А разве не плохо

предупредить точно такую же речь Сатта?

— Плохо, — с силой ответил Джаель. — По крайней мере не так, как ты это сделал. Ты говоришь, что предвидел все, и не объясняешь, почему ты вел торговлю с Корелией, выгодную для нас торговлю на протяжении трех лет. Единственный твой план сражения — это отступить без боя. Ты прекратил торговые отношения со всеми секторами космоса вблизи Корелии. Ты открыто продолжаешь ничего не предпринимать. Ты не обещаешь никаких действий в будущем. Великая Галактика, Мэллоу, что прикажешь мне делать со всей этой

неразберихой?

— В ней не хватает величия?

— В ней не хватает энтузиазма масс.

— Это одно и то же.

— Мэллоу, проснись. У тебя два выбора. Или ты предоставишь народу взрывной силы внешнюю политику, какими бы ни были твои личные планы, либо ты пойдешь на какой-нибудь компромисс с Саттом.

— Ну и хорошо, — сказал Мэллоу. — Если у меня ничего не вышло с первым, давайте попробуем второе.

Они не виделись друг с другом с того самого дня процесса, который происходил два года назад. Ни один

из них не заметил перемены в другом, разве что неуловимо изменилась атмосфера: победитель и побежденный поменялись местами.

Сатт сел в кресло, не пожав руки.

Мэллоу предложил ему сигару.

— Не возражаете, если Джаель будет присутствовать при разговоре? — сказал он. — Он честно хочет найти какой-нибудь компромисс. Он может выступить посредником, если мы оба разгорячимся.

Сатт пожал плечами.

— Для вас компромисс будет выгоден. Когда-то по другому поводу я просил вас высказать свои условия.

Я предполагаю, что наши роли теперь поменялись.

— Вы правильно предполагаете.

— В таком случае — вот мои условия. Вы должны прекратить губительную политику экономического подкупа путем торговли и вернуться к испытанному методу внешней политики наших отцов.

— Вы имеете в виду завоевания с помощью миссионеров?

— Совершенно верно.

— Других компромиссов быть не может?

— Нет.

— Гм-м-м...

Мэллоу медленно зажег сигару и затянулся. Кончик ее разгорелся

ярким пламенем.

— Во времена Хардина, когда завоевания посредством миссионеров были новыми и радикальными, такие люди, как вы, возражали против этого. Сейчас он испробован, испытан, окружен нимбом и вполне подготовлен для таких, как Джоран Сатт. Но скажите, как вы собираетесь выпутываться из наших теперешних затруднений?

— ВАШИХ теперешних затруднений. Я не имею к ним ни малейшего отношения.

— Пусть это будет по-вашему, но ответьте на мой вопрос.

— Требуется решительные меры. То ничегонеделание, которым

вы занимаетесь — фатально. Это будет признанием слабости Основания перед всей Периферией, когда самым главным аргументом является сила, и среди них не найдется ни одного стервятника, который не присоединился бы к добыче за своей долей мертвечины. Вы должны это понять. Вы ведь со Смирно, не так ли?

Мэллоу не обратил внимания на многозначительность последней фразы.

— А если вы победите Корелию, — спросил он, — что делать с Империей? Ведь именно она — враг номер один.

Узкие губы Сатта раздвинулись в

улыбке.

— О нет, ваш ответ о путешествии на Сивенну был полон. Наместник Норманского Сектора заинтересован в завоевании Периферии только в корыстных личных целях, да и то для него это не самое главное. Он не собирается ставить на карту все, чтобы организовать экспедицию на окраину Галактики, когда у него пятьдесят враждебно настроенных соседей и Император, против которого можно восстать. Я передаю ваши собственные слова.

— Еще как может, Сатт, в особенности, если решит, что мы представляем опасность. А он может

так решить, если мы разрушим Корелию лобовым ударом. Нам следует быть более гибкими.

— Как например...

Мэллоу откинулся на спинку кресла.

— Сатт, я дам вам один шанс. Вы мне не нужны, но я могу вас использовать. Так что я расскажу вам в чем тут дело, а дальше можете выбирать, либо присоединиться ко мне и получить место в правительстве, либо остаться верным вашим идиотским принципам и сгнить в тюрьме.

— Последнее вы уже пытались однажды проделать.

— Не очень, Сатт, не очень.

Время для этого пришло только сейчас. А теперь послушайте.

Глаза Мэллоу сузились.

— Когда я впервые приземлился на Корелии, — начал он, — я подкупил Комдора разными безделушками и приборами, которые обычно находятся в трюме любого торгового корабля. В начале я сделал это только для того, чтобы попасть в сталеплавильню. Мои планы не шли дальше этого, и я в них преуспел. Всего, что мне хотелось, я добился. И только после моего посещения Империи я понял по-настоящему, в какое оружие можно превратить торговлю.

Мы сейчас стоим перед

кризисом Сэлдона, а Сэлдонские кризисы решаются не отдельными личностями, а историческими силами. Хари Сэлдон, когда он предопределил путь нашей будущей истории, рассчитывал не на героические поступки, а на широкое распространение экономики и социологии. Поэтому решения различных кризисов должны быть достигнуты силами, которые доступны в любое время. В данном случае — торговлей!

Сатт скептически поднял брови и воспользовался возникшей паузой.

— Я льщу себя надеждой, что я не безнадежный кретин, но ваша лекция пока что оставляет меня в

тумане.

— Он прояснится, — отрезал Мэллоу. — Считайте, что до сих пор власть торговли недооценивали. Все думали, что только под контролем священников она может дать нам могущество. Это не так и это мой вклад в Галактическую историю. Торговля без священников! Чистая торговля! Это достаточно опасное оружие. Давайте поговорим о деле. Корелия воюет с нами. Соответственно, мы прекратили с ней всяческие торговые отношения. Но заметьте, я говорю об этом как о простой дополнительной проблеме. За последние три года вся ее экономика основывалась все более и

более на атомной энергии, которую мы ей дали и которую только мы можем ей предоставить. Как вы считаете, что произойдет, когда крохотные атомные генераторы станут отказывать, и один за другим приборы выйдут из строя?

Первым делом испортятся домашние приспособления. Через полгода того самого ничегонеделания, против которого вы восстаете, женский атомный кухонный нож не будет работать. Ее плита начнет барахлить. Ее посудомойка начнет плохо мыть посуду. Кондиционеры откажут в самый жаркий день. Что произойдет?

Он замолчал, ожидая ответа, и Сатт спокойно ответил:

— Ничего. Люди много выносят во время войн.

— Очень справедливо. Выносят. Они посылают своих сыновей умирать в страшных муках на разбомбленных звездолетах. Они прячутся при обстреле, даже если это означает для них жить на одном черном хлебе и воде в пещерах под землей. Но очень трудно вынести мелкие неприятности, когда отсутствует патриотический подъем при немедленно грозящей опасности. Не будет ни столкновений, ни бомбардировок, ни битв.

А будет просто нож, который не будет резать, и дом, замерзающий зимой. Это будет раздражать, и народ начнет роптать.

Сатт медленно с удивлением произнес:

— На этом вы строите свои надежды? Чего вы ожидаете? Восстания домохозяек?

— Нет, сэр, — нетерпеливо сказал Мэллоу. — Нет. Однако, я ожидаю, что в народе поднимется недовольство настоящим положением вещей, которое дальше начнет выливаться в другие формы, куда более важные.

— Что это за более важные формы?

— Фабриканты, заводчики, индустриальный мир Корелии. Когда пройдут два года этого периода, станки на фабриках, один за другим, начнут останавливаться. Те отрасли, которые мы изменили от начала до конца, оборудовав их атомными приспособлениями, полностью обанкротятся. Тяжелая индустрия оставит своим владельцам лишь несколько установок моделей станков, которые почти не будут выдавать продукции.

— Заводы прекрасно работали там до того, как появились вы, Мэллоу.

— Да, Сатт, так оно и было, примерно с двадцатой частью

процента прибыли, даже если вы захотите выпустить из виду такое соображение, как переоборудование на старый лад и его стоимость. Когда против него обернутся заводчики, финансисты и простые люди, как вы думаете, долго ли продержится Комдор?

— Так долго, сколько захочет, если ему придет в голову доставить новые атомные генераторы из Империи.

Тут Мэллоу радостно засмеялся:

— Вы ошибаетесь, Сатт, ошибаетесь так же жестоко, как и сам Комдор. Вы ошибаетесь во всем и ничего не понимаете. Подумайте сами, Империя ничего не может дать.

Империя всегда была областью колоссальных ресурсов. Они рассчитывали все в масштабах планет, звездных систем, целых секторов Галактики. Их генераторы обладают гигантскими размерами, потому что они исполняют гигантские функции.

Но мы, мы из Основания, наша единственная планета, не обладающая никакими полезными ископаемыми, должны были жестко на всем экономить. Наши генераторы должны были быть размером с большой палец, потому что на большее количество металла нам не приходилось рассчитывать. Мы должны были разработать новые

технологические способы и новую технологию, которыми Империя пользоваться не могла, потому что дегенерировала до такой степени, что не имела уже жизненно важного научного развития.

Со всеми их силовыми полями, способными защитить звездолет, город, целую планету, они никогда не додумались до того, чтобы защитить силовым полем определенного человека. Чтобы дать свет и отопление городу, они выстраивают генераторы в шесть этажей высотой, я их видел, когда наши генераторы спокойно бы уместились в этой комнате. И когда я сказал одному из атомных специалистов, что

свинцовый контейнер величиной с орех содержит в себе атомный генератор, он чуть не захлебнулся от ярости на месте.

Они даже не понимают больше своей собственной огромности. Приборы работают из поколения в поколение автоматически, и те, кто за ними ухаживает, наследная каста, будет беспомощна, если сгорит самая обыкновенная Д-трубка во всей этой сложной структуре.

Вся борьба заключается в борьбе между этими двумя системами: Империей и Основанием. Чтобы захватить контроль над всеми мирами, они строили колоссальные звездолеты, которые могли

завоевывать, но не имели никакого экономического эффекта. Мы, с другой стороны делали вещи маленькие, бесполезные для войны, но жизненно важные для процветания и прибыли.

Комдор предпочитает огромные звездолеты, которые могут воевать. Разумные правительства всегда во всей истории заботились о благосостоянии своих подданных, считая это делом чести и славы. Но тем не менее в жизни имеют значения именно маленькие вещи. И Аспер Арго никогда не устоит перед депрессией, которая нахлынет на Корелию за два-три года.

Сатт теперь стоял у окна спиной

к ним. Наступил ранний вечер и несколько звезд слабо светились на самом краю Галактики, отражая свет далеких центральных светил Империи, все еще огромной и борющейся против них.

— Нет, вы не тот человек, — сказал Сатт.

— Вы мне не верите.

— Я вам не доверяю. У вас слишком хорошо подвешен язык. Вы меня обманули, когда я считал, что дело мое выиграно, еще в первое посещение вами Корелии. Когда я думал, что вам уже не выкрутиться на суде, вы выкрутились словно уж и своей демагогией завоевали кресло мэра. В вас нет ничего прямого, вы

ничего не делаете без задней мысли, не говорите не одной фразы, которая не имела бы трех значений.

Допустим, вы были бы предателем. Допустим ваше посещение Империи принесло вам обещание власти и субсидий. Ваши действия в таком случае были бы точно такими же как и сейчас. Вы бы начали войну не раньше, чем ваш враг набрался бы сил. Тогда вы бы втянули Основание в безнадежную войну, придумав достаточно веские основания, которые бы всех убедили.

— Вы хотите сказать, что компромиссов не будет? — мягко спросил Мэллоу.

— Я хочу сказать, что вам надо

уходить по своему желанию, либо мы применим силу.

— Я предупредил вас о единственной альтернативе, если вы откажетесь со мной сотрудничать.

Лицо Сатта внезапно налилось кровью от избытка чувств.

— Я хочу предупредить вас, Ховер Мэллоу, что если вы меня арестуете, вам не будет пощады. Мои люди не остановятся не перед чем, распространяя правду. И простые люди Основания объединятся против их иноземного властелина. У них есть сознание своей судьбы, которые никогда не поймет смирянец, и это сознание уничтожит вас.

Хобер Мэллоу спокойно сказал двум вошедшим охранникам:

— Уведите его. Он арестован.

— Это ваш последний шанс, — сказал Сатт.

Мэллоу погасил сигарету и даже не поднял голову.

Пятью минутами позже Джаель беспокойно заерзал на стуле и неуверенно произнес:

— Ну что же, теперь, когда вы сделали из меня козла отпущения, что дальше?

Мэллоу перестал вертеть в пальцах пепельницу и сказал:

— Это не тот Сатт, которого я когда-то знал. Он как ослепший от ярости бык. Великая Галактика, как

он ненавидит меня.

— И от этого становится еще более опасен.

— Более опасен? Ерунда! Он не может больше ясно мыслить.

— Ты слишком уверен в себе, Мэллоу, — угрюмо сказал Джаель. — Ты игнорируешь возможность народного восстания.

Мэллоу в свою очередь хмуро посмотрел на него.

— Раз и навсегда, Джаель, запомни, что такой вероятности не существует.

— Ты слишком самоуверен.

— Я уверен только в Сэлдонском кризисе и исторической обоснованности его решений, как

внешней так и внутренней стороны. Есть некоторые вещи, которые я не сказал Сатту. Он пытался захватить власть на Основании путем религии, как он сделал на внешних планетах, и проиграл, что уже достаточно ясно говорит о том, что в плане Сэлдона не осталось места религии.

Экономический контроль — другое дело. И перефразируя знаменитое выражение Сальвора Хардина, которое ты мне приводил, я могу сказать: «Плох тот бластер, который не стреляет в оба конца». Если Корелия выиграла от нашей торговли, то выиграли и мы. Если их заводы остановятся в результате прекращения наших торговых

операций, и процветание внешних миров исчезнет при коммерческой изоляции, точно также остановятся наши заводы и исчезнет благополучие.

А сейчас не осталось ничего, ни единого завода, ни единого торгового центра, ни одной торговой линии, которые бы не были под нашим контролем, которые я бы не мог остановить или уничтожить, если Сатт начнет свою революционную пропаганду. Когда он преуспеет в этом деле, или мне просто покажется, что это так, я позабочусь о том, чтобы наше процветание кончилось. Когда он проиграет, все опять пойдет по-старому, потому что

мои заводы останутся полностью оборудованными.

И по тем же самым причинам, по которым я уверен, что корелийцы восстанут, чтобы вернуть процветание страны, я также уверен, что мы никогда не восстанем против этого процветания.

— Значит, — спросил Джаель, — ты создаешь плутократию? Ты делаешь нашу страну страной торговли и торговых принцев. Тогда что будет с будущим?

Мэллоу поднял свое мрачное лицо и страстно воскликнул:

— Какое мне дело до будущего. Несомненно, Сэлдон все предвидел и ко всему приготовился. Когда власть

денег станет такой же бесполезной силой, как сейчас религия, наступит новый кризис. Пусть мой преемник решает эти новые проблемы, как я решил их сегодня.

Корелия... — Итак, после трехлетней войны, которая несомненно была самой «невоенной» войной всех времен, республика Корелия сдалась без всяких условий, и Хобер Мэллоу занял свое место вслед за Сальвором Хардином в сердцах людей Основания.

*Галактическая
Энциклопедия*

notes

Примечания

Все ссылки на Галактическую энциклопедию, приведенные в книге, взяты из 116 издания, опубликованного в 1020 г. б. э., Галактическая Корпорация, Терминус.